

«Великий» **КОНАН**

КОНАН И ТИГРЫ ХЛИБОРИИ

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ас
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург • Москва • 2000

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Б79

Серия основана в 1993 году

*Серийное оформление Дмитрия Вяземского
В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.*

Публикуется с любезного разрешения автора.

Печатается с разрешения CONAN Properties.

*Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой
книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой
информации. Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

Болтон Д., Локнит О.

Б79 Конан и Тигры Хайбории: Роман, рассказы. — М.: ООО
«Издательство АСТ»; СПб.: «Северо-Запад Пресс», 2000. —
400 с. — (Конан).

ISBN 5-17-002259-X (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5-93698-029-4 («Северо-Запад Пресс»)

Новые приключения непобедимого киммерийца-варвара. Читайте
роман «Конан и Тигры Хайбории»!

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

© Ken Kelly, обложка, 1981
© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© «Северо-Запад Пресс», подготовка текста,
серийное оформление, 2000

Глава первая

Конан пребывал в недоумении. В недоумении категорическом и отупляющем. Впервые в жизни у него появился ребенок. Нет, не собственный, не родной по крови, а просто такой, о котором надо заботиться, которого надо кормить, защищать и вообще быть просто... Отцом. Папой. Хотя в появлении на свет сего малыша Конан был ничуть не виноват. Варвар вообще не знал, кто попался ему под опеку.

Парнишке по виду исполнилось лет двенадцать. Хотя здесь, в суровом Пограничье, дети взрослеют гораздо раньше, нежели в зажравшейся Аквилонии или в блестящем Туране. Значит, не больше десяти. Может, меньше, может — и больше...

У парня сухое телосложение, несмотря на малый возраст, очень тугие мышцы, но не пухлые, а до невероятия жилистые. словно под кожей клубки шерсти перекатываются, со всеми нитя-

ми, видными поверх. Так случается у детей охотников, где мальчик с раннего возраста ходит с отцом в лес, или у сыновей мастеровых — кузнецы или шорники гоняют наследников так, что и у пятилетнего паренька будет сложение настоящего воина. Особенно радеют кузнецы. Папаши, работающие с железом, передают свое искусство потомку с пеленок. Это Конан помнил по самому себе. Как-никак, с трех лет помогал отцу по кузне. Сам таким был. Не лучше и не хуже. Разве более болтливым и любопытным.

Сын кузнеца... Потому-то Конан с юности гордился своим телом — оно не как у туранского борца или силача с зингарского базара: куча мяса без всякого проку. Вдоволь и жилистости, да в последние годы чуток заматерел — веса подбавил. Женщинам нравится. Вдобавок самому приятно.

Давно не юноша, а живот плоский и с «кирпичиками» — просто красиво. Не отрастил брюха к четвертому десятку лет... Почти в тридцать шесть чувствуешь себя молодым. Не пропала отцовская закалка. Семья кузнецов... Попробуй посмейся!

Вот и у мальчика так же. Похож. Только волосы не темные, как у киммерийцев, а светлые и коротко остриженные, «горшком». Взгляд суровый. Кулаки в мозолях. Значит, много дрался. Когда-то. Такой за себя постоит. И соплей не будет распускать. Ни разу.

Чего больше всего Конан не любил, так это соплей. А от «воспитанника» он их никогда не

видел. Если бы увидел — выгнал бы. Незамедлительно. И пусть милостыню просит. На ступеньках храма Митры.

Чем не сын?

Правда, Конан с малышами не имел дела уже лет пять. Киммериец просто не умел общаться с людьми младше шестнадцати лет.

Но тут увидел взрослого. Не телом — умом.

Разве, если с тобой верный человек, ты станешь его ребенком называть?

Да какой он ребенок?! Просто соратник. От слова «рать». Человек, который в твоей рати стоит и тебя плечом прикрывает. Только не в мужском возрасте. Каждый, включая Конана, был маленьким... Но это простительно.

По мнению варвара.

— Пересчитай, — скомандовал Конан подопечному. — И в точности!

— Да, папа, — легко ответил паренек, процеживая меж пальцами золото. — Всего... Всего четыре туранских империи, пять кесариев Аквилонии, восемь стигийских золотых и на полный кесарий всяко-разного серебра. Держи.

Конан, опытный в денежных делах, пересчитал.

Мальчишка не обманул ни на медный сикль. Все отдал. Значит, из парня будет толк. Со своими он напроць честен. Даже мелкой монеты не утаил, чтоб завтра купить сладостей.

Киммериец считал нужным и необходимым обмануть людей нечестных, сребролюбивых или запятнавших себя черной магией, полагая, что

тем самым увеличит частицу доброго в этом мире, но не терпел, когда обманывают его самого или просто... Просто хороших людей.

Таковыми на сегодняшний день варвар считал самого себя и приятелей-оборотней: Эртеля (племянника нового короля Пограничья, старого Эрхарда), Веллана из Бритунии и немногословного здоровяка Эмерта Боссонского, составлявших маленький отряд, что остановился на ночлег в поселении Брийт.

В компанию также входил странный тип по имени Тотлант. Бритый наголо смуглый молодой человек в черном с золотом балахоне был стигийцем, да не простым стигийцем, а волшебником. Нет, не магом, не колдуном, не чернокнижником — именно волшебником. Знающий человек умеет различать эти понятия.

Вдобавок, Тотлант был редким исключением среди полусумасшедшего племени магиков: стигиец за время истории с Бешеным Вожаком сумел добиться дружеского расположения со стороны киммерийца, раньше откровенно не уважавшего людей, владеющих искусством волшбы.

Четверо молодых наемников и стигиец направлялись в Бритунию.

Главной целью путешествия был город Пайрогия, столица королевства. В Пайрогии Эртелю предстояло вручить правителю ближайшего соседа Пограничья, королю Эльдарану, верительные грамоты от своего дяди, несколько недель назад усевшегося на вечно шатающийся трон полуночной страны, осененной тенью Граскаальских гор.

Словом, пятерка любителей приключений ехала в Бритунию с посольством. Но имелась и другая, тайная цель.

В последние месяцы Пограничное королевство жило беспокойно. То есть, по сравнению со всеми прочими временами, здесь лилось куда больше крови, дороги стали до крайности небезопасными, а слово «порядок», коим гордится любая уважающая себя страна, оказалось напрочь забыто.

Ни для кого не секрет, что в Пограничье наравне с обычными людьми живут и оборотни — довольно многочисленный и (обычно) мирный народ, представители коего отличаются от человека лишь тем, что владеют данным природой умением превращаться в волков.

Один раз в столетие среди оборотней появляется «Бешеный Вожак» — существо, наделенное сверхъестественными способностями. Нынешний Бешеный и стал причиной сумятицы, стоившей жизни королю Хьяреллу.

Вожак поднял многих оборотней против людей, начались кровавые стычки представителей двух рас, и, если бы не случайное стечение обстоятельств и не помощь подгорных гномов, разгромивших войско Бешеного, Пограничье кануло бы в бездну хаоса.

После бесславного поражения предводитель оборотней сумел скрыться — предположительно, бежал в Бритунию. По его голову Эрхард и послал маленький отряд, в который входили опытные воины и умелый волшебник. Если Бешеного

не добить, стране еще долго не видать спокойной жизни.

У Конана имелись свои причины посчитаться с Вожаком — погибли его друзья, а кроме того, с возрастом варвар научился понимать, что в мире существуют вещи против которых надо драться обязательно, даже если тебе этого не хочется.

Философия варвара была весьма незамысловатой: если обидели тебя или твоих друзей — постарайся выдать обидчику по заслугам. Бешеный же обидел целое королевство, ныне принадлежащее хорошему другу киммерийца.

Значит, рано или поздно он получит свое. Люди, хорошо знакомые с Конаном, знали: если варвар решился мстить, он обязательно доведет дело до конца, а затем вытрет тряпицей меч от крови врага и пойдет себе дальше. По своей странной дороге без конца...

Путь в Бритунию довольно прост. Из главного города Пограничья Вольфгарда надо добраться до крупного поселка-бурга Брийт, «второй столицы» королевства, потом выйти на Восходный тракт и чесать себе прямиком в сторону Кезанкии, оставляя Граскаальский хребет по левую руку. До рубежей Бритунии от Брийта всего шестьдесят пять лиг.

Стояла поздняя осень, а это время года в Пограничье весьма коварно. Утром солнышко, но к вечеру вдруг с гор наносит буран, бьют в лицо снежные заряды, ревет ветер. Снегом может занести дорогу, ты собьешься с пути, заблудишься, а ночью замерзнешь.

Глава вторая

Вортится погодка,— Конан обернулся к попутчикам и указал взглядом на черную тучу, огромной улиткой ползущую по блеклому осеннему небу с полуночи на полуденный восход.— Эртель, как думаешь, к закату до Брийта доберемся? Не хочется ночевать под открытым небом.

Вместо Эртеля ответил Веллан — парень лет двадцати, похожий на королевского племянника почти как на родного брата: такая же широкая улыбка, светлые льняные волосы и синие глаза.

Только Веллан более худощав, а Эрт пошире в плечах.

И, что характерно, оба принадлежат к племени Карающей длани, то есть к роду оборотней. Конан давно привык к тому, что его приятели — не-люди, хотя в шутку называл их «нелюдями». Веллан жутко оскорблялся, но до драки дело никогда не доходило.

— Послушайте только этого немытого дикаря! — возвел горе ярко-голубые очи Веллан. — Варвар боится отморозить задницу! Конан, не беспокойся, твое седалище не пострадает. Во-первых, оно надежно прикрыто седлом, во-вторых, буря пройдет мимо.

— Чтоб я поверил такому трепачу, как ты? — отозвался киммериец. — Малыш, ты хоть раз бывал в горах?

— В последний раз — две седмицы назад, — парировал Веллан, — с тобой. Еще вопросы?

— Разумеется! С чего ты решил, что... Демоны всех стихий! Начинается!

Буквально мгновение назад воздух был спокоен, а тут вдруг ударил сильнейший порыв ветра, подняв палую листву и сломав несколько веток на окружавших дорожку соснах.

Тотлант недоуменно оглянулся и нахмурился — что-то волшебнику не понравилось. Забеспокоились лошади.

— Эртель, — стигиец быстро подъехал к бело-волосому оборотню, — ты знаешь поблизости место, где можно укрыться? Овраг, ложбину? Мне, признаться, не по себе... Странный ветер.

— То есть? — хором спросили Эмерт и Конан, научившиеся доверять магу в делах, касавшихся колдовства и волшбы.

— Потом! — перекрикивая нарастающий вой шквала, рявкнул Тотлант. — Соображайте быстрее!

Все, кроме Конана и стигийца, несколько лет ходили в отряде следопытов Пограничья и окру-

жавшую столицу местность знали почище, чем расположение трещин на столах любимого трактира «Корона и Посох». Эртель уверенно направил коня в лес.

Неподалеку тянется глубокий овраг, под надежными склонами которого можно переждать непогоду, а при большом желании заночевать без всякой опаски — деревьев там мало, так что не получишь по черепу тяжелой веткой и тебя не придавит вывороченной с корнями сосной.

— Не отставать! — надсаживался Конан, понимая, что сейчас никому нельзя отбиваться от отряда. Верная смерть. Ветер стал невероятно холоден, появились жгущие лицо маленькие снежинки, что недвусмысленно предвещало: начинается пурга со всеми сопутствующими прелестями в виде снежных заносов, града и трескучего мороза. При дыхании изо рта начал появляться густой пар. — Тотлант, куда прешь?! Поезжай сразу за мной!

Это уже не ветер, а настоящий ураган. Что ж, в Пограничье ураганы не редкость, но, конечно, не столь яростные. Сосны угрожающе скрипят.

— Вниз! — Эртель спешил к краю ложбины, взяв лошадь под узду. — Там пересидим.

Действительно, ветер бил по верхам, а на песчаном дне оврага было относительно спокойно, хотя и поддувало изрядно. Каждый занялся своим делом: все обязанности в походе давно распределены. Оборотни ставят шатер — Эртелю с Велланом в этом хитром искусстве нет равных, натянутую ими палатку даже смерч не сорвет.

Барвар стреноживает лошадей, Эмерт воюет с поклажей. Один Тотлант, как человек многоученный и к жизненным трудностям не приспособленный, пребывает в бездействии.

Ясно, что до ночи в Брийт попасть невозможно. Вон как завывает. Посему — лучше устроиться со всем уютом.

Конан только ахнул, увидев, как высоко над его головой промелькнула черная тень — вихрем выворотило целую пушистую елку и подняло дерево на воздух.

А снегопад все усиливается...

— Тотлант, разберись с лошадьми! — напряг голос киммериец. И волшебник может на что-то сгодиться — стигиец владеет заклинаниями, вгоняющими верховых животных в полусонное состояние, именуемое Тотлантом мудреным словом «катаlepsия». Причем лошади не замерзнут, а поутру проснутся свеженькими и отдохнувшими. — Велл, вам помочь?

— Отвали,— рявкнул в ответ Веллан, сражавшийся с канатиками, которыми крепился шатер. — Лучше Эмерту с мешками подсоби...

Наконец, все собрались в шатре. Некоторое время ушло на расстилание теплых попон и звериных шкур (не было только одеял из шкуры волка — в Пограничье этот зверь, прямой родственник оборотней, полагается едва ли не священной тотемной тварью). Под плотный войлочный потолок воспарил созданный Тотлантом шарик желтоватого холодного огня — стало светло. Снаружи доносился чудовищный рев продол-

жавшего усиливаться урагана. «Хотя,— подумал Конан,— уж куда сильнее? Не иначе, буря вызвана магией...»

— Излагай,— варвар дернул улегшегося набок волшебника за рукав его черной хламиды.— Ты что-то почувствовал?

— Конечно. Эмерт, убери из под моего носа свои пятки! Спасибо. Так вот, месьюры, ураган пришел со стороны Гипербореи, так?

— Ну,— согласился Веллан.

— Опять тамошние колдуны расшалились... — вздохнул Эртель, а киммериец только выругался. Гиперборейские маги чересчур вольно обращались с волшебой, зачастую портя жизнь и себе и всем окружающим.— Или специально наслали буран? Например, какого-нибудь колдуна подкупил Бешеный Вожак, и тот начал делать гадости моему дядюшке, королю Эрхарду?

— Заткнись,— бросил Конан и вопросительно посмотрел на стигийца. Тотлант заговорил, старательно подбирая слова:

— Нет, бурю не насылали специально, я бы понял, случись так... Ты правильно сказал Эрт: «колдуны расшалились». Понимаете ли, магия, как и все на свете, подчиняется определенным законам, эта истина общеизвестна. Любое заклинание имеет противовес. Видите наш фонарик? Если завтра утром я его не погашу, он будет висеть здесь вечно. Теперь представьте: сотни и тысячи заклятий, произнесенных только нынешним днем по всему миру, не прекращают действовать в надлежащее время, маги не контролируют ос-

вободившуюся силу, она множится. Что произойдет дальше, должно быть ясно даже такому законченному недоумку как ты, Эртель...

— И что же? — поднял брови оборотень. — Понимаешь, Тотлант, я еще не самый законченный, вроде моего дядюшки, мне еще учиться и учиться. Так что я не понимаю.

— Конец света, — спокойно сказал Тотлант. — Без преувеличений. Магия запросто пожрет мир, сожжет его. Посему любой волшебник, от самого светлого митрианца до моего предавшегося Тьме соотечественника Тот-Амона, всегда отмеряет заклинанию срок действия, после чего сила уходит, растворяясь в природе.

— Больно умно ты говоришь, — вздохнул Веллан, но тотчас получил от Конана тычок локтем в спину. Варвару было интересно.

— То есть, — медленно сказал киммериец, поглядывая на черноглазого Тотланта, — какой-то придурковатый маг из-за гор что-то там наколдовал, а потом забыл остановить действие своего заклятья? Или не остановил преднамеренно?

— Именно, — грустно усмехнулся стигиец. — Соображаешь. Конан, я всегда знал — ты далеко пойдешь. Бросай ремесло наемника и иди учиться в Тарантийскую Обитель Мудрости. Лет через десять станешь мэтром, а то и бакалавром...

— Не было печали, — буркнул варвар.

— Сейчас, — авторитетно сказал Тотлант, — мы имеем дело с буйством сорвавшейся с цепи магии. Я понятия не имею, что конкретно хотел сделать наш неведомый друг из Гипербореи. Ясно

одно: маг не удержал разбуженную силу и она, видоизменившись, вызвала природный катаклизм. Спустилась ночь природа сама справится с бурей, а пока... Пока будем сидеть и ждать. Кстати, один из нас должен обязательно оставаться на страже. Магические ураганы порождают не только снег и ветер. В утробе шторма может родиться и кое-что похуже.

— А поподробнее? — насторожился молчун Эмерт. — Чудовища?

— И они тоже, — кивнул волшебник. — Много всякого. Неуправляемая магия порождает самые невероятные чудеса. Никто не может заранее сказать, какую форму примет сгусток колдовской силы... Могу привести множество примеров — от веселых до печальнейших весьма. Вот, помню, года три назад жил я в Бельверусе...

Болтали почти до полуночи. Врывающийся в овраг ветер бил по тугим стенам шатра, Тотлант изредка выглядывал наружу — проверить, как там лошади, и растопить своим магическим умением нанесенный снег. За вечер снега выпало на полтора-два локтя в высоту, а ведь ночь только начинается!

Стигиец был отличным остроумным рассказчиком, да и прочие не отставали. Много повидавший Конан вспоминал старые приключения, связанные с колдовством и колдунами. Когда разговор зашел о чудовищах, Веллан немедленно завел историю времен своей молодости — тогда бритунiec ходил вместе с отрядом «охотников за монстрами». Эти люди за деньги уничтожали непри-

ятных видом и характером тварей, досаждавших поселянам в Пограничье и соседних королевствах.

Но в основном разговор крутился вокруг всяко-разной магии. В конце концов пришли к общему решению: волшебство — вещь неплохая, да только в умелых руках.

Первым на стражу вызвался Конан, глубоко за полночь его сменил Эртель, под утро, в самую тьму, разбудили Веллана.

Оборотень уселся прямо под фонариком Тотланта и прислушался. Если не обращать внимания на похрапывание киммерийца и легкое сопение волшебника, можно различить, что ураган утихомиривается — ветер стал поспокойнее, не столь пронзительно режут порывы и не слышится треск ломаемых деревьев в лесу. Вот и замечательно. Утром, после рассвета, можно будет со спокойной душой отправляться в Брийт.

Хряп... Хряп-хряп... Хряп. Веллан, начинавший задремывать, вскинулся. Снаружи кто-то ходил. Большой и тяжелый. Лапы давят свежий сухой снег, издавая это самое хряпанье. Медведь пришел поживиться лошадьми?

Чушь!

Во-первых, Тотлант наложил охранное заклинание. Во-вторых, ни один дикий зверь и близко не подойдет к месту, где ночуют оборотни. Полулюдей-полуволков зверье уважает, признавая их превосходство.

В-третьих, от поступи медведя не вздрагивает легонько земля. Тогда кто же это? Великая Иш-

тар! Недаром столько времени трепались о нечисти. Накликали...

— Конан... Конан, проснись,— бритуниец потрепал варвара за плечо и получил в ответ малоразборчивое ругательство.

— Что еще? Моя стража? Вон Эмерт всю ночь дрыхнет. Его буди.

— Тихо. Слышишь? Мне это не нравится.

— Мне тоже,— хрипло шепнул Конан, резко поднимаясь. Варвар машинально потянулся за оружием.— Тотлант, вставай.

Волшебник обладал похвальным качеством — умел просыпаться мгновенно и сразу начинал действовать.

— Нужен будет свет,— втолковывал Конан.— Причем яркий. Сделаешь?

— Постараюсь,— кивнул стигиец, растирая ладони.— Боги, как не хочется лезть на мороз. Холодно... Веллан, разбуди остальных. Предчувствие у меня самое недоброе... Разбирайте клинки и пошли!

Большой шатер хорош тем, что там можно встать в полный рост, быстро откинуть полог и выскочить наружу.

Схема действий компании Эртеля была отработана еще во время войны с Бешеным Вожаком — первыми идут варвар и Тотлант (стигиец неплохо владеет боевой магией, а у Конана огромный опыт), их прикрывают остальные. У Эмерта, в добавление к мечу — арбалет, с наложенным на тетиву тяжеленным металлическим болтом.

Судя по звуку, ночной гость остановился шагах в двадцати от палатки и переминался с ноги на ногу, словно решая — стоит наносить визит или нет.

— Вперед, — скомандовал варвар стигийцу, мгновенным движением убирая толстый полог шатра. — Свет!

Ф-ф-фью... На высоту десяти локтей взлетает сорвавшийся с пальцев Тотланта огненный шар, размером с яблоко.

Эдакое маленькое солнце... Конан, прыгнув вперед принимает боевую стойку — колени полусогнуты, меч прямо перед собой. Ноги больше чем по колено в снегу. Троица подданных короля Пограничья позади. Готовы и напасть, и обороняться.

— Впечатляет, — бесцветным голосом протянул Тотлант, рассмотрев, кто именно почтил импровизированный лагерь своим присутствием. Хорошо, лошади остаются под действием заклятья, иначе скончались бы на месте от разрыва сердца.

...В Гиперборее и Ванахейме живет диковинный зверь, похожий на дарфарского оленя. Такой же слон, только покрупнее и покрыт темно-рыжей шерстью. Мамонтом называется. Самые крупные — размером с дом, Конан видел их несколько раз. А эта... это... словом, эта штука была как раз размером с мамонта в полном расцвете сил.

— Неконтролируемая магия, — виновато развел руками Тотлант. — Это надо же, что получи-

лось... Не дергайтесь, вроде оно не агрессивное. Нам все равно с этим существом не справиться, затопчет.

Никакой это не мамонт. Кролик. Здоровенный. Уши длиной в человеческий рост. Туповато-заинтересованный взгляд розовых глазок. Лапы толщиной с доброе дерево. Только почему, уж простите за глупый вопрос, у кролика зубки хищного зверя, а не полагающиеся по природе резцы?

— Демон? — быстро переспросил варвар.

— Живое существо, — столь же коротко ответил стигиец. — Сильно извращенное колдовством. Не повезло бедолаге. Конан, ну-ка присмотрись! Что у него во рту? Мешок?

— Пресвятой Мипра и все демоны Нергала... — выдохнул остроглазый киммериец. — Он же человека держит! Видите, руки свисают?

— Гхм... — прокашлялся Беллан. — Дожились. Много разного в Пограничье выдывали, но чтоб такое?.. Плотоядный зайчишка, выросший как гриб после дождя?

— Закрой пасть, — посоветовал варвар.

Кролик-мамонт повел головой и выплюнул охотничий трофей. Тело очень невысокого человека кануло в сугроб. Зверюга потопталась, поскокалась, и Конан вдруг понял — порожденное магической случайностью чучело не намерено уходить так просто. Не желает, понимаете ли, расставаться с легкой добычей. Значит, тварь надо либо убить, либо как следует напугать. Чтобы убралась восвояси.

Что-что, а убивать и пугать пятеро авантюристов на королевской службе умели весьма и весьма неплохо.

Глава третья

У же, Эмерт, будь ты неладен! — заполошно орал варвар, постепенно отходя обратно к шатру и левой рукой вытирая с лица налипающие снежинки. — Целься арбалетом не мне в задницу, а в глаз зверюге! Веллан, ты куда? Прикрывай справа! Тотлант, дубина, не стой столбом, сделай что-нибудь! Великий Кром, ну полудурки! Я отправился в поход с тупыми пнями! Эртель!

Родич короля Эрхарда напряженно оглядывался, изыскивая путь к отступлению. Зверь был слишком огромен. Раздавит одним движением, а уж если прыгнет, опустившись на людей всей массой...

Конечно, это не дракон, а всего лишь кролик, но что бы вы стали делать, столкнувшись ночью в лесу с муравьем, размерами с лошадь, или, допустим, с мышью-полевкой, превосходящей ростом корову раза в три? Правильно, начали бы паниковать!

На этот раз отлично сработал тандем в составе Конана и стигийского волшебника. Сероватобурое огромное существо уже присело на задние лапы, намереваясь устроить двуногим букашкам веселую жизнь — видимо, крольчишка рассчитывал смести противников одним мгновенным рывком, но варвар и Тотлант его опередили. Стигиец породил свое излюбленное боевое заклинание — полосы темно-малинового огня, струящиеся в воздухе и преграждающие удивительному врагу дорогу к палатке, а Конан, перехватив с перевязи несколько метательных ножей одновременно, веером, отправил клинки в самое уязвимое место — в нижнее веко изуродованного взбесившимся колдовством зверька.

Огненные нити Тотланта коснулись пушистой шкуры, запахло паленой костью, кролик-переросток часто-часто заморгал — попавшие в цель ножики не нанесли особого вреда, однако вызвали сильную боль. Наконец, знаменитая заячья трусливость взяла свое — животные не любят близкого воздействия волшебства. Вдобавок, любому зверю и человеку становится крайне неприятно, когда зрению мешают прочно засевшие в веке острые занозы.

Кролик испуганно пискнул, скакнул в сторону, так, что земля содрогнулась, а со склонов оврага сошел маленький снежный оползень. Ему вслед полетела россыпь жгущих шариков оранжевого пламени и несколько арбалетных стрел — Эмерт потрудился выйти из состояния удивленной оцепенелости.

В лесу затрещали ломающиеся стволы: существо, рожденное колдовским ураганом улепetyвало без оглядки. В буквальном и переносном смыслах — как заяц. Видно, неся не разбирая дороги и сметая по пути невысокие деревья.

— Уф,— Веллан провел рукавом по мокрому от пота лбу.— Воображаю, какие слухи поползут теперь по округе. В чащобах рядом со столицей разгуливает огромное чудовище, видом сходное с кроликом. Дела...

— Да, забавно...— отдышавшись, сказал Тотлант. Каждое заклинание давалось магу нелегко, приходилось тратить и физические и душевные силы.— Конан, ты куда собрался?

— Не убирай пока свет,— отозвался варвар, вслед за которым отправился Эртель.— Хочу глянуть, кого изловил наш ушастый дружок. Может, жив еще...

Киммериец и оборотни начали копаться в сугробе, рядом с местом, где стояло невероятное животное, Тотлант заинтересованно поглядывал из-за их спин.

Стигийцу по-прежнему было беспокойно — ураган хоть и заканчивался, но чужеродная магия доселе остро чувствовалась; она витала в окружающем мире, в воздухе, среди деревьев и несомого ветром снега.

И неизвестно, какие новые сюрпризы ждут людей, очутившихся в центре пришедшей со стороны Гипербореи бури. Все что угодно: ожившие деревья, гигантские снежинки, более похожие на летящие с небес фигурные глыбы льда, пре-

врагившиеся в самых невероятных страшилищ животные.....

Когда колдовская сила действует сама по себе, не направляемая разумом человека и сдерживающими заклятиями, результаты могут оказаться весьма плачевными.

Остается надеяться, что ураган пронесся только над необитаемыми землями, не задев Вольфгарда или окружающие столицу поселки-бурги. В противном случае тягостных забот у короля Эрхарда прибавится: придворного мага в Пограничье нет, ибо никакой чтящий свое ремесло и положение в обществе волшебник не поедет трудиться в такую немыслимую глухомань.

Некому будет исправлять последствия глупости или злого умысла неизвестного гиперборейца...

— Живой! — радостно воскликнул Эртель, нащупав наконец в снежной глубине что-то теплое. Кажется, чью-то руку. — Конан, разгребай! Велл, помоги вытащить! Черные демоны и их зубастая мамаша!.. Это же ребенок! Кажется, ранен... Тотлант!

Мальчишку быстро перенесли в шатер и осмотрели. Парню не слишком повезло — чудище, получившееся из самого обыкновенного мирного зверька, сломало ему несколько ребер, правое плечо и ранило голову. Удивительно, что человек вообще жив остался. Сейчас найденыш пребывал в бессознательном состоянии, но дышал глубоко, уверенно. Если постараться, то его можно спасти.

Вернулся Тотлант, ставивший новые охранительные заклинания вокруг стоянки и проверявший состояние лошадей.

Вместе с волшебником в теплую палатку ворвались клубы морозного воздуха.

— Эй, Тотлант, — озабоченно позвал Конан, разрезая одежду на парне — теплую верхнюю и льняную нижнюю рубахи, поверх которых была одета толстая безрукавка росомашьего меха. Обычный наряд лесовиков Пограничья. — Иди сюда и употребляй свое искусство. Мы тут бессильны. Нужен знающий лекарь.

Веллан, Эртель и Эмерт согласно закивали.

Воин должен уметь перевязать и заштопать рану, знать о целительных настоях или мазях, но работать с переломами?

Подобными недугами пускай занимаются обученные в лучших храмовых школах митрианские монахи или, допустим, колдуны, практикующиеся на лечебной магии.

Тотлант должен уметь справляться с повреждениями костей...

— Отойдите подальше, — проворчал волшебник, присаживаясь на корточки рядом с мальчишкой. — Эртель, не мельтеши. Лучше набери в котелок снега, пригодится. Конан, найди пожалуйста флягу с красным вином. И подайте сюда мой мешок!

— Раскомандовался, питон стигийский, — буркнул варвар, однако исполнил все, о чем просил Тотлант. — Из-за вас, колдунов все беды в мире, а отнюдь не от пьянства, как некоторые утверж-

дают. Как полагаешь, остаток ночи пройдет спокойно?

— Не знаю,— огрызнулся Тотлант, копаясь в объемистом кожаном бауле, на который была навешана уйма позвякивающих амулетов, монеток и просто украшений.— Магический шторм пока не кончился... Теперь — не мешай. Эртель, зажри тебя Сет, не загораживай огонь.

— Ухожу-ухожу,— отодвинулся оборотень.— Только не превращай в жабу, дядюшка расстроится.

Никакое волшебство не поможет, если организм сам не будет бороться с болезнью. Тотлант произнесенными заклинаниями просто подстегнул жизненные силы человека, и ускорил выздоровление. Для найденыша время сжалось, за несколько мгновений словно бы промелькнули четыре седмицы, требующиеся для того, чтобы подняться на ноги. И все одно, после столь опасного приключения он оставался слишком слаб и глаз пока не открывал.

— Сделал все, что мог,— у Тотланта дрожали руки и поглядывал волшебник устало. Сил у стигийца почти не осталось.— Должен вскоре очнуться. Кто как хочет, а я ложусь досыпать и попросил бы меня не будить до рассвета. Хватит жутких чудес и магии для одной-единственной ночи. Кто на страже остается? Ты, Эмерт? Если парень проснется, смешай воду с вином и дай ему попить. Постарайся не напугать.

Тут мальчишка пошевелился, тихо застонал и приоткрыл глаза. Тотлант был прав — он впол-

не мог испугаться незнакомых людей, среди которых были необычно выглядящий чужеземный волшебник и здоровенный, похожий на разбойника с большой дороги, киммериец. Конан подумал, что к спасенному лучше сразу приставить Веллана, как самого обаятельного из компании. Глядишь, найдут общий язык.

Но парень вдруг дернулся к Конану, вцепился пальцами ему в рубаху и уткнулся лицом в грудь.

— Папа.....

Барвар несколько опешил.

— Эй, приятель, ты чего? Как себя чувствуешь?

Мальчишка всхлипнул и повторился, уже совсем тихо: «Папа».

— Конан,— ехидным страшным шепотом проговорил Эртель,— ты лет десять назад случайно не общался на сеновале какой-нибудь деревни Пограничья с белогрудой привлекательной особой?

— Э-э... Нет,— отрекся киммериец.— Десять лет назад меня вообще в Пограничье не было. Я тогда на Полуденном побережье... И вообще, что за похабные шутки? Мальчишка, наверное, бредит после всего пережитого! Эртель, будешь и дальше вести такие разговоры — получишь в морду! Велл, к тебе это тоже относится!

Оборотень замолчал, с любопытством поглядывая на неожиданного гостя шатра. Мальчик затих и, похоже, заснул. Конану ничего не оставалось делать, как обнять его свободной рукой.

Киммериец выжидающе глянул на завернувшегося в попону Тотланта. Волшебник понял, в чем вопрос.

— Нет, я не вижу в нашем новом друге ничего особенного,— пожал плечами стигиец.— Он не оборотень, а человек, хотя мне кажется, что представители племени Карающей длани у него в роду имелись. Может, ошибаюсь... Наверное, он происходит из бритунийских или нордхеймских переселенцев. Видите, волосы русые и сложение необычно крепкое. Просто человек. Никакой магии и врожденных способностей к волшебу, это заметно сразу. Конан, если тебе не трудно, присмотри за ним. Вероятно, ты похож на кого-то из его родных.

Завтра расспросим парня поподробнее, а приехав в Брийт — оставим у десятника дорожной стражи, пусть отправит домой. Если, правда, у него остался дом после появления ушастой нечисти, которую мы так удачно спровадили. Все, благородные месьюры, отдыхаем. До рассвета еще далеко.

Бдеть и охранять остался Эмерт, остальные попытались задремать. Найденыш, тихонько посапывал, по-прежнему не отпуская руку варвара. Конан, поглядывая на него из-под полуприкрытых век, усмехнулся про себя:

«Дожил... Получил почти взрослого сына на четвертом десятке лет. Ладно, завтра разберемся, кто он, откуда, и где настоящие родители. Пусть отсыпается и пока считает бродягу-наемника из Киммерии своим отцом. От меня не убудет»

Глава четвертая

Волшебные штормы, также именуемые «Бурями Перемен», происходят нечасто. Случаются они у побережья Стигии, но Черный Круг, руководимый знаменитым колдуном Тот-Амоном, тщательно следит за выбросами неподчиненной никому магии и старается по мере сил таковые предотвратить.

Стигийцы знают: случись что-нибудь поистине жуткое и грандиозное, никакой Сет не поможет. Не будет больше Стигии, ибо Буря может разразиться не только в небесах и на море, но в глубинах недр, вызывая землетрясения. Последствия окажутся фатальны — разрушения городов, запечатанных гробниц, в которых тысячелетиями скрываются самые невероятные твари, хаос и разорение.

Люди невежественные утверждают, будто Черный Круг стремится как раз к хаосу, однако Тотлант объяснил Конану, что сообщество стигийских магов хочет видеть на земле порядок.

Только особенный. Порядок в представлении Тот-Амона и его дружков.

А вот в Гиперборее никакого порядка никогда не и было. «Белая Рука», вечно разобщенная и раздираемая интригами организация гиперборейских колдунов, за деятельностью многих своих адептов уследить не в состоянии. Нет устоявшегося руководства и сильной личности, наподобие Тот-Амона, способной взять в свои твердые руки дело упорядочения магической деятельности в загорной полуночной стране. Отсюда и происходят в Гиперборее мрачноватые чудеса.

По сведениям Тотланта, лет десять-двенадцать назад колдовская буря едва не разрушила Халогу (Конан огорчился и сказал волшебнику, что, случись так, он бы не особенно горевал!), а вырывающаяся из оков магия, с которой гиперборейцы обращаются излишне вольно и небрежно, в основном причиняет неприятности ближайшим соседям: Пограничью, Нордхейму или Бритунии.

Однако за последние годы сумасбродные маги, занимавшиеся изысканиями не ради какой-то определенной цели, а для собственного удовольствия или (опять же, если верить Тотланту) «ради искусства», утихомирились.

Последняя Буря Перемен стряслась задолго до начала правления короля Пограничья Дамалла — через горы облако не перевалило, зато, к радости гномов Граскааля, обратила огромную базальтовую скалу в глыбину редкостного голубого аметиста. Разумеется, на ювелирных рынках Полуночи цены на аметист резко поползли вниз

— гномы возили его на продажу целыми мешками.

Получается, что иногда и магический шторм может принести пользу.

Растяпа Эмерт, оставленный на страже, к утру задремал, чего раньше за ним не водилось. Неизвестно, послужили ли причиной тому ураган или Эмерт просто устал. Вся компания благополучно подрыхла до позднего осеннего расцвета. И никто не проснулся, когда спасенный от кролика-гиганта мальчишка открыл глаза, сел, огляделся и потянулся за своими вещами.

Сокрушенно осмотрел порезанную рубашку. Без всякого смущения покопался в мешке Веллана, нашел другую (естественно, великоватую), натянул, одел поверх безрукавку, забрал топор и пошел наружу, скрывшись в темно-серых предутренних сумерках.

Конан проснулся от того, что его настойчиво трепали за плечо.

— Какого?.. — взрыкнул киммериец, не желая пробуждаться. — Эртель, уймись! Дай еще поспать!

— Я не Эртель, я Рани. Пап, вставай. Я завтрак приготовил.

Барвара подбросило. Какой Рани? Какой, к демонам, завтрак? Нет, завтрак, это, конечно, хорошо, но...

Конан надеялся, что ночное приключение ему все-таки приснилось, а тут выясняется, что последствия урагана существуют наяву и исчезать в небытие отнюдь не желают.

— Так,— Конан, нахмутив брови, смотрел на мальчишку по имени Рани. Кажется, это сокращение от имени Ранн? Правильно, есть такое имя. Используется и у киммерийцев, и у нордхеймцев, и в Бритунии.— Что ты говоришь, приятель?

— Я говорю — жрать идите,— хмыкнул найденыш.— А то остынет. Будет жалко, я полное утро возился. Ничего себе — накормить пять здоровых мужиков! Между прочим, где у нас остался хлеб?

— Э-э... По-моему, в мешке у Эмерта,— чуть растерянно ответил Конан.— Вон тот, черной кожи, видишь? Постой, тебя как, вообще-то, зовут? Ранн?

— Угу,— буркнул мальчишка, развязывая горловину эмертова баула.— А ты разве не помнишь?

— Почему это я должен помнить, как кличут пакостников-недоростков, которые валяются мне на голову? — спросил сам у себя варвар.— Веллан, Эртель, просыпайтесь! Кто-нибудь, толкните Тотланта!

— Я уже не сплю,— волшебник выпростал обриту голову из-под попоны.— Я вас с интересом слушаю. Доброе утро, Рани.

— Здравствуйте,— вежливо ответил парень.— Извини, почтенный, я постоянно забываю как правильно тебя называть...

— Что значит «забываешь»? — ответил вопросом стигиец, заинтересованно рассматривая Рани, на котором мешком висела перепопоясанная веревкой лучшая рубаха Веллана с вышивкой по во-

роту и рукавам.— Меня зовут Тотлантом, сыном Менхотепа. Я из города Луксура, это далеко на полудне. Как ты думаешь, когда наш общий друг Веллан Бритунийский, одежду которого ты позаимствовал, проснется, что он тебе скажет?

— Поздоровается, наверное,— парень наконец выволок из мешка громадный поджаристый каравай и, более ничего не говоря, исчез за пологом.

— Наследственность прослеживается,— фыркнул Тотлант, вылезая из-под толстого войлочного одеяла.— Конан, твое дитя, едва очнувшись, уже начало грабить попугчиков.

— Шутнички... — пробурчал киммериец, натягивая сапоги.— Тотлант, хоть ты Эртелю не уподобляйся! Пойду посмотрю, чего он там наворотил. Надеюсь, не развел костер из моих вещей. Да растолкай ты этих сонь!

Конан встал, набросил плащ, щелкнул фибулой и отправился наружу.

Неплохо. Громадная куча хвороста, правильное кострище, обложенное булыжниками. Снег, кстати, подтаял.

На огне — их общий котел, внутри что-то булькает и пахнет приятно.

Ясно, похлебка из зайчатины. Видно, Рани пожелал отомстить длинноухому племени за ночные события.

— А зайца где добыл? — поинтересовался варвар.

— Взял самострел,— парень указал взглядом на тяжелый арбалет Эмерта,— прошелся по лесу.

Тут зайцев полно, надо только уметь выследить. Ты же сам меня учил.

— Я? — поперхнулся Конан. — Дружище, что ты несешь? Когда?

— Прошлым летом, когда мы жили в деревне возле предгорий. Про следы объяснял. Ты разве не помнишь?

Прошлым летом варвар сидел на берегу теплого океана в Зингаре и по возможности пытался избавиться от назойливых типов, которым потребовалась его голова.

Конан изрядно насолил одному типу на Барахас, перессорился со всей пиратской вольницей, а когда положение стало безвыходным, решил податься куда подальше — через Аквилонию в Пограничье.

— Ничего не путаешь, Рани? — поднял бровь киммериец.

Разговор перебили. Вначале появился Тотлант, как всегда, свежий и аккуратный, в колышущейся на ветерке мрачной хламиде с капюшоном. Затем, препираясь и толкая друг друга, из шатра вывалились заспанные оборотни.

— О, еда! — восторженно протрубил Веллан. — Гляньте, варвар сподобился приготовить... Не понял? Эй, охламон, ты зачем взял мою рубаху? А ну снимай!

— А кто мою разрезал? — огрызнулся Рани. — Поношу немного, пока папа новую не купит.

— Па-апа?... — злоехидно протянул Веллан. Конан только вздохнул. Теперь у оборотней появился нескончаемый источник шуток и подтру-

ниваний. Как ни угрожай им примитивным мордобитом, Веллан с Эртелем не успокоятся. От найденыша надо избавляться. Срочно. — А твой папочка не думает, что распоряжаться чужими вещами нехорошо?

— Его папочка вообще не думает, — добавил племянничек Эрхарда. — Эмерт, где ложки? Давай сюда! В брюхе урчит! Конан, вот скажи, ты помнишь своего отца?

— Будешь продолжать в том же духе, скоро лично с ним встретишься, — пригрозил недоумевающий киммериец. — Закройте пасти, оба! Давайте-ка выясним, что здесь происходит.

— А тут и выяснять нечего, — хохотнул Веллан. — Тайное всегда становится явным. Я беспокоюсь за твое прошлое, Конан. Парню лет десять, по миру ты шляешься с шестнадцати-семнадцати... Давайте посчитаем!

— Сейчас я запросто посчитаю твои ребра, — искренне возмутился варвар. — Садись завтракать и хоть ненадолго замолчи. Рани? Расскажи-ка мне и моим почтенным друзьям, что с тобой вчера случилось.

Молчун Эмерт был единственным, кто занимался делом — расстелил попоны возле костра, чтобы можно было сесть и спокойно покушать. Тотлант исследовал отпечатки на снегу — глубокие вмятины, оставленные ночным гостем. Выяснилось, что коготочки кролика более подошли бы не самому мелкому из драконов.

Да, Буря Перемен преподносит опасные неожиданности...

— Вчера? — Ранн помешивал оструганной палочкой в котле и чуть обиженно поглядывал на варвара, не желавшего его узнавать. — Очень плохо помню. Мы ехали. Буран...

— Откуда ехали? — уточнил педантичный Тотлант.

— Из Вольфгарда в Брийт, потом намеревались пойти на Бритунский тракт. А вообще мы едем в Пайрогию. Эртель по поручению своего дяди Эрхарда должен передать...

— Постой, постой! — махнул рукой варвар. — Повтори, что ты сказал?

Оборотни озадаченно переглянулись, а Тотлант приоткрыл рот.

Ничего себе! Что за странные воспоминания у мальчишки? Откуда он мог знать о приказе короля Эрхарда?

Конан решительно ничего не понимал. Заставил Рани рассказать подробно. С каждой новой фразой недоумения прибавлялось.

Ранн утверждал следующее: он сын Конана и женщины по имени Раннвейг. Только она умерла шесть лет назад.

Тогда же Конан начал брать мальчишку с собой в путешествия — папаша был наемником и считал, что будет неплохо, если отпрыск пойдет по его же дороге. Две с половиной луны назад Конан оставил Ранна в столице, а сам с десятком Эрхарда отправился охотиться на стаю Бешеного Вожака.

Время от времени отряд возвращался в столицу, а когда гномы из подгорного королевства

Граскаалю разбили войско Бешеного, поехали в Бритунию с посольством, Ранна, конечно, взяли с собой. Вчера, когда начался шторм, Ранн отбился от отряда, на него напало что-то огромное... Дальше он не помнит. Все. Вы жрать будете или нет?

Похлебка в миске Конана давно остыла. Ничего себе, насобачился парень врать!

Но с другой стороны, откуда Ранн мог знать подробности битвы с бешеными оборотнями, которые известны только киммерийцу, оборотням и Тотланту?

— Самое смешное в другом, — подал голос волшебник. — Парень верит в то, что говорит. И считает это истинной правдой. На всем протяжении рассказа я проверял Ранна Заключением Ключа и мог в точности отличить правду от лжи.

— Заключение не срабатывает? — шепотом спросил Веллан.

— Оно слишком простое для того, чтобы не срабатывать, — покачал головой Тотлант. — Я его ежедневно на тебе проверяю. Вот четвертого дня ты явился пьянющим в дым, а утром глядел ясным взором и утверждал, что покутил в «Короне и посохе». Все поверили, а я нет. Ты, мой милый, ошивался у молодой вдовушки Гуннлейд, которая живет на Восходном проезде Вольфгарда со стороны озера. Съел?

— Съел, — удрученно кивнул оборотень. Все-таки с магами надо держать ухо востро.

— Так что же получается? — быстро проговорил Эртель. — Либо Конан старательно скрывал

наличие сына, что невозможно, либо... Не знаю, что и думать.

— Вот и я не знаю,— буркнул варвар, бросая на Эртеля убийственный взгляд.— Ранн, ты полностью уверен в своих словах? Скажи, куда мы... то есть я, ездил два года назад?

— Мы были в землях, которые ты называл Черными Королевствами. Пальмы всякие. Птицы красивые. Потом поехали в Зингару. Помню, как приходили в гости к тамошней принцессе по имени Чабела. Ты еще пил вино из синего кубка с золотым орлом.

Четыре пары глаз вопросительно уставились на Конана.

Тому ничего не оставалось делать, как признаться:

— Было такое. И синий кубок был. И Чабела. Но я там был один! Без всяких сопливых недоносков!

— И ты не врешь,— хмыкнул Тотлант, снова используя различающее истину заклятье.— Положение неразрешимое. Оба говорят правду, только эта правда друг другу противоречит. А парень вспоминает некоторые события которых вообще никогда не было... Странно. Разгадка одна: кто-то из вас двоих спятил. Вбил себе в голову, что второго человека никогда не существовало. Откуда тогда у Ранна подробности о пальмах и синих кубках?

— Значит, получается что свихнулся Конан,— заключил Эртель, жалостливо глядя на киммерийца.— А скорее всего — мы все. Мы не могли

не заметить Ранна раньше, за прошедшие десять седмиц. Может, у каждого нас из-за Бури Перемен исчезли правильные воспоминания, и мы Ранна попросту забыли? А, Тотлант? Возможно такое?

— Ничего подобного,— обиженно всплеснул руками волшебник.— Магия урагана нас не коснулась. Я постарался предотвратить его губительное воздействие. Заклинание охраны не пропустило к шатру силу Бури Перемен. Вам не кажется, друзья, что мы толчем воду в ступе? Все без толку...

— Есть мысль,— наконец подал голос Эмерт.— Что, если Буря воздействовала на мальчишку? Перевернула ему мозги набекрень? Жил себе раньше в каком-нибудь бурге, были у него папа с мамой, а вчера гиперборейское волшебство каким-то чудом связало Ранна с Конаном? Только почему парню с такой определенной точностью впечатались в мысли события жизни именно Конана, а не кого другого?

— Боюсь, ответа на эти вопросы мы никогда не узнаем,— проговорил после недолгого раздумья Тотлант. Ранн молчал, недоуменно слушая разговор взрослых.— У меня не хватит силы и умения проверить... У каждого волшебника своя школа, каждый по-своему обучался искусству магии. Если бы я сумел узнать, что хотел сделать неведомый гипербореец с помощью своих заклинаний, тогда, может, и сумел бы развязать сей клубок. Но это невозможно — Гиперборея далеко, а шансы найти нужного мага минимальны.

— Кхм,— кашлянул рассудительный Эмерт.—
Может, на время оставить все, как есть?

— Не знаю,— качнул головой варвар.— Не
знаю...

Доедали в молчании.

Глава пятая

Пограничье — весьма странное королевство, которому вполне подходит определение «захудалого» или «провинциального». Собственно, и королевством эти земли можно назвать с большой натяжкой: на закате шумит баронская вольница, получившая наименование «Земли Кланов», полуночные области вообще не подконтрольны Вольфгарду, и лишь в центре страны и на полуденном закате сохраняется хоть какой-то государственный порядок.

Крупные бурги управляются советами старейшин, в которые входят как самые уважаемые люди, так и Вожаки оборотней, ибо племя Карающей Длани составляет не меньше четверти населения Пограничья.

Что происходит, когда государство и король слабы? Правильно, начинается анархия. На дорогах грабят, налоги в казну не поступают и уважается лишь право того, у кого крепче кулаки и длиннее меч.

Эрхард, заняв трон, решил в кои-то веки сделать из буйного Пограничья страну, достойную уважения со стороны порубежных держав.

И перво-наперво издал эдикт об образовании Приказа Дорожной Стражи. Богатство и спокойствие королевства зиждется на торговле, а торговля, в свою очередь, зависит от безопасности путей сообщения, трактов, дорог, связывающих напрямую Гиперборею, Аквилонию, Немедию и Бритунию.

Когда одинокий всадник сможет, ни о чем не беспокоясь, проехать по лесным дорогам от Вольфгарда до Врат Черепа или, желая сократить путь, захочет перебраться из Аквилонии в Пайрогию не крюком, через спокойную и могучую Немедию, а напрямую, тогда и порядок в стране будет.

Указ издали две седмицы назад. Вообще-то, Эрхард назначил командиром пограничной и дорожной стражи Веллана (что, по мнению Конана, было самой большой ошибкой в жизни старого десятника, нацепившего корону), но бритуниец отправился с посольством, сказав, что командовать ему попросту нечем: пока наберут десятки, пока тощая казна выделит деньги на жалованье и оружие, пока обнаружатся люди, желающие послужить во благо Пограничья.....

Посему Веллан поручил организацию дорожной стражи какому-то своему другу из наемников поопытнее, и отправился восвояси. А это значило одно: на дорогах Пограничья по-прежнему царил непринужденный беспредел и встретить

здесь небольшую шайку разбойников можно было столь же легко, как хорька в лесу.

Однако тракт от Вольфгарда к Брийту считался самым спокойным. Во-первых, половину пути худо-бедно охраняли королевские стражники, а во-вторых, сами обитатели древнего бурга старались поддерживать в округе спокойствие. Брийт — поселение крупное, по меркам Пограничья целый город (по меркам же Аквилонии — просто большая деревня).

Брийт был основан в совсем уж незапамятные времена, когда еще и о святом Эпимитриусе не слышали, а значит был славен традициями, древним благочинием и лучшим на всю Полночь материка трактиром под названием «Танцующая лошадь».

Поселок являлся главным торговым центром срединного Пограничья, купцов здесь уважали, а, значит, старейшины вынуждены были собрать ополчение, которое и выполняло роль дорожной стражи. Платили ополченцам из казны бурга, пополнявшейся от дорожных и торговых сборов.

— Стой! Назовитесь!

Разъезд стражи.

Значит, до Брийта осталось всего ничего. От силы лиги полторы.

Эртель моментом определил, что перед ним три человека и два оборотня. Ездят по пятеро. Отлично. Значит, люди опытные. Небольшой, но сильный отряд. Неплохо вооружены: боевые топоры, арбалеты, старенькие, но подлатанные кольчуги.

— Назовись,— втихомолку фыркнул Веллан.— Только держи под рукой дядюшкин пергамент, иначе не поверят.

— Эртель, сын Теодобада, наследник короны и трона Пограничного королевства,— до смешного величественно надувшись (получалось плохо), выкрикнул Эрт.— Еду с поручением короля в Бритунию. Посторонись!

«Во дает,— подумал Конан.— И ведь как быстро выучился! А кем был три седмицы назад? Нищим наемником из захудалого десятка!»

— Подорожную,— приказал командир патруля, осторожно подъехал ближе и осмотрел протянутый документ с неразборчивой подписью Эрхарда и печатью: три дубовых листа и волчья голова.— Ничего себе, Эртель! Мне теперь что, «вашим высочеством» тебя кликать?

— Оставь, Гарт,— естественно, что предводительствовал разъездом стражи Брийта какой-то старый приятель молодого оборотня.— Что ты, в самом деле? Ну да, дядюшка взгромоздился на старое кресло, которое у нас почему-то называется тронем, и за неимением лучшего назначил меня наследным принцем. У Эрхарда же нет собственного сына... Спокойно в округе?

Гарт, на рукаве которого красовалась вышивка в виде серебристого сидящего волка (это означало звание десятника стражи вольного бурга Брийт), только вздохнул.

— Тут ночью такое было! Колдовской шторм. Да вы под него, наверное, попали?

— Попали,— дружно кивнули оборотни.

— С утра народишко из деревень начал прибегать. В Лайме загорелось четыре дома — и это под снегопадом! Да не просто загорелось. Пламя темно-зеленое, точно лист березы. Человека не жжет, только дерево уничтожает. В Кагере и вовсе невероятное случилось — домашняя скотина незнамо во что стала превращаться. Говорят, у коровы крылья выросли и она улетела. Может, брешут? Дай-ка я все-таки твоих приятелей по подорожной проверю, мало ли... Тотлант кто? А, значит ты? Ну, с Велланом мы знакомы, узнаю эту хитрую рожу. Привет, Эмерт, как жизнь? Пятым получается... э-э... Конан из Киммерии, да? Наслышан. В Пограничье тебя уважают. А мальчишка кто?

— Его в подорожную не внесли, маленький еще,— нашелся варвар, усадивший Ранна перед собой в седло.— Это...

— Сынулька Конанов,— сладенько подсказал Веллан.— Путешествует с папашей. Хороший парень, скажу я тебе. Весь в отца. На ходу подметки режет.

— Яблоко от яблони... — хмыкнул десятник Гарт.— Езжайте. Вы — люди свои. Только осторожнее, после Бури Перемен всякого можно ожидать. И в Брийте поосторожнее — шадизарские купцы понаехали. Купцы — это полбеда, а вот охрана у них... Такие рожи, что за неприкосновенность каравана я спокоен, а вот за целостность трактира — не очень.

Отправились дальше. Днем наметенный ураганом снег стал ноздреватым, хлопья падали с

веток деревьев, из лесу тянуло едва уловимым запахом зверья, гнилой листвы и хвои. Тишина абсолютная, только изредка затокует глухарь или донесется издалека сухое поскрипывание — так кричат снежные ящерицы-дрохо, иногда забредающие с гор в сосновые чащи. Идиаллия.

Ранн был спокоен, сурово-молчалив, но, если иногда и заговаривал с Конаном, желая обратить его внимание на что-нибудь интересное, вроде пробежавшей черно-бурой лисицы или следов дрохо, непременно называл варвара отцом. Утром Конан уже дал чувствительного пинка Веллану, продолжавшему насмехаться, а посему на какое-то время оборотни перестали ерничать. На слова Ранна киммериец пытался не реагировать — хочет, так пусть хоть горшком назовет. Все равно в Брийте Конан лично отведет Ранна к одному из старейшин, даст золота и попросит найти настоящих родителей. А пока можно потерпеть.

После полудня, ко времен второго или третьего колоколов, было решено сделать остановку и пообедать. Ранн снова отличился — выпросил у Эмерта арбалет, ненадолго исчез в лесу, а затем притащил двух куропаток с белыми перьями.

Ощипал, пока кипятилась вода, да так умело, что любой трактирщик позавидует. Отогнал Веллана от костра, сказав, что займется сам. Только соль дайте, что ли? И еще у папы в мешке должны быть туранские пряности. На хитрый вопрос Эртеля, кто же учил Ранна готовить, ответ последовал обычный: «Отец». Конан схватился за

голову и отошел подальше. Чтобы не слышать хохота оборотней.

— Кажется, тебе не стоит излишне расстраиваться, — тонкая ладонь Тотланта легла киммерийцу на плечо. Волшебник, умевший ходить бесшумно, незаметно подобрался к Конану. Говорил, впрочем, по-доброму, как и всегда. — Не обращай внимания на Эртеля и бритунийца. Им всегда найдется, над чем позубоскалить. Посмеются денек и перестанут.

— Не стоит расстраиваться? — рыкнул Конан и сплюнул. — Да меня впервые в жизни выставили таким идиотом! Конечно, я подозреваю, что кой-какие мои отпрыски бродят по белу свету... Точно знаю, что Мюриэла от меня понесла. Да, впрочем, она того и хотела. Эта, как ее?.. Сфендра. Томэо Тайса из империи Паган. Давно дело было, да и неважно теперь. Не помню я всех своих подружек! Так, встречались пару дней, с некоторым подольше, с третьими вообще одну ночь вместе провели, не запомнив даже имен друг друга. Но вот Ранн... Прав был Эмерт, наверняка Буря Перемен что-то сотворила с разумом мальчишки.

— Ничего не происходит просто так, — внушительно сказал Тотлант. — Если магия — а ты не думай, даже бесконтрольная магия своеобразно разумна — так вот, если магия почему-то связала тебя и этого ребенка, значит, так было predetermined и вас двоих ранее объединяло что-то общее. Конечно, я заинтригован проявлением ложной памяти у Ранна и никак не могу его объ-

яснить, однако... Видишь ли, Конан, мальчик к тебе очень привязан. Это хорошо заметно со стороны. Не забудь, что обучение магии включает в себя и науку о взаимоотношениях людей. Волшебству я учился с раннего детства, сначала в Стигии, потом в Немедии и в Кофе. Не хочу хвастаться, но знаю я многое. И вижу многое... Ранн — именно такой сын, о котором ты мог бы мечтать. Он умеет почти все то же самое, что и ты. Он силен, вероятно очень вынослив, несмотря на малый возраст, умеет обращаться с оружием, отлично приспособлен к походной жизни. Ты никогда прежде не думал о ребенке? Своем собственном? Таком, которого можно было воспитать самому?

— Знаешь, — почесал в затылке Конан, — человек в тридцать шесть лет иногда о подобных вещах задумывается. Но я никогда не размышлял о своем возможном сыне всерьез. Времени не было. Да ты представь, какая это обуза! Кормить, поить, присматривать. Я просто не умею!

— Обуза? — тихо рассмеялся Тотлант. — Помоему, это слово к Ранну подходит меньше всего. Он отнюдь не слюнявый малыш, отлично соображает, а насчет кормежки... Уж извини, но сегодня именно он кормит всех нас, включая тебя, а не мы — его. Если называть вещи своими именами, ты самым удивительным образом получил почти взрослого сына в самом подходящем возрасте. И я не знаю, как истолковать это веление судьбы. Может, боги решили сделать тебе подарок?

— Подарков от богов я давно не жду, — признался Конан, сгреб ладонями снег с выпирающего валуна, слепил шарик и запустил его в ствол голой безлиственной березы. — Все подарки, какие я от них получал, оказывались с подвохом, да причем таким скверным, что и вспоминать не хочется. Оставляю Ранна в Брийте.

— Хорошо, — согласился Тотлант, — скажу другому: это подарок судьбы. Если боги к тебе не благоволили, то судьба всегда стоит на твоей стороне. А вот если ты оставишь мальчика в поселке, он либо бросится за тобой, либо умрет от тоски. Это я вижу ясно. Не думай, что все волшебники — шарлатаны. Хочешь получить разумный совет?

— Хочу, — согласился варвар. От Тотланта можно было выслушать совет. Маг хоть молод, но не по годам умен, это даже Конан признавал.

— Ранна нужно на некоторое время оставить с нами (Конан сморщился). Магия, особенно сопровождающая Бури Перемен, имеет свойство со временем исчезать. Если угодно, выветриваться. Окажись я прав, через несколько седмиц Ранн вспомнит своих родных и мы сумеем вернуть его домой. Сейчас бросать парня на произвол судьбы я бы не стал. Хотя, конечно, решение остается за тобой, варвар.

— Просил же! Много раз! — воскликнул Конан. — Сколько можно называть меня варваром! Что, если я буду постоянно тебя кликать «колдуном», забыв имя, данное тебе матерью при рождении? Ладно, уговорил. Пускай остается. А ты

за это время попробуй докопаться, кто он, откуда и что мне с ним делать дальше. Только.....

— Только — что? — переспросил Тотлант.— Опасаешься, что магия не исчезнет? Тогда, боюсь, ты получил одновременно и сына, и неплохого напарника. Года через два-три он совсем повзрослеет и надежнее союзника, спутника, соратника тебе будет не найти. Может, ты не замечал, но Ранн на тебя смотрит, как на полубога. Любимый отец. Человек, который учит, как выжить в этом донельзя беспокойном мире. Понимаешь, что я хочу сказать?

— Не понимаю,— шумно выдохнул Конан.— Но все равно попробую последовать твоему совету. Только лишь попробую. Не знаю, что из этого получится.

Глава шестая

Вбург въехали ближе к вечеру. Темно-красный глаз солнца уже заползал за едва виднеющиеся с Брийтского холма зазубринки Немедийских гор, стало значительно холоднее и к ночи должен был ударить мороз.

Эртеля, светлейшего королевского посланника, и его сопровождающих пропустили в Брийт беспрепятственно.

Ну, а далее дорога пролежала известно куда — мимо одноэтажных длинных деревянных домов к подновленному, покрашенному светло-коричневой краской зданию не под соломенной или дощатой крышей, а под черепичной.

Вывеска простая — на зеленом щите гарцует поднявшаяся на дыбы пузатенькая белая лошадка.

Знаменитый трактир семьи Бюттов, главная достопримечательность Пограничья, если, правда, не считать оборотней, гномов и громадных снежных ящеров. Правда, гномов и дрохо редко

кто видит, а оборотень в полуночном королевстве имеет равные права с людьми.

Значит, «Танцующая лошадь» все-таки главнейшее украшение королевства Эрхарда.

Барли Бютт, нынешний владеец, образцовый трактирщик как по облику, так и по характеру, содержал множество слуг — нужно помогать гостям на конюшне, разносить еду в обеденном зале, готовить на кухне, стелить постели, следить, чтобы не было клопов и тараканов — трактир должен быть прежде всего чистым и опрятным.

Род Бюттов владел «Лошадью» уже лет четырехста, а значит, наследники знали все особенности своего нелегкого ремесла — как накормить, напоить, развлечь и уложить спать почти сотню постояльцев. Еще одна немаловажная особенность — не допустить буйства, именуемого «кабацкой дракой», когда и само заведение и непричастные гости страдают от излишней ретивости подвыпивших забияк. Таковым искусством месьор Барли владел в совершенстве.

Оборотни, Конан, Тотлант и шествовавший за варваром, как тень, Ранн, ввалились в общую обеденную залу. Осмотрелись опытным взглядом. Справа, как и предупреждал десятник Гарт, устроились шадизарцы — шумная, ярко одетая компания наемников и два молодых разбитных купца. В дальней части громадной комнаты четверо гномов из Граскаальского королевства — наверняка приехали торговать оружием или драгоценными украшениями.

Десятка два оборотней из местных, причем между столами разгуливают несколько крупных темно-серых волчар — эти ходят не в человеческом, а в зверином обличье. Толстый аквилонец с двумя телохранителями. Наверное, посланник одного из торговых домов Тарантии, едущий с поручением на Восход.

Дюжина ополченцев из стражи Брийта — суровые немногословные дядьки, целеустремленно напивающиеся после полного дня трудов.

— Дорогие гости! — невысокий розовощекий толстячок, в котором, однако, угадывалась недюжинная сила, появился перед Эртелем, словно вынырнув из пустоты. Хозяин трактира. — Комнаты, обед? Может быть, хотите поразвлечься с девицами мамыши Бютт?

— И то, и другое, и третье, — радостно ответил «принц Пограничья». — Конан, смотри, свободный стол! Бросай вещички!

Обустройство в «Танцующей лошади» заняло совсем немного времени.

Барли выделил приезжим две комнаты, клятвенно пообещав, что страшный зверь клоп там не водится. Если увидите хоть одного — завтра возвращу всю плату за постой. Вот тут, извольте видеть, месьоры, лесенка вниз, к отхожему месту. Выйдете на улицу и прямиком увидите. Только в выгребную яму спьяну не падайте, а то случилось вылавливать господ постояльцев... Здесь можно набрать воды. Вам персонального слугу надо или как? Ах, не надо? Уважаю самостоятельных людей. Можно потянуть вот этот шнурок

и прибежит мальчик с кухни, принесет кушанья прямо в комнаты. С человека — один аквилонский кесарий за ночь, с ребенка — полторы серебряшки. Пять кесариев за лошадей. Еда и выпивка оплачиваются отдельно. Вы надолго, благородные месьоры?

— На ночку, на две, — ответил Эртель. — Завтра хотим купить припасы и ехать дальше. Спасибо, Барли. Сами разместимся. Конан, Эмерт, оставьте мешки здесь пошли вниз, обедать. Ранн, небось, заждался.

Варвар оставил Ранна в зале, приказав охранять стол — желающих выпить и закусить все прибавлялось, и даже трех десятков громадных длинных сооружений из толстых досок к вечеру на всех гостей не хватило бы.

Конан прогрохотал сапогами по деревянной лестнице и остановился в недоумении. Его незваный отпрыск уже успел с кем-то сцепиться.

Ранн сидел верхом на поверженном противнике (которому было лет пятнадцать) и вовсю молотил его кулаком по физиономии.

Взрослые хохотали, а компания только что явившейся в трактир молодежи, наверное, сыновей здешних торговцев или охотников, сгрудилась вокруг стола и поглядывала на Ранна весьма зверски.

Сейчас начнут бить. Причем всерьез.

Конан, а вслед за ним Эртель с Велланом прошли через небольшую толпу одетых в короткие шубы парней, как аквилонская боевая триера через льдинки. Молодежь посторонилась.

— В чем дело? — поинтересовался киммериец, за шкурку поднимая Ранна, а другой рукой приостанавливая готового снова броситься в драку рыжеватого парня, которого охаживал найденныш. — Ну, отвечай быстро!

— Хотели занять наш стол, — шумно потянув носом воздух, ответил Ранн. Рядом маячила розовощекая физиономия месьора Барли, нутром почуствовавшего разгорающийся конфликт. — Я сказал, чтобы уходили и искали другое место. А этот с кулаками полез.

— Молодец, — похвалил Ранна Конан. — Так и надо. Великие боги, как ты умудрился его завалить? Он же на голову тебя выше!

Варвар посмотрел на хмурых молодых брийтан и вежливо посоветовал:

— Топайте отсюда, мальчики. Если уж не сумели с моим... сыном справиться, то, думаю, со мной связываться не будете?

Связываться с Конаном никто не хотел. Тем более, что за плечами киммерийца громоздились отнюдь не обделенные силушкой Веллан, Эртель и Эмерт. На заднем плане вздыхал унылый Тотлант.

— Пап, ты садись, — гостеприимно пригласил Ранн. — Трактирщик сказал, что сейчас еду принесет. А вино уже стоит. Мне можно?

— Разбавь водой, — Конан опустил на скамью и подвинул Ранну деревянную стопку. — Вдвое. Только смотри, не особо увлекайся. У нас в Киммерии...

Раздался дружный хохот.

Ну, конечно, Веллан с Эртелем веселятся. Ржут над отцовскими поучениями. Один Тотлант кивает, а Эмерт, как и всегда, непроницаем и невозмутим.

— Так вот,— сдвинул брови варвар,— у нас в Киммерии мальчикам до четырнадцати лет даже пиво не позволялось. После охотничьего посвящения — сколько угодно, а до того — ни-ни. Понял?

— Ты мне все это уже рассказывал,— кивнул Ранн.— Сделаю, как говоришь.

— Хоро-оший мальчик,— задышался от смеха Веллан.— Весь в папашу! Сначала в морду кому ни попадя... Гы-ы... Потом вина. Сначала разбавленного. Потом обычного. Хы-хы!

Оборотень сам не понял, как очутился на солоне возле стола. Конан запросто поднялся и съездил Веллану кулачищем между глаз. Его, между прочим, предупреждали!

— Сет и все его змееныши! — взревел бритунец и опять получил кулаком, на этот раз по лбу.

— Не ругайся в присутствии ребенка.

Сызнова приходится подниматься с пола, но теперь менее твердо.

— Великие боги и всеблагая Иштар, поиметая...

Бум! Бум! Веллан в третий раз на полу. Держится за надбровье.

— И уважай богов. Понял?

— Понял,— теперь уже куда осторожнее сказал оборотень.— Отцовство — это страшная сила.

Молчу, молчу. Не бейте меня больше. Я ни в чем не виноват. Просто язык в детстве забыли укоротить.

Трапезничали в угрюмом молчании, и лишь Тотлант тихонечко посмеивался. Конан и Ранн ели из одной миски. У Веллана на разбитой брови выступила капелька крови.

— Расплатись с хозяином,— Конан порывлся в кошельке и добыл два золотых кесария, выдав их Ранну.— И... Возьми еще денег. Скажи месьору Барли, пусть принесет два кувшина вина. Если хочешь, купи себе орехов в меду. Сдачу отдашь.

Ранн вскочил и убежал к стойке, за которой хлопотал Барли Бютт.

— Вот что,— многозначительно сказал Конан, обводя взглядом маленькое сообщество своих друзей.— Я беру этого парня под покровительство. Не знаю почему, но он мне нравится. Еще услышу хоть один смешок, буду разговаривать с вами очень серьезно. Веллан, Эртель, вы поняли?

— Поняли,— одноголосо сказали оборотни.— Смеяться нельзя, улыбаться нельзя. Сами понимаем, семья — дело святое.

— Вы поняли или нет, Кром вас раздери! — проникновенно спросил варвар, стукнув кулаком по изрезанным ножами доскам столешницы. Кружки заметно подпрыгнули.— Зубоскальте над чем угодно, но Ранна не трогайте. Иначе уши надеру.....

— А я, между прочим, добавлю,— Тотлант извлек из указательного пальца правой руки малиновую искорку, похожую на миниатюрную мол-

нию, и отправил ее в лужицу вина на столе, прямиком под носом Веллана. Вино зашипело и испарилось. Бритуниец дернулся. — Парни, поймите, мы столкнулись с удивительной, невероятной загадкой. Я знаю и чувствую, что Ранн не причинит нам никакого вреда, а будет только полезен. Если он считает Конана своим отцом, не следует его разубеждать. Поэтому оставьте ерничество и принимайте мир таким, каким он стал с сегодняшнего утра. Надеюсь, я достаточно ясно изъясняюсь?

— Ссориться с диким киммерийцем и полумным стигийским колдуном? — вздохнул Эртель. — Нет, спасибо. Я лучше к дядюшке вернусь. Ладно, обещаю. За себя и за Веллана. Бритуниец, ты слышишь?

— Слышу, — угрюмо отозвался оборотень. — Можно последнее слово? Конан, может, я и не прав, но не следует так быстро променивать верных друзей, с которыми вместе проливал кровь, дрался и прошел не одну сотню лиг, на какого-то щенка, с которым знаком меньше суток. Все, заткнулся. Больше ни слова.

— Вообще? — округлил глаза варвар. — Не верю! Эй, Ранн, тебе помочь?

Приемыш волок два тяжелых глиняных кувшина, запечатанных деревянными круглыми пробками и еще сжимал в зубах слипшийся кусок сладостей — лесные орехи, вываренные в сладкой воде и обмазанные медом.

Тотлант завел какую-то беседу с Эмертом Босонцем — последний недаром происходил из по-

луночной аквилонской провинции и мог претендовать на благородное дворянское происхождение вместе с неплохим образованием: Эмерт рассказывал, будто полтора года даже обучался в Тарантии. Веллан с Эртеlem трепались о том, о сем, припоминая недобрыми словцами Бешеного Вожака, дядюшку Эрхарда и бывшего короля Хьярелла, Конан же пытался наладить отношения с Ранном. Расспрашивал о прошлом. Осторожно так, чтобы не дать понять мальчишке о собственном неведении.

Варвар понял, что начинает постепенно сходиться с ума: Ранн по-прежнему утверждал, что ездил несколько лет с отцом, упоминал виденные города, страны, людей, о которых мог знать только сам Конан. Или?.. Или Конан мог кому-то это рассказывать? Тьфу! Киммериец подумал, что начинает заболеть опасной душевой болезнью, когда видишь врага во всяком встречном и подозреваешь всех в заговоре.

Опыту Конана в общении с людьми мог позавидовать любой. Киммериец с его истинно варварскими интересом и настойчивостью, а заодно и с непринужденным киммерийским обаянием мог завоевать уважение и туранского императора Илдиза, и распоследнего шадизарского воришки. Конан умел не выделяться в любом обществе — с годами он научился и куртуазии королевских дворов и жаргону грязных притонов. А самое главное, без всяких мудрых наук Тотлант умел разбираться в людях, видел их насквозь благодаря незаменимой практике общения.

Так вот, киммериец подсознательно почувствовал, что Ранн, или если ласково, Рани, относится к нему искренне. С непосредственностью, достойной восхищения.

Подделку, ложные чувства всегда можно распознать, уличить на чем-нибудь. Поймать на слове, взгляде или движении...

Ранн был привязан к Конану, как любимый сын к любимому отцу.

Правильно сказал Тотлант — мальчишка варвара боготворил. Ранн знал, что Конану нравится, а что нет. Знал, что красное вино предпочтительнее белому, а сухое — сладкому.

Понимал, что любой обман, даже самый мелкий, вызовет недоверие.

Видел, что одинокий бродяга с течением долгих лет хочет наконец-то обрести свой дом (пусть это будет даже королевский дворец где-нибудь в Зингаре, Офире или блистательной Аквилонии) и родных людей.

И Ранн делал все для того, чтобы Конан почувствовал — беловолосый, с круглой стрижкой, проведенной грубым ножом, маленький человек — для варвара родной.

Невероятно! Просто невероятно! Киммериец отказывался верить и в то же время верил. Верил, не понимая, как можно проникнуться отцовскими чувствами всего за один день. Колдовство?

Быть не может! Тотлант распознал бы! Значит, наружу лезут затаенные, подавленные и старательно позабытые чувства.

Почему-то начали вспоминаться синие горы Киммерии, кузня отца, теплые ладони матери и запах козлиного молока. Ничего подобного Конан не ощущал с детства и ранней юности.

Что же такое со мной происходит? Старею? Становлюсь, как это называет умный Тотлант, слишком чувствительным? Или все-таки время пришло? Сколько же можно бродяжничать, зная, что тебя никто нигде не ждет и нет стен дома, который был бы рад твоему возвращению?

«Расчувствовался,— отругал себя Конан.— И ведь сам прекрасно знаешь, что пускать слюни — только себе во вред. Ну да, мальчишка выглядит вполне своим, не дурак подражаться, умный вроде, хотя и неученый.

Уж извини, но ученость приобретаешь не в храмовых школах, а с прожитыми годами. Сожри меня Сет, если бы тогда, когда меня в шестнадцать лет отдали на гладиаторские ристалища Халлоги, кто-нибудь сказал, что за два следующих десятилетия я выучу пять языков, смогу писать аквилонским, туранским и зингарским алфавитами, стану водить дружбу с такими интересными людьми, как принцесса Чабела, королева Тарамис или старый волчара Эрхард, я бы ни за что не поверил самому себе или человеку, который бы мне это предрек.

Любопытно, а предсказание о королевском троне действительно сбудется?

Ведь мне предсказывали корону целых три раза и совершенно разные люди, никак меж собою не связанные.

Правда, никто не назвал времени, страны и обстоятельств... Здесь, в Пограничье, я мог с легкостью стать королем, однако сам не захотел — отдал венец Эрхарду. Старик заслужил трон, а мне чужого не нужно.

Вот и получил свое. Вместо короны — ребенок двенадцати лет. Подавись.»

Глава седьмая

огда общество на постоялом дворе оживляется?

Правильно, при виде развлечений, в состав которых входят песни бродячих бардов, выступления шутов или фокусников, драки и появление девиц, поведение которых обычно именуется словом «легкое».

Барли Бютт отлично знал, как увеличить доход трактира и своей семьи.

Прежде всего следует давать гостям возможность не просто отдохнуть, но отдохнуть с приятностью.

Для любителей можно заготовить бочонки с особым вином — розовое пуантенское, фруктовое дарфарское или особое шемское, приготовляемое не из фруктов или ягод, а из, как это ни ужасно звучит, настоя на акридах.

Можно позволять гостям азартные игры: кости, нарды или, к примеру, благородную игру аквилонских нобилей — тарок.

Музыка всегда будет, если нанять хорошего исполнителя баллад, а уж если в отдаленные дебри Пограничья заглядывают мэтры, вроде знаменитого менестреля Тейраза Блайи, то дополнительная выручка обеспечена.

Ну, и девочки мамыши Бютт, конечно. Хозяин запрещал красоткам приставать к посетителям или вынуждать их заказать что-нибудь выпить.

В основном девочки выполняли роль разносчиц блюд, а уж если им интересно отправиться в комнаты с каким-нибудь мужественным наемником или охотником — всегда пожалуйста.

Только треть выручки изволь передать хозяину.

Конан и сам был бы не против пообщаться этой ночью во-он с той темноволосой красоткой, которая откровенно строила варвару глазки на протяжении всего вечера, но вдруг понял: Веллана, с которым они делили комнату, еще можно выгнать, а вот Ранна — никак.

Когда Конан был в его возрасте, ночами он спал как убитый, однако просыпался при малейшем шуме.

Не выйдет развлечься...

Эртель, зараза, уже держит на коленях смазливую девицу с длинными пышными ресницами и томным взглядом.

И Эмерт туда же.

Здоровенный спокойный боссонец женщинам нравится именно из-за своей многозначительности...

Громыхнула дверь. Снова кто-то вошел. Гости Барли Бютта не обратили никакого внимания — очередной посетитель.

Только Конан наметанным взглядом оценил вошедшего.

Обычный деревенский мужик, темная с проседью борода, шуба из овчины. Только что это он под мышкой держит?

Зал ахнул. Веселящиеся посетители наконец-то рассмотрели, что к чему.

Кмет приволок с собой гуся. Обычного гуся. Серого.

Только спрашивается, почему у птицы вместо одной головы змеится целый десяток таких? Лишние головы гогочут, клюются, ссорятся меж собой.

— Потрясающе! — восхитился Тотлант и вскочил. — Клянусь ядовитыми клыками Сета, работа Бури Перемен! Я пойду посмотрю?

Мужик, ни слова не говоря, прошел к стойке, усадил многоголового гусака прямо под носом Барли Бютта и вдруг выставил деревянную плоску.

— Деньги хочет получить, — пояснил Веллан. — За всеобщее обозрение невиданного чуда. Тоже пойду гляну. За такое представление и пару монет не жалко отдать.

Заинтересовался и Конан. Варвар протиснулся к окруженной народом стойке и любопытно воззрился на странную птицу.

Гусь гоготал в десять глоток, выгибал шеи и раздраженно махал крыльями.

Рядом тихонько хмыкал Эмерт, обнимая правой рукой приглянувшуюся ему девицу.

Плошка селянина понемногу наполнялась.

— Вчера, добрые месьюры, все и произошло, — с крестьянской расстановкой вещал бородатый. — Как буря началась, птичник забеспокоился. Захожу, значит, утром, корму задать, а тут вижу — лучший гусак во дракона оборотился! Ну, я его в мешок. И принес. Показать, значит. Кто еще когда подобное чудо узрит? Может, купит кто дивную птицу? Вот хоть вы, благородный торговец!

Селянин глянул на толстяка-аквилонца. Тот пожевал губами.

В Тарантии гуся приобретут за огромные деньги хотя бы потому, что ни один здравомыслящий колдун никогда не догадается заниматься столь дурацкими фокусами, да и никто никогда не создавал заклинаний для выращивания у живых существ дополнительных голов. Зачем такое нужно?

Тотлант обозревал птицу настороженно.

Конан насмотрелся, подивился удивительной игре магии и природы (по постоялому двору прошел слух, что Буря Перемен даже людей задела и в соседней деревне нашелся несчастливец, у которого за ночь отросли две дополнительных ноги и аж восемь ушей), и решил отправиться на боковую.

— Ранн, — Конан тронул восхищенного необычным животным мальчишку за плечо. — Давай спать.

— А можно... — заикнулся Ранн. — еще немного посмотреть?

— Нельзя! Завтра вставать рано. Если уж... Если уж отец идет, то и ты идешь. Или хочешь возразить?

— Спать так спать, — покладисто согласился Ранн. — А остальные?

— Они люди взрослые, сами решат, — ответил Конан. — Пошли.

Барвар уложил парнишку на кровать, сам по привычке расположился на полу, укрывшись теплым шерстяным пледом. На полу спится лучше и спина не устает. Потом придет Веллан и сам устроится. Спокойной ночи. Интересный денек был.

Утро было еще интереснее.

Конан проснулся от того, что почувствовал — на него смотрят.

Продрал глаза...

Рядом стоят оборотни в полном составе, необычно грустный Тотлант и Ранн.

Приемыш почему-то головой качает, словно осуждает кого-то.

— Чего? — обеспокоено вскинулся Конан, опираясь на локти.

— Неприятности, — в тон ему ответил волшебник. — Причем весьма серьезные. У тебя сколько денег осталось?

— Денег? — нахмурился Конан, не понимая, к чему этот вопрос. — Кесариев семь и серебром по мелочи. Медь я не считаю, да и мало ее. Объясните!

Объяснили. Эмерт, что для него было несвойственно, краснел.

Оказывается, боссонец вчера подцепил не девушку из любвеобильного отряда мамыши Бютт, а жуликоватую шлюху, ехавшую в обозе шадизарских купцов. Как тут различишь? Они же все на одно лицо!

— И что? — подозрительно спросил Конан.

— А то, что денег у нас теперь нет, — преспокойно ответил Эртель. — Ты ведь знаешь, что все золото, выделенное из казны на посольство, хранилось у Эмерта.

Теперь стало понятно, что именно случилось. Король Эрхард более всех доверял меланхоличному Эмерту Боссонцу.

Он был старше всех остальных (не считая Конана), умел считать деньги и никогда не тратил попусту лишней монетки.

Эрхард выделил на дорогу в Пайрогию, на необходимые расходы и возвращение (а это включало в себя оплату постоя, фураж для скота, подкуп чиновников, взятки страже и так далее) пятьсот аквилонских кесариев чеканки короля Нумедидеса.

Эмерт, проявив неожиданную для него ретивость, не дождался Эртеля (с которым они рассчитывали поделить красавицу на двоих за одну цену), отправился с девицей наверх, потом заснул.

Эртель, уставший и подвыпивший, плюнул на нечестность компаньона и, придя глубоко за полночь, просто завалился спать.

Утром обнаружилось, что эти два болвана проспали самое важное: нахальная потаскуха общарила все мешки, благополучно прибрала золото, а шадизарцы еще перед рассветом отправились всем караваном в сторону Вольфгарда.

Едва проснувшись, оборотни обнаружили пропажу, вскочили на неоседланных лошадей и догнали купцов в полулиге от Брийта. Разумеется, ни стража, ни сами торговцы девки с каштановыми волосами и в синем платье и в глаза не выдывали.

А если почтенные месьоры не прекратят настаивать, а уж тем более посмеют начать обыск повозок, то...

Двадцать мечей охраны, к ним еще арбалетки, да и сами купцы вооружены. Другие вопросы есть?

— Как все знакомо, — Конан едва сдерживался от смеха, хотя понимал, что смеяться нечему. — Сколько раз я просыпался и выяснял, что у меня из-за смазливой красотки не осталось ни сикля. Эмерт, родной, я тебя всегда считал обстоятельным и серьезным человеком! Разве можно так?

Эмерт только руками развел. В конце концов, он был не виноват.

— Она хоть стоила пятисот золотых? — усмехнулся варвар.

— Пятисот — нет, — ответил Эмерт. — От силы десятка.

Веллан с Эртелем откровенно заржали, а Тотлант сделал такое лицо, словно хотел грязно вы-

ругаться (что стигийцу было отнюдь не свойственно).

Возвращаться в Вольфгард — три дня. Еще три дня обратно.

Задержка на полную седмицу...

И неизвестно, что за это время предпримет Бешеный Вожак.

Еще более неизвестно, как отреагирует Эрхард — король может запросто выпереть взашей из замка как племянничка, так и его приятелей, приказав катиться на все восемь сторон света. А уж позора не оберешься.

— Тотлант, ты случайно не можешь создавать золото из свинца? — вяло поинтересовался Конан.

— Не могу, — ледяным голосом ответил волшебник. — Если хочется, отправь гонца за Тот-Амоном, он умеет. Это же высшая степень Посвящения — превращать обычные металлы в драгоценные!

— Ясно.

Конан встал, натянул штаны, рубаху и внимательно оглядел всех присутствующих.

— Есть у кого соображения, как выкрутиться? Мы еще Бютту должны два золотых. Ладно, я заплачу. Эх, жаль все свои деньги в Вольфгарде оставил! Как дальше быть?

— Заработать, — внезапно подал голос Ранн. — Папа, мы же с тобой никогда не оставались на полной мели. Ты умеешь.

— Поразбойничать, — высказался Веллан и тут же получил отповедь от Эртеля:

— Представляю себе: наследник трона Пограничья занимается грабежом на большой дороге в собственной стране. С ума сошел?

— Предложи лучше.

— Дядя Эртель, можно я скажу? — вмешался в бессмысленный разговор Ранн. — Я с утра спускался в трактирную залу. Видел, как прибежал посланник от старейшин бурга. Вроде бы в округе появилось громадное чудище. Старейшины нанимают охотников. Тому, кто прибьет, платят триста золотых.

— Уж не наш ли это там кролик? — обреченно вздохнул Конан, выслушав. — Впрочем, найти такую громадину просто... На что-нам, спрашивается, оборотни? Превратитесь в зверей, побегите по следам... А со старейшинами можно и поторговаться. Спорю, выторгую шесть сотен? Главное — управиться за день-два.

— Может быть, другие выходы найдутся? — безнадежно спросил Тотлант. — Действительно, лучше попробовать вернуться к королю, все объяснить.....

— Что объяснить? — вспыхнул Конан. — Что Эмерт переспал с какой-то шадизарской тварью за пятьсот монет? Потерять время? Ты случайно не помнишь, какое у нас дело?

— Посольство, — ответил за волшебника смущенный Эмерт.

— А еще?! — рявкнул варвар. — Бешеный Вожак! Книга Бытия! Потеряли деньги — так отрабатывайте! Ранн, что, вестник совета старейшин еще здесь?

— Сидит внизу и вино жрет,— наклонил голову парень.— Папа, пойдем, поговорим с ним!

Глава восьмая

Выяснили, сколько всего денег осталось. На пятерых. Точнее, на шестерых, включая Ранна, постепенно становившегося полноправным членом компании. Двадцать два золотых — в Пограничье, поскольку не чеканилось своей монеты, ходили аквилонские и немедийские деньги. На шесть монет серебра. На полторы меди. Можно прокормиться четыре дня и то, если экономить.

Надо платить подорожную пошлину.

Огромный взнос на бритунийской границе — король Эльдаран полагает послов такими же людьми, как и все остальные, взимая с них обязательную для каждого подданного Бритунии и других королевств подать. Справедливо, конечно, но не дипломатично.

Способов заработка несколько. Большинство из них пахивают уложениями старинных королей, красочно повествующих о преступлениях против человека и его собственности.

Требующиеся в дороге деньги можно получить честно лишь в двух случаях: выклянчить у короля или взять на себя роль «охотников за монстрами».

Помогла Буря Перемен, ничего не скажешь. Положения глупее и представить нельзя — шайка матерых вояк, среди которых есть много повидавший киммериец, трое оборотней, тоже неплохо держащих в руках меч или арбалет, и маг из Стигии охотятся за кроликом. Пусть кролик очень большой и даже немножко зубастый, но все равно это только кролик. Смех, да и только.

Конан не вошел в дом старейшин, а буквально ворвался. Как врывается в теплый дом вихрь холодного морозного воздуха.

— Где дают триста золотых за зайца?

— Месьор, вы, наверное, ошиблись, — оторопел сидящий за измызганной конторкой человек лет пятидесяти с небритой седоватой щетиной и запахом чеснока из рта. — Меха скупают в доме торговца Ретения на соседней улице. Совет старейшин Брийта хочет нанять на работу не простых охотников, а именно охотников на чудовищ. Есть такая гильдия в Бритунии и в полуночных областях Немедии.

— Объясняю первый и последний раз, — развязно сказал Конан, за последние десять лет отлично научившийся разговаривать с туповатыми представителями власти. — Я — охотник на чудовищ. По вашим лесам бегает кролик-переросток. За его шкуру платят триста золотых кесариев. Я беру шестьсот с авансом в двести.

— Какой кролик? — взвыл ничего не понимающий дядька. — Кролика, появившегося после Бури Перемен, кметы убили еще вчера поздно вечером в деревне Эгер! Сударь, там чудовище, настоящее чудовище!

— Тогда тысячу, — показав в улыбке все свои зубы, бросил киммериец. — Так с кем можно поговорить об условиях соглашения?

— Со мной, — вскрикнул человек из совета старейшин. — Никакой тысячи! Шестьсот.

— Шестьсот я бы взял за кролика, — уточнил Конан. — За настоящее чудовище дороже. Вы посмотрите, какой у меня отряд!

Веллан, Эртель, Эмерт, Тотлант и Ранн одарили седого яркими белозубыми улыбками. Если Тотлант выглядел странновато, исключительно похоже на самого настоящего колдуна, то трое оборотней представляли собой образцовых «веселых парней» — высокие, широкоплечие, с хитрой искринкой в глазах. Милейшие ребята. Обаятельные хамы. Главное, незлопамятные — делают зло и не запомнят. И ребеночек рядом с ними такой же. Годам к семнадцати станет отъявленным убийцей. Судя по оскалу.

— Семьсот пятьдесят, — человек из управы Брийта критически осмотрел Ранна, которому Конан не успел купить новую одежду. Рубаха Веллана опускалась мальчишке ниже колен, а рукава были красноречиво подернуты. — Хоть сынка приоденете.

— Девятьсот. Последнее слово.

— Восемьсот пятьдесят.

— Договорились.

Конан победоносно взглянул на оборотней, но те сохранили редкий для них невозмутимый вид. Только Тотлант поморщился, а Ранн изобразил на лице восторженное выражение. Он гордился своим папой.

— Аванс? — коротко спросил Конан. — И подробности? Что за чудовище?

— Аванс двести золотых. Под расписку, — казалось, у управителя Брийта на глазах показались слезы. — Ты хоть писать умеешь? Тогда садись и пиши. «Я, такой-то и такой-то, в содружестве с такими-то, берусь уничтожить указанную в устном договоре нежить за...» Может, все-таки семьсот пятьдесят? Нет? Ну ладно... «За во-семьсот пятьдесят полновесных аквилонских кесариев по поручению управы бурга Брийт, что в Пограничном королевстве. Деньги будут выплачены в полном размере по предоставлению доказательств убийства означенного чудовища. Обязуюсь прикончить невиданного зверя в течение двух дней от подписания». Имя свое поставь. И имена твоих бандитов. Мальчишку тоже впиши, если он с вами. Не убьете за два дня — поручение отдам другому, а аванс придется вернуть.

Глава девятая

Все собрались на крыльце. Конан передал Эмерту два мешочка с золотом, посмотрел сурово, но ничего не сказал. Впрочем, боссонец, наученный опытом, теперь сам не будет хлопать ушами. Если уж назначили казначеем отряда, изволь выполнять свои обязанности.

— А теперь, — Конан уселся на деревянные перильца, — самый опытный среди нас охотник за чудовищами расскажет, как это делается. Веллан?

— Это делается очень просто, — дернул плечом оборотень. — Находишь чудовище и убиваешь. Конан, по-моему, нужно спрашивать не у меня, а как раз у тебя. Я ходил с охотниками всего ничего. Меньше полугода. А ты каждый вечер травишь байки про всякую клыкастую и когтистую нечисть, встречавшуюся на твоём пути.

— Веллан, ты не понял, — мягко заметил Тотлант. — Варвар никогда не охотился на монстров

специально. Ловцы нечисти — это особая гильдия, профессионалы, которые всю жизнь посвятили своему делу. Они живут и кормятся охотой. Содержат семьи на вырученные деньги. У них существуют особые приемы, знания и умения. За время работы с охотниками ты хоть чему-нибудь научился?

— Только пиво пить бочонками и не блевать потом,— ввернул Эртель.

— Ну-у... — прогудел Веллан.— Я точно знаю, что чудовища бывают различными. Эрт, не смейся! Я имею в виду, что одни монстры — это живые существа безо всякой магии. Этих можно убить железом, заманить в яму, отравить, поймать сетью. Другие — воплощенные демоны, то есть существа не из нашего мира. Тут сложнее. Некоторых можно убить серебром, для других требуется особенная магия, третьи умирают только после удара в одну-единственную точку. Встречаются и такие, которых убить невозможно, а только изгнать обратно, в Черную бездну, из которой они явились. Тут нужен обряд, посвященный кому-либо из богов. Митре, Иштар, иногда Сету. Целая наука. Я в шайке ловцов нежити выполнял крайне простые задания — выслеживал. Сами знаете, как.

Конан знал.

Оборотень, превратившийся в волка, есть существо наиболее полезное.

Он сохраняет мыслительные способности человека и в то же время приобретает все достоинства животного — обостренное обоняние, слух,

возможность быстро и незаметно передвигаться. Так что Веллану на этом поприще равных наверняка не было.

— Тебе описали зверя? — спросил Тотлант у Конана.

— Они сами не знают, с чем имеют дело,— ответил киммериец.— Это не кролик-переросток, точно говорю. Подозреваю, что очередной несчастный зверь попал под Бурю Перемен и вышло из него что-то совсем отвратительное. Тварюга прошлой ночью вырезала целый скотный двор в деревне Бреккен, это в полутора лигах закатнее Брийта по аквилонскому тракту. Поселяне прибежали в бург жаловаться. Следы крупные, но не «огромные». Похоже, оно не слишком большое, а просто хищное, проворное и зубастое. Кажется, тварь прикончила одного из работников, выбежавших на шум. Порвала на кусочки и сбежала. Вот и все подробности. Управитель сказал, что, если бы встретил гиперборейского мага, наставшего Бурю Перемен, взял бы за бороду да мордой об стол. Боится, что после урагана в окрестностях расплодилось множество самых кошмарных зверюг, а казна бурга разорится, нанимая охотников за монстрами.

— Я бы тоже этого колдуна... мордой об стол,— согласился Эртель.— Идем собираться? Как-никак, у нас всего два дня. Мы с Велланом выследим, а уж работать придется тебе, Эмерту и Тотланту. Не забывай, у нас масса преимуществ перед другими охотниками. Оборотни, собственный маг...

— Я стал собственностью вашего королевского высочества? — съязвил Тотлант. — Это когда же? Вроде бы на службу к королю Пограничья я не поступал.

— Пойдемте, — Рани потянул Конана за руку. — Дни в это время года короткие, за сегодняшний день многое надо успеть. Пап, ты его правда убьешь?

— ...И сделаю тебе амулет из зубов чудовища, — улыбнулся Конан. — А вообще, парни, надо будет разобраться, с чем конкретно мы имеем дело. Если зверь обычный, из плоти и крови, можно будет что-то придумать и отправить его на Серые равнины, пугать Нергала. А если встретим демона, боюсь, мы останемся без денег.

— Совершенно справедливо, — согласился волшебник. — Я умею управляться от силы с полудесятком разновидностей воплощенных демонов, многие обряды изгнания мне неизвестны... Гораздо хуже другое: демоны разумны, в отличие от животных. Это создаст дополнительные сложности.

— На месте разберемся, — варвар рубанул воздух ребром ладони. — Двинулись. Сначала — на базар. Ранну приличной одежды прикупить.

Глава десятая

Нресловутая деревня Бреккен представляла собой даже не поселок, а скорее, усадьбу богатого крестьянина, окруженную десятком домишек попроще — там жили его работники с семьями.

Несколько громадных хлевов, за рощицей — покрытые снегом вырубки, на которых выращивалась худосочная пшеница, выпас на склоне холма, конюшни, кузня, маслобойня.

Господский дом двухэтажный, это давало понять, что хозяин не из местных, а, скорее, переселенец откуда-нибудь из Немедии или Бритунии...

Забор вокруг дощатый, хлипковатый...

— Зажиточный хутор, — критически осмотрев Бреккен, сказал Эртель. Лошади перетаптывались перед запертыми воротами. — Есть неплохая идея. Может, еще и с хозяина получится стрясти пару монет? За убиение-то страховидной твари?

— Поглядим,— коротко ответил варвар. Ранн сидел на своем законном месте, впереди Конана.— Эй, отпирайте! Охотников за чудовищами звали?

Открылось окошечко в воротах, там мелькнула бородатая физиономия испуганного крестьянина, затем заскрипели створки.

— Добро пожаловать, господа охотники,— сторож отбил поклон.— Господин Тимро вас с самого утра ждет. Давайте к дому провожу.

Хозяин встретил гостей на пороге. Высоченный худой мужик с буйной, начинающей сесть черной бородицей.

— Заходите, почтенные. Вот на эти лавки располагайтесь. Вина, пива?

— Пива,— хором ответили оборотни.

Тимро внимательно осмотрел компанию изпод густых бровей и вроде бы остался доволен. Самые обычные головорезы.

Вооружены отлично, предводителем скорее всего является здоровый детина с темными волосами и мечом за спиной. Выглядит представительно.

Наверное, родом из Нордхейма. Или горец из Киммерии.

Хозяйка, как видно, дочь владельца усадьбы (или совсем молодая жена), молча притащила жбан с пивом и исчезла, провожаемая заинтересованным взглядом Веллана.

Это тоже часть игры. Чтобы наемник да на женщину не посмотрел? Такого, уж извините, не бывает.

— Рассказывайте,— бросил Конан и отпил из кружки. Потом передал ее Ранну.— Что стряслось? Только, уважаемый, говори со всеми подробностями.....

Господин Тимро не рассыпался в многословных жалобах, а описал события минувшей ночи кратко и четко: вскоре после полуночи (Тотлант нахмурился — после полуночи выходили на охоту как раз те существа, встречи с которым волшебник опасался) все обитатели дома были подняты на ноги треском ломаемого дерева. Судя по всему, крушили забор.

Тимро быстро вооружил работников: сами знаете, месьюры, времена нынче неспокойные, Бешеный Вожак, сумасшедшие оборотни и все такое прочее. Посему дома и копья, и алебарды с самострелами держим.

Выбежали на двор. В заборе дыра, в какую телега пройдет...

«Ага, значит, все-таки не кролик,— смекнул Конан.— Явись сюда наш ушастенький приятель, ни от забора, ни от дома ничего бы не осталось. Сокрушил бы. Интересно...»

— Зажгли факелы, смотрим,— продолжал хозяин,— а на снегу следы. В жизни таких не видел. Весьма огромные следы, скажу я вам, почтенные. Вроде и не медведь, и не дрохо. Потом сами посмотрите, я приказал кметам не затапывать.

Тут из коровника шум. Вбегаем, а страховидла мою лучшую телку задрала. Потом, как свет увидела, на работника бросилась. Мы в нее фа-

келами тыкать начали, из арбалетов палить. А страховидле хоть бы что. Ну, и сбежала.

— «Хоть бы што» — это как? — уточнил обстоятельный Тотлант. — Стрелы пролетают мимо, отскакивают или проходят насквозь, не причиняя вреда?

— Именно, сударь, насквозь проходят, — уверенно сказал Тимро. — Тварюга выглядит живой, кусается, когтями рубит, а так посмотреть — призрак призраком.

— Соединение материального и нематериального, — непонятно высказался волшебник. — Что ж, и такое встречается, но крайне редко.

— А выглядит как? — задал вопрос киммериец. — Рассмотрели?

— Да никак оно не выглядит! — воскликнул хозяин усадьбы. — Сначала было похоже на удивительного полуденного зверя черепаху. Видал я таких однажды. Потом вдруг в громадную кошку перелилось. Из кошки — в волка. А когда убежало, вдруг лошадью стало. Да не простой, а с клыками, будто росомашьими.

— Как думаете, — вспомнил свой опыт охоты на чудовищ Веллан и вопросы, которые задавали заказчикам опытные ловцы нежити, — оно убивало ради того, чтобы поесть, или же просто так?

Конан понял, в чем тут соль: если чудовище нападает на жертву ради пищи, значит, оно живое и подчиняется законам природы. Если же убийство происходит без видимых причин, положение усложняется — таким образом демон либо

выкачивает жизненные силы, либо набирается магии.

— Вот уж не знаю, — хлопнул себя ладонью по колену месьор Тимро. — Никогда не встречал такого... такую... Уж больно изменчивое оно, устоявшегося вида нет. То один зверь, то другой, то вообще не пойми что. Страх один. Эх, собрать бы однажды войско, да пойти походом на Гиперборею!

— Как нельзя более согласен, — закивал Тотлант. — Перебить всех магов. И тогда точно станет прочный мир в странах от Заката до Восхода.

— А у стигийцев больше не будет соперников, — проворчал Конан. — Ладно, веди на двор, показывай.

Сначала хозяин направил охотников вовсе не к разоренному хлеву, а в закуток за домом, где находился открытый ледник. Только продукты отсюда были убраны, а на ледяной глыбе покоилось укрытое окровавленной рогожей тело погибшего.

Конан отправил Ранна погулять — нечего детям смотреть на подобное месиво — а затем поднял холстину.

Веллан присвистнул, а Эмерт шепнул под нос такое словечко, что даже варвар его не сразу понял.

— Высказывайтесь, — киммериец поспешно задернул плотную ткань. — Тотлант?

— Я не помню ни одного живого существа, способного нанести столь тяжелые поврежде-

ния,— не раздумывая, ответил маг.— Видели рану на груди? Вроде бы один коготь, а в то же время рядом, справа и слева, еще несколько глубоких царапин, идущих в одном направлении. Будто бы на когте растут еще и дополнительные, маленькие коготочки.

— Хвост мантикора,— предположил Веллан.— Хотя нет, не похоже. У мантикора на конце хвоста клешня.

— Жвалы какого-нибудь насекомого,— подал мысль Эртель.— Только я не помню ни одного насекомого, выросшего до размеров лошади, и способного превращаться в самых разных животных.

— Я вот до вчерашнего дня тоже не помнил кроликов высотой с олифанта,— покачал головой Конан.— Месьор Тимро, позавчерашняя буря задела твое хозяйство?

— Стороной пронесло,— ответил хозяин.— Да только после нее в окрестностях всякие чудеса случаться начали. Думаете, от колдовского урагана чудище и родилось?

Старательно оглядели следы.

Недоумения только прибавилось.

Тут, извольте видеть, отпечаток копыта, а вот здесь уже какая-то похожая на кошачью лапу вмятина.

— Такое впечатление,— Тотлант, низко наклонившись, изучал следы,— что в один и тот же момент у животного передние лапы были козовыми, а задние — черепашьими. Бред какой-то. Это уже не обычные магические метаморфозы, а

нечто большее. Постоянная изменчивость. Я читал довольно много книг, в которых повествовалось о волшебном изменении живых существ, но нигде и никогда не упоминалось о подобных созданиях. Конан, может, ты когда-нибудь встречал?

— Нет,— подумав, ответил варвар.— Однажды, еще в Туране, видел любопытного оборотня, способного превращаться из человека в пантеру, волка и даже в тигра, но ведь это совсем другое, правда? Мужiku приходилось сначала возвращать себе человеческий облик, и лишь потом оборачиваться заново. Огромные деньги на своем умении зашибал...

— Как, беретесь найти и убить? — спросил присутствовавший здесь же месьор Тимро.— Я вам сверх положенного управой заплачу. Не желаю больше, чтобы такая чуда ко мне на хутор завалилась. Мальчика можете пока здесь оставить, моя жена за ним присмотрит. Не заскучает...

Ранн умоляюще воззрился на Конана.

— Он поедет с нами,— ответил, поразмыслив, киммериец.— Ничего, Ранн у нас привычный к ремеслу.

— Дело хозяйское... Ну... Ежели припасы нужны, идем в кладовую. Ради такого дела мне еды не жалко.

— Были бы мы людьми бессовестными,— горячо прошептал Веллан на ухо Тотланту,— забрали бы все, что предлагают, и втихомолку исчезли. Но мы ведь честные?

— Когда-нибудь такая честность тебя погубит,
— усмехнулся волшебник. — Эмерт, будь добр,
сходи с почтеннейшим Тимро за хлебом и мясом.
Пригодится.

Глава одиннадцатая

тчетливый след вел в лес, затем сворачивал на восход, ближе к Бритту пересекал дорогу, обходил бург и выводил через Вольфгардский тракт к совсем уж непролазным чащам. По счастью, снега были неглубоки, и лошади шли уверенно.

Еще более уверенно двигались вперед оборотни. Веллану с Эртеlem было достаточно снять одежду, улечься, а через несколько мгновений смотришь — вместо человека перед тобой мохнатый серебристо-серый волчара с необычными для зверя синими глазами.

— Папа, как это у них получается? — Ранн зачарованно рассматривал превратившихся Эртеля и бритунийца. — Жалко, что мы ничего подобного не умеем. Вот было бы здорово!

— Не вижу здесь ничего «здорового», — рассудительно ответил Конан. — Просто мы — люди, а они не-люди. Для каждого своя дорога и свое предназначение. Веллан, можно ехать?

Бритуниец копнул черным носом снег, облизнулся и по-волчьи тявкнул. Очевидно, это означало согласие. Лошади, кстати, необычных волков не боялись. Знали, что это не дикий зверь, а разумное существо, которое никогда не причинит вреда.

Тотлант созерцал превращение с нездоровым интересом, пытаясь хоть отчасти разгадать тайну немыслимой игры природы, позволяющей человеку становиться волком. И ведь никакой магии — обычные свойства тела! Оборотень-волк весит столько же, сколько и человек, ни на унцию больше или меньше, то есть тело остается одним и тем же.

При всем этом оно странно изменяется, почему-то на гладкой прежде коже вырастает густейшая шуба, происходят перемены в длине костей, их расположении и форме. Только глаза неизменны — самые что ни на есть человеческие. Или правду говорят мудрецы: глаза — зеркало души? Душа-то одна, несмотря на два тела, составляющих одно.

Не превратился только Эмерт. Боссонец относился к тем оборотням, в которых доля людской крови была слишком велика. Эмерт окончательно решил для себя оставаться человеком и крайне не любил превращаться — для него это было больно и неприятно, а к тому же сами изменения тянулись невероятно долго, почти целый колокол. Замучаешься ждать.

Волки шли по следу уверенно лишь поначалу. Затем Конан увидел, как Эртель с Велланом

уселись, обвив себя пушистыми хвостами, и начали озадаченно переглядываться.

Оборотень-волк умеет общаться с другим членом стаи при помощи мысли — разговаривать звери, естественно, не могут.

— Что такое случилось? — Конан подъехал поближе и воззрился на волчар с высоты седла.

Веллан улегся на тонкий слой снега, перевернулся на спину и выразительно поболтал лапами в воздухе.

— Привал? — догадался варвар. — Или вас нужно подождать, пока вы не придете?

Согласное тявканье. Ранн соскочил с холки лошади, ничуть не чинясь, подошел к Эртелю и запустил ладони в теплый мех на шее. Погладил. Конечно, мальчишке интересно видеть громадного зубастого волка, который не нападает, не щерится и не рычит, а вовсе является паниным другом.

— Ранн, отойди, укусит! — фыркнул киммериец. — Давайте, ребята. Мы пока остаемся тут. Найдете потом?

Веллан обиженно засопел. С волчьим нюхом он нашел бы и золотую монету в горе навоза. Только сейчас бритуниец и Эртель были удивлены. Запах выслеживаемого существа сменился — только что след непереносимо вонял всеми ароматами лошади (тут тебе и пот, и навоз, и слюна-пена, и шерсть), но неожиданно лошадь заменилась кабаном.

Неужели тварь превратилась в хрюка? Надо бы сбегать вперед и разведать все в точности.

Волку на четырех ногах это сделать гораздо проще, чем человеку, а тем более всаднику.

Когда две сероватые тени исчезли за переплечением кустарника, Конан деловито полез в притороченный к седлу мешок.

— Ранн, хлеб с копченым мясом будешь?

— А нам? — возмутились Тотлант с Эмертом.

— Конан, не жмись, мы тоже проголодались.

Волшебник добавил:

— Хочешь, я подогрею и хлеб, и свинину магическим огнем? На морозе лучше кушать теплое.

— Привыкай к походной жизни, — безжалостно ответил варвар. — А с твоей магией... Съешь такой хлеб, и в барсука превратишься? Нет уж. Жрите холодное, а то разомлеете. Эмерт, вытащил бы попону, да постелил. Посидим, не все же на своих двоих. Ранн, не пихай в рот такой огромный кусок, подавишься!

Разместились не то, чтобы привольно, но удобно. Четверо на одной попоне. Судя по всему, оборотни ушли надолго — если не вернулись сразу, взяв новый след, значит, ведут вдумчивые поиски.

Миновал колокол, второй.

Тотлант развлекал Ранна магическими фокусами — отломил веточку орешника, заставил ее ожить, ветка покрылась листвой, на ней буквально на глазах начали зарождаться орешки, а спустя еще несколько мгновений они созрели. Мальчишка захрустел скорлупой.

— Ой, папа, глянь, Веллан вернулся!

Из-за кустов на четверых людей смотрел волк. Конан было вскочил, но вдруг рука сама потянулась к мечу.

Это оружие Конан случайно купил пару лун назад в одном из немедийских городков и весьма его ценил. Меч, носивший имя Рангильдор, в свое время был откован то ли магом, то ли владеющим колдовским искусством кузнецом.

Клинок (а это свойство в Пограничье было весьма полезно) начинал чуть светиться призрачным синим огнем, когда приближались оборотни. Только не обычные оборотни, наподобие Велла, Эрхарда или его разудалого племянничка, а «сумасшедшие». Те, что пошли за Бешеным Вожаком.

Варвар вытянул лезвие из ножен на треть. Разумеется. По металлу пробегают блеклые голубоватые искорки. Этого и следовало ожидать — у стоящего за орешником волка не синие глаза, как у Эртеля с бритунийцем, а темные.

— Эмерт, арбалет, — шикнул киммериец. — Тотлант, приготовься, кажется, зверь здесь не один. Ранн, держись поближе ко мне и возьми кинжал.

Точно, волков пятеро. Еще двое подошли из-за кустов, один справа и один со стороны дороги на Вольфгард. Только нападать пока не решались.

Видимо, чувствовали в Эмерте свою кровь и раздумывали, отчего это оборотень ходит с людьми, да еще столь приметными. Стая Бешеного надолго запомнила и Конана, и Тотланта после бесславного разгрома в старинном храме.

— Либо катитесь свой дорогой,— поднатужившись, гаркнул варвар,— либо подходите, поговорим по душам! Учтите,— Конан поднял на головой клинок,— это Рангильдор!

По мнению стигийского волшебника, столь несвоевременное хвастовство пошло только во вред. Лишь завидев наделенный частицей магии меч Конана, оборотни сорвались с места, бросившись с атаку. Очень уж слаженно, дружно они это сделали. Словно поняли, что перед ними человек, которого нужно убить непременно.

Первым завалили Эмерта, владевшего наиболее опасным оружием — арбалетом, способным бить на расстоянии. Боссонец, правда, успел выстрелить, ранив одного из волков, но тут же оказался на земле — прыгнувший сзади зверь мощно толкнул его лапами и щелкнул клыками над шеей. К счастью, Эмерт успел перевернуться на спину, одной рукой начал отжимать от себя пышущего яростью оборотня, а второй пытался достать рукоять кинжала.

Трое обложили Конана, только не прыгали, а постепенно оттесняли варвара к кустам, знали, что с киммерийцем лучше не шутить.

Вот когда он упрется в непроходимый орешник, можно будет атаковать одновременно с трех сторон. Если Конан и положит двоих, то третий непременно добьется своей цели.

Пятый волк, уворачиваясь от создаваемых Тотлантом малиновых молний, кружил вокруг волшебника, пытаясь его отвлечь — колдун не должен придти на помощь своим.

Ранн, маленький мерзавец, отца не послушался. Едва против Конана вышли три оскалившихся зверя, Ранн бросился в сторону. Мальчишку оборотни вниманием обошли — потом добьем. А если сбежит — выследим. Невелика птица. Однако Ранн и не думал сбегать.

Он просто рванулся к боровшемуся с волком Эмерту, выждал момент и всадил свой недлинный широкий кинжал зверю в затылок, в ямку, откуда начинается хребет. Волк даже не заскулил, просто осел мешком. Его человеческие глаза затуманились.

Эмерт сбросил тяжелую тушу, мимолетно глянул на прокушенное запястье, вскочил и побежал на помощь варвару.

Тотлант всегда считал себя внимательным человеком (благо внимательности и осмотрительности волшебников учат прежде всего), но все равно пропустил момент, когда зверь с порядочно подпаленной молниями шкурой, подраненный, но вполне боеспособный, быстро прыгнул вперед, намереваясь ударить передними лапами в грудь стигийца, подмять под себя и вцепиться в горло. Волшебник отшатнулся, волку удалось лишь разодрать когтями его красивую хламиду, а дальше...

Тотлант выкрикнул заклинание, создав в ладони лучик пронзительно-белого света, ударивший волку в голову.

Через мгновение кинжал Ранна вошел между ребер зверя — мальчишка замахнулся, метнул нож и попал точно в цель.

Наконец перевес в силе оказался на стороне обороняющихся — незнамо откуда примчались Веллан с Эртелем.

Конан убил одного из троих наступавших на него волчар, двое остальных поняли, что дело проиграно и попытались убежать. Того, что покрупнее, настигла арбалетная стрела, а за серого с бурыми подпалинами взялись племянник короля и бритуниец.

Эти двое, как видно, решили поразвлечься, гоняя взъерошенного супостата по всей полянке, затем зашли с двух сторон. Веллан прыгнул сзади и сбоку, сбивая врага с ног, а Эртель аккуратно взялся зубами за горло. Пошевелившись — перекушу гортань, и поминай как звали. Сдаешься?..

Вот и отлично.

— Ранн,— позвал Конан своего воспитанника.— Я тебе что, поганцу, говорил? От меня ни на шаг! Однако ты все равно молодец.

— Если бы не мальчишка,— угрюмо сказал Эмерт,— я бы уже разгуливал по Серым равнинам и искал, где в царстве Нергала продается пиво. Спасибо, приятель.

Волшебник огорченно рассматривал порванную хламиду. У запасливого Эмерта вроде должны храниться иголки и клубок ниток... Конан быстро подошел к Веллану с Эртелем, по-прежнему державшим еще живого оборотня, приставил тому к ребрам Рангильдор и скомандовал:

— Меч хорошо рассмотрел? Знаешь, что он может? Сам превратишься или помочь?

Еще одним незаменимым свойством клинка киммерийца было следующее: закаятыя, лежащие на лезвии, вызывали у оборотней в волчьем обличье превращение в человека.

— Ах, значит, помочь? — зло усмехнулся Конан, увидев ненавидящий взгляд оборотня.— Давай тогда посмотрим, кто ты есть на самом деле.

Магия клинка сработала безотказно. Вскоре на снегу сидел голый парень лет от силы восемнадцати. Морщился болезненно. Рядом, на попоне, постепенно превращались Эртель и Веллан.

— Набрось,— Конан всучил оборотню свой плащ.— А то еще замерзнешь до того, как мы с тобой побеседуем. Ну, мил человек, вернее, нечеловек, жду твоих откровенных признаний. Кто, откуда, почему вы напали именно на нас. И зачем вы вообще напали?

— Пошел ты... — яростно огрызнулся оборотень.— Чтобы мне, сыну рода Карающей длани, о чем-то говорить с вонючим киммерийским отродьем?

— Ах, вот как? — нехорошо прищурился Конан.— Ребята, вы гляньте! Он, оказывается, с нами знаком! Знаешь, нам все равно придется побеседовать, хочешь ты того или не хочешь. Скажи, волчонок, ты имеешь хоть малейшее представление о том, как развлекаются наемники в захваченных городах? Я не особый любитель подобных шуток, но, клянусь всеми богами мира, не откроешь рот — для начала повиснешь вниз буйной головушкой во-он на той веточке. С руками за спиной. Я уж не буду рассказывать о

всяких пошлостях наподобие костерка внизу или мелко нарезанных полосочек из кожи на спине.

— Потом отпустите? — исподлобья воззрился оборотень.

— Еще и пинка дадим, чтобы бежал быстрее.— это уже Веллан. Превратился обратно, оделся и затягивает ремень на поясе.— Мы что, звери?

— Нет, мы не звери,— ласково улыбнулся киммериец.— Мы просто редкие чудовища. Итак, я тебя слушаю.

Глава двенадцатая

оборотень молчал. Неизвестно, кого он больше боялся: Конана с компанией или Бешеного Вожака.

Наверное, все-таки Бешеного. На любой вопрос киммерийца или Эртеля следовали краткие ответы — «не знаю», «не слышал», «не видел», «не скажу». Даже имени своего не назвал.

— Это не допрос, а издевательство над самими собой,— возмутился Веллан.— Эй, ты! Слышал, что говорил Конан? Мне будет крайне неприятно снимать шкуру с сородича, но иногда приходится поступаться привычками и традициями.

Было отлично известно, что главнейший закон рода Карающей длани недвусмысленно гласил: оборотней слишком мало, а посему никто не имеет права причинить зло другому. Убийство карается смертью.

Но ведь Веллан с Эртелем вовсе не собирались убивать изловленного оборотня?

— Ну, начнем сначала,— племянник короля подошел ближе и поигрывал кинжалом.— Последний раз спрашиваю по-хорошему — кто ты, откуда, что делал возле Брийта вместе со своими приятелями и какого рожна вам потребовалось нападать на мирных путников, преспокойно едущих по своим делам?

— Ты, отступник! — одновременно и угрюмо, и угрожающе рыкнул оборотень.— Когда мы доберемся до тебя и твоего поганого дядюшки...

— Постарайся,— последовала роскошная затрещина,— уважать короля Пограничья и своего сородича. Усек?

— Какие вы мне сородичи? — буркнул пленный.

— Ах, ты еще и от родства отказываешься?

Теперь пинок. Весьма неприятный, носком сапога в горло.

— Ранн, пойди погуляй в лесу,— бросил Конан мальчишке.— Можешь подстрелить пару куропаток на ужин. И смотри, осторожнее там. Далеко не забирайся. Эртель, мне на это смотреть больно! Зачем портишь сапоги? К пристрастному допросу надо подходить грамотно.

— Совершенно верно,— отозвался Тотлант на эти слова.— Можно ввести его в состояние магического полусна и тогда он выложит все, что требуется. Только не знаю, как мое умение воздействует на оборотня. Карающая длань не слишком хорошо переносит воздействие колдовства. Останется непроходимым дураком, только слюны пускать будет.

— Так неинтересно! — замотал головой Веллан.— Чтобы с ним такого сделать? Оскопить? Банально... Мы ж не гирканцы какие-нибудь, а подданные цивилизованного королевства. Ладно, будем проще. Тотлант, будь добр, разожги костерок: Эмерт, Конан, свяжите-ка его. Покрепче.

Оборотень смотрел совсем уж безнадежно. За всеми этими шуточками-прибаутками скрывалась изрядная угроза. Так можно вообще из лесу не выйти. А весной кто-нибудь из местных набредет на четыре волчьих и один человеческий скелет.

— Не надо меня вязать,— выдохнул оборотень.— Только вот что: учтите, имя я вам не назову. Если однажды окажетесь в моем положении, в руках у Бешеного, он из вас все вытянет. В том числе и то, как зовут изменника.

— Быстро ж ты стал изменником,— хмыкнул Эртель.— Понимаю, понимаю. Огонь, он горячий, жжется, пузыри на коже. Противно. Обещаю — отпустим. Если скажешь правду. Тотлант, ты заклятье Ключа еще не забыл?

— А ты свой хвост в штаны упрятал? — беззлобно проворчал волшебник и повернулся к оборотню: — Учítывай, каждое твое слово будет проверено. Каждое. Начнешь лгать или изворачиваться — отдадим в лапы Конану. Он быстро добьется своего. Ну?

— Хорошо,— быстро произнес оборотень.— Я уже шесть лун вхожу в отряд, которым командовал Дуз из Рауты. Участвовали в битве у старого храма, но мне и еще нескольким удалось

сбежать. Вернулись сюда, в Брийт. Я — местный. Затаились. А потом явился посланник от Вожака, я его не знаю, сказал, что нужно начинать новую охоту. Нам помогут. Вроде Вожак нанял какого-то человека, которому приказал убить тебя, киммериец, и твоих приятелей.

— Одному человеку убить всех нас? — несказанно поразился Эртель. — Я знаю, в мире всякое случается, но чтобы одиночка ухлопал Конана, трех оборотней и стигийского колдуна?..

— Волшебника, — шепотом уточнил Тотлант и, отвечая на взгляд Эртеля, кивнул: «Он не врет».

— Дальше пришли известия из столицы, — продолжал оборотень. — Мы-то думали, что придется идти в Вольфгард и вас выслеживать, убирая по одному, однако наш друг из города сообщил: вы сами катите в ловушку. Позавчера вечером возле Брийта я своими должен был устроить засаду, а тот... тот человек — довершить дело.

— Что это за человек? — поинтересовался варвар. — Имя, приметы, откуда приехал?

— Не знаю. Честно не знаю! Вожак нам всего не рассказывает, мы только исполняем приказы.

— Врет, — подпрыгнул Тотлант. — Друг мой, я тебя предупреждал?

Волшебник шепнул несколько слов на стигийском, а оборотень заорал. Не столько от боли, сколько от страха. Кисть правой руки неожиданно побелела, начала затвердевать и холодеть.

Прошло еще немного времени — и вместо обычной человеческой ладони из запястья у него

росло идеальное мраморное изваяние кисти, со всеми морщинками на пальцах, небольшим шрамом и толстыми ногтями.

— Я больше... — был оборотень.

— Ясно, ты больше не будешь, — согласился стигиец. — Получи свою руку обратно, только впредь даже не думай нас обманывать, а то превращу в статую и продам на рынке.

— Я видел этого человека, — торопливо заговорил пленный. — В Брийте. Он вас ждал. По виду — очень опытный воин, но не наемник, а из благородных. Видимо, немедиец. Имя скрывает, я знаю только прозвище — Альб. Знаете, такой мелкий пакостный народец? Говорят, альбы еще в Киммерии и Нордхейме сохранились.

— Сохранились, это верно, — подтвердил Конан. — Я их однажды видел, еще в детстве. Что дальше?

— Его нанял Вожак, — повторился оборотень. — Наверное, Альб из той секретной гильдии, которая промышляет наемными убийствами. Но на обычного убийцу не смахивает — говорит как noble, обходительный, вежливый. Одет хорошо. Лет по виду от тридцати пяти до сорока. Светлая борода, волосы не длинные, а стриженные. Предпочитает не меч, а оружие, бьющее на расстоянии — у него особый арбалет, на тетиву сразу несколько стрел ложатся. Ножи, метательные звездочки, я хорошо рассмотрел.

— Конан, что скажешь? — Эртель озадаченно взглянул на киммерийца. — Тебе это что-нибудь напоминает?

— Мало ли на материке охотников за головами, — пожал плечами варвар. — Но этот красавец явно не из простаков, если берется уделать сразу пятерых и знает, что в компании есть маг. Слышал я про гильдию наемных убийц. Там самые разные люди — от беглых крестьянских сыновей, выучившихся костоломному искусству, до благороднейших нобилей из стран Заката. Этим острых ощущений недостает, видите ли... Иногда в гильдию идут отставные вояки или люди, служившие при тайных департаментах, вроде немедийского Вертрауэна. Я бы не стал недооценивать такую угрозу. Это мерзавец может устроиться где-нибудь на крыше в Брийте и всех нас запросто перестрелять, да так, что мы даже не поймем, откуда летят стрелы. Однако мы отвлеклись. Ну, волчок, что было дальше?

— Дальше? — оборотень вздохнул. — Дальше решили так: убить вас в Брийте — поднять шум. Думали встретить на дороге, лиги за две до бурга. Я со стаей должен был отвлекать, пугать лошадей, а вот Альб брался за все остальное. И ведь выполнили бы, но тут пришел гиперборейский ураган. Мы просто потерялись. Сами помните, какой ветрюга был, да со снегом, да магия еще... Я стаю сумел собрать только к сегодняшнему утру. Альб исчез. Наверное, погиб во время бури, либо решил действовать в одиночку.

— Где сейчас Бешеный? — спросил Веллан. — А самое главное, кто он?

— Вожак в Бритунии, — нехотя ответил оборотень. — Успел уехать до того, как Эрхард стал ко-

ролем. В глаза я его никогда не видел... Точнее, видел — в волчьем облике и всего однажды. По имени у нас его никто не зовет, Вожак он и есть Вожак.

— А Книга Бытия? — киммериец жадно воззрился на изловленного врага. — Говорят, она у Вожака?

— Книга Бытия — легенда. Просто красивая легенда. Никто и никогда не держал Книгу в руках.

Теперь все посмотрели на Тотланта.

— По-моему, больше он ничего не знает, — развел руками стигиец. — И говорил правду. Заклятье Ключа не обманешь...

— Тогда катись отсюда, — Эртель кивком показал в сторону леса. — Одежду не дадим, уж извини. Конан, ты что делаешь?!

Оборотень успел встать, но тотчас повалился на снег. Стоявший неподалеку киммериец просто отмахнул ему Рангильдором по голове.

— Я же слово дал! — рявкнул Эртель. — Конан, будь ты неладен! Как же ты мог так поступить?!

— Слово давал ты, — процедил варвар. — Я молчал. Сколько можно вбивать в твою тупую волчью башку, что никогда — ты хоть понимаешь смысл этого слова: «Никогда»? — нельзя оставлять за спиной недобитого противника? Особенно после того, что он нам рассказал! Клянусь всеми богами и всеми демонами этого мира — оборотень побежал бы к своим или этому немедийцу, Альбу. Доложил бы, где мы находимся.

Конечно, в бритских чащобах найти пятерых... шестерых человек довольно сложно, но не для оборотня. Если на нас начали охоту — а Бешеный наверняка кипит яростью и жаждет благородной мести — ни один враг не должен уйти от нас живым! Эртель, это закон! Закон, который придумали не мы. И не нам этому закону противоречить. Впредь не будешь разбрасываться излишними обещаниями. Собирайтесь. А где Ранн, кстати?

— Я здесь,— ответил мальчишка, державший за красные лапы здоровенного глухаря. Только что появился из-за деревьев.— Вы что, убили оборотня?

— Папаша твой убил,— проворчал Эртель.— И вообще, вы не забыли, по какому делу мы здесь находимся? Поднимайтесь в седла и поехали! Не хочется мне смотреть на трупы... Конан, ты бы его хоть снегом забросал. Нельзя оставлять непогребенное тело.

Глава тринадцатая

Веллан и Эртель не даром ходили на разведку. Бритунец объяснил остальным, что существо, напавшее на хутор месьора Тимро, не бродит бесцельно по лесу, а, вероятнее всего, устроило себе логово. Запах следа, оказывается, менялся еще несколько раз; и оборотни едва не сбились с пути, ошеломленные таким необычным разнообразием.

В общем, стало ясно — следует углубиться в чащу еще на две лиги, объезжая буреломы и поросшие непроходимым кустарником овраги, а затем...

— Затем будет довольно широкий распадок, где раньше жило семейство углежогов,— рассказывал Веллан,— в той стороне больше всего следов. Распадок удобный — защищен лесом с двух сторон, с полуночи на полдень течет незамерзающая река с гор, с четвертой стороны скальный выход, на который не заберешься, крутой больно. Зверя мы не видели, но чувствовали — он

рядом. Наверное, спит. Вопрос в другом: как его ловить будем?

— Сначала получше выясним, с чем мы столкнулись,— сказал Тотлант, левой рукой держась за поводья, а правой постоянно запахивая разорванный оборотнем балахон, превратившийся на груди и животе в совершеннейшие лохмотья.— Рассмотрим чудище поближе, я постараюсь проверить его кой-какими заклятиями... Не исключаю, что зверь безобиден, а его нападение на деревню основано лишь на чувстве голода и самосохранении.

— Хищник не может быть безобидным,— здраво ответил Конан.— В лесах полно зверья. И дикие быки, и лоси, и олени. Так нет же, чудовищу приспичило явиться за несколько лиг к человеческому поселению, задраить корову, кмета и застрашать всю округу. Больше всего мне не нравится упоминание о том, что стрелы пролетают сквозь его туловище, не причиняя вреда.

— У страха глаза велики,— усмехнулся Веллан.— Мало ли что показалось перепуганным хуторянам? Я вот, помню, однажды со страху принял громадного филина за настоящую гарпию, какие в горах водятся. А что? Глазищи огромные, крылья широкие, пока стрелу не всадил, не разобрался. Боюсь, до вечера мы не успеем. Придется снова ночевать в шатре. А вот завтра с утра... Не забудьте, кстати — голову чудища, по договору с управой Брийта, мы должны притащить в бург не позднее чем в полдень послезавтра... Иначе денежки — тю-тю!

Дебри Пограничья ничем не напоминали ухоженные, чистенькие леса Аквилонии или Зингары. Там поместные дворяне нанимали лесничих, следивших за деревьями и животными, мостили дороги, строили охотничьи домики. Не лес, а настоящий парк.

По счастью, цивилизация Заката коснулась Пограничного королевства лишь краешком крыла, люди могли начинать охотиться, отойдя на пятьсот шагов от деревенской ограды, лоси частенько забредали даже на улицы столицы Вольфгарда, а зимой случалось, что приходили и голодные медведи.

В лесу никто не убирал и не рубил на дрова упавшие или поваленные ураганами деревья, не расчищал от молодой поросли поляны и не выжигал новые поля для посевов.

Здесь все оставалось также, как и три, пять или пятнадцать тысяч лет назад, когда о хайборийцах и слыхом не слыхивали, а земли на Полуночи были заселены самыми удивительными народами... Одно слово — глухомань.

Всадники выбрались к распадку, когда солнце отстояло от горизонта на две с половиной ладони. Еще немного — и будет ночь. За оставшееся время необходимо осмотреться, а заодно проверить, нет ли какой опасности. Таинственный зверь может оказаться ночным хищником и охотиться после заката.

Значит, лагерь придется обустроить так, чтобы никакая тварь крупнее хорька не могла подойти.

— Кажется, вон там,— Эртель вытянул руку, указывая на полуразрушенный дом углежогов.— Видите, крыша не обвалилась, однако полуночная стена все-таки сломана. Получается рукотворная пещерка, в которой можно укрыться. Кто пойдет смотреть? Всем отправляться никак нельзя. Двое смотрят, трое прикрывают. И еще... Гляньте-ка вниз, на снег.

Конан послушно устоял под ноги лошади. Следы. Много. Не человеческие, не звериные, а демоны, как известно, отпечатков лап не оставляют. Что же это может быть? Справа вроде бы изображение серпа, чуть впереди — круглый, с несколькими короткими пальцами, отгиск, словно у дарфарского олифанта.

Левее — следы крупной кошки.

— Я чувствую магию,— подал голос Тотлант.— Только не могу распознать, какую именно.

Волшебник говорил смущенно, будто стеснялся своего неведения.

— Попробуй объяснить,— попросил киммериец.

— А что тут объяснять? — горько, по своему обыкновению, вздохнул стигиец.— Магия — она как вино. Имеет свой цвет, запах, вкус. Любой человек, обучавшийся колдовству, умеет различать все эти оттенки. Если магия одного из моих учителей, небезызвестного Тот-Амона, имеет фиолетовый с черными прожилками цвет, а волшебство знакомого мне аквилонского отшельника, почитающего Митру — ярко-алый с золотом, то здесь... Не могу выразить словами. Знаю толь-

ко, что перед нами не демон, не существо, пришедшее из чужого мира, и не заколдованное животное. Краски переливаются буквально всеми цветами радуги. Чудо какое-то. Невиданное. Ни в одной из магических книг о подобном не сказано. Не спрашивайте больше, не знаю. Даже не могу толком определить, доброе это волшебство или злое. Оно... Никакое. Представьте себе вино, в котором смешались соки аргосских, пуантенских и зингарских виноградников, а пахнет одновременно как ягодная настойка из Пограничья и фруктовая вытяжка, какую делают в Стигии.

— Лучше умереть, чем такое пить,— согласился Эртель.— Ну, дражайшие охотнички, кто сходит на разведку? — киммериец сразу подался вперед,— Конан, умоляю, не лезь в самое пекло, пока очаг не разогрет! Ты еще успеешь. Понимаешь ли, ты слишком тяжелый, пускай и умеешь ходить тихо. Мне, что ли, отправиться?

— Да ничего подобного! — Веллан спрыгнул с седла и распахнул кожаную, на меху куртку.— Дело — проще не придумаешь!

— Можно мне? — внезапно попросился Ранн и скосил глаза на Конана.— Папа, ты меня всегда учил подбираться к добыче незаметно.

— Когда учил? — не понял Конан, но мигом осекся.— Сиди здесь!

— Малыш совершенно прав,— вмешался Тотлант.— Если Ранн и Веллан прогуляются по долине и заглянут в дом, тварь их наверняка не почувствует. А я прибавлю от себя волшебства — отобью запахи хотя бы. Ранн пролезет в такую

щелку, в которую не пройдет даже твой кулак, Конан.

Киммериец пожевал губами и взъерошил пята-терней волосы. Глянул на Ранна.

— Справишься? — чуть недоверчиво спросил варвар. — Ну, если так, иди. Будешь под защитой Веллана. Если что — бегите со всех ног. Бегство далеко не всегда позорно.

..Весьма странный всадник начал спускаться с холма в распадок. На крупном серебристом волке, вцепившись пальцами в шкуру на загривке, восседал мальчишка лет десяти-двенадцати. Волк двигался осторожно, пытаясь не хрустнуть настом и получалось у него это весьма неплохо.

Веллан всегда утверждал, что ходить на четырех лапах куда удобнее, нежели на двух ногах.

Однако оборотень в зверином обличье лишен весьма многих достоинств человека — речи, умелых пальцев и возможности действовать руками.

Вот и дом.

Волк остановился, приподняв переднюю лапу, обнюхал воздух и едва слышным рыком дал понять Ранну, что нужно слезать.

Веллан чувствовал — неизвестное животное в доме, скорее всего, забралось в подвал.

— Давай мы пойдем не через пролом в стене, а как нормальные люди — через дверь, — прошептал Ранн. — Всякий гость для пущего удобства войдет там, где проще, а ведь мы совсем не просты?

Покосившийся дощатый притвор болтался на одной ржавой петле.

Если не хочешь, чтобы петля скрипела, дож-дись, пока ветерок не приоткроет дверь и обра-зуется достаточно широкая щель. Тотчас проска-кивай внутрь.

Ранн так и сделал. В Бритте Конан купил ему замечательную обувь — сапоги из оленьей шку-ры, только мех не внутри, а снаружи. Ступаешь мягко, как кошка.

А у Веллана такой дар от природы.

Бывшая горница. Открытый очаг с черными, слежавшимися головешками, осколки глиняной посуды, забытая детьми деревянная куколка.

Сразу за горницей — две большие комнаты. В одной провалился пол. Давно провалился, его не ломали нарочно. Время подточило дерево и дос-ки рухнули вниз.

Ранн осторожно наклонился над черной ямой. Сзади за плечом дышал Веллан, вывалив из зу-бастой пасти розовый язык. Глаза оборотня уст-ремались туда же, в полутьму.

Неожиданно Веллан попятился. Оборотни ви-дят в темноте значительно лучше человека.

Схватил Ранна зубами за росомашью безру-кавку и потянул назад. Приказывает уйти? Что же он там такое увидел?

И тут гнилые доски треснули. Безрукавка ос-талась в зубах у Веллана — мальчишка просто не успел за нее уцепиться и с изрядным грохотом полетел вниз.

Стукнулся, конечно. Промороженная земля изрядно тверда.

Рядом что-то сопело. Громко.

Почти также, как Конан, когда спит...

Ранн, пытаясь не шевелиться, привыкал к полумраку. Он не запаниковал хотя бы потому, что понял — бодрствующий хищник набросился бы на нежданного гостя немедленно, тем более, что гость маленький, а зверюга — громадная. Тварь спала.

Спала сладко, с причмокиваниями, всхрапыванием и посвистом. Звуки менялись постоянно.

— Кром великий... — Ранн помнил, что отец в моменты душевного волнения всегда поминал бога своих предков, и решил последовать его примеру. — Что же ты такое?

Чудовище не ответило. Оно отдыхало днем, чтобы ночью снова выйти на охоту.

Глава четырнадцатая

Веллан заскулил. Тихонечко. Надо же было хоть как-то выразить свое отношение к произошедшему. Если Ранн погибнет, Конан оборотня убьет. Быстро и незамысловато. Любимым движением — меч идет сверху и сбоку, словно молния, и запросто сносит половину черепа.

Ну почему проклятый мальчишка не догадался осмотреть подломанные доски и не понял, что сидеть на них опасно?

Правда, еще опаснее оставаться в яме, бывшей некогда обширным погребом под домом.

Ранн наконец понял, что зверюга разлеглась на земле всего в пяти-шести шагах от него. Воздух вокруг словно бы потрескивал, так во время грозы бывает.

Дядя Тотлант рассказывал, что таким образом выдает себя магия.

Но Ранн в магии ничего не понимал и предпочел довериться своим глазам.

У зверя не было устойчивой формы. Даже во сне животное постоянно изменялось.

Исчезли кабаньи копыта, заместившись длинными ногами лошади, голова, впрочем, остается свинной, но исчезают клыки, морда вытягивается, превращаясь в лосиную, и почему-то у лося растут витые рога горного козла. Тело внезапно покрывается гладкой черной шерстью, спустя миг вырастает коричневая щетина, вырисовываются полоски, будто у тигра, передние лапы в тот же момент превращаются в крылья, покрытые цветными перьями, а хвост из лошадиного становится коротеньким, рысьим.

Удивительное чудо... Можно смотреть бесконечно и интерес не пропадет.

Ранн, видя, что зверь пробуждаться не желает, на цыпочках подошел поближе. Потрогал.

Обычное теплое туловище, как у лошади или домашней свиньи. Под пальцами постоянное трепыхание, словно у чужды несколько сердец. Проскочили две синеватые безболезненные искорки, коснувшись ладони Ранна.

Магия... Много магии. Бездонный колодец.

Это даже Ранн уяснил.

Что ж, тварь осмотрена со всех сторон, Ранн даже осмелился срезать своим ножом несколько волосков с хвоста, предъявить Тотланту.

Надо выбираться. Наверху маячит острая чернотная морда Веллана — волк беспокоится.

Обычно в подвалах устанавливается лесенка, ведущая наверх, к люку в полу. Следовало бы поискать.

Ага, вот она. В соседнем помещении, где раньше хранились припасы, это видно по останкам старинных бочек. Лестница трухлявая, но вес ребенка выдержит.

И Ранн начал медленно подниматься, пробуя на устойчивость каждую ступеньку.

Толкнуть люк. Плечами.

Петли ржавые, скрипят, но чудище по-прежнему дрыхнет без задних ног, если таковые, конечно, у него отличаются от передних. Рядом стоит Веллан и смотрит не то испуганно, не то осуждающе.

Надо уходить, темнеет.

Зверь начал просыпаться. Оленья голова открыла глаза, но за время, пока поднимались веки, голова приняла вид мамонтовой — внезапно вырос хобот и морда покрылась рыжеватой жесткой шерстью.

Чудище поняло, что рядом находится чужой, втянуло носом воздух, пытаясь учуять запах, но ничего не уловило. Запаха не было. Большое спасибо Тотланту с его колдовством.

Ранн видел, как Веллан говорит своими выразительными синими глазами:

«Быстрее! Маленький мерзавец, шевели задницей! Еще быстрее! Давай, помогу!»

Люк подвала захлопнулся, одна из петель выскочила из гнезда, сломав тонкие ржавые гвоздики, и полетела вниз. Зверь посмотрел в сторону, откуда донесся звук, и успокоился: никого здесь нет. И быть не может. Однако лучше все-таки проверить...

Ранн снова забрался на спину Веллана и шепнул на ухо волку: «Побежали».

Оборотень, поджав хвост, зарысил, потом ударился в галоп, а когда взобрался на холм, увидел, что его ждут четверо людей. Если точнее — два оборотня в обличье человека, маг из Стигии и варвар, весьма похожий на выходца с отдаленных киммерийских хребтов.

— Ну?!

Конан подхватил под мышки Ранна и поднял перед собой. Веллан уселся и почесал задней лапой ухо.

— Нашли? — горячился Конан. — Видели его? Зверя?

Если бы Веллан, оставшийся в обличье волка, мог говорить, то Конан в точности бы услышал, что оборотень думает о таинственных животных, Бурях Перемен и сыновьях безмозглых варваров, которые умудряются попасть в беду не хуже папаш.

— Оно... Оно очень необычное, — ответил Ранн на вопрос Конана. — Ни на что не похоже. Там нет оленя, кабана, волка или лисицы. Зверь все время меняется...

— Он большой? — уточнил Тотлант. — Насколько большой?

— Немногим крупнее медведя, — подумав, сказал Ранн. — Только не простого медведя, а горного. Знаете, такие в пещерах живут и еще у них шкура серая, а не бурая?

— Плохо дело, — вздохнул Конан. — Конечно, кролик был покрупнее, но раз его угрохали кме-

ты, то мы с этим делом справились бы запросто. А тут... Магия, странный облик, ведет себя непонятно. Тотлант, что скажешь? Может быть, остатки действия Бури проявляются?

— Не думаю, — помотал головой стигиец. — Сейчас попробую объяснить. Буря Перемен никогда не продолжается несколько дней подряд. И магия не вливается в живых существ, а только лишь на них воздействует. Со стороны. Так, когда идет дождь, человек может промокнуть, испортить себе одежду или сапоги. Но вода всегда высыхает, и все возвращается на круги своя... Дождь облил снаружи, но не проник внутрь человека. Понимаете?

— Тогда откуда в нашем спокойном, мирном и патриархальном Пограничье, где магией занимаются только шаманы в деревнях, появилась такая тварь?

— Завелась, как мыши в тряпках заводятся, — сострил волшебник. — А шаманы и знахари к магии не имеют никакого отношения. Они просто умеют использовать силу природы. Мы же, волшебники, всегда используем свою силу и силу заклинаний. Ой!..

Тотлант попятился, а все остальные оглянулись.

— Ничего себе! — ахнул Эртель.

— Кажется, нам крышка, — буркнул Эмерт.

— Восхитительное животное, — прошептал маг.

— Все-таки я его разбудил, — вздохнул Ранн.

— Мерзость какая, — заключил Конан. — Стойте и не шевелитесь. Если побежите, будет толь-

ко хуже. Оно реши похуже на голову огромного нет охоту.

Зверюга, в настг пилу жвалы раздвинулись и неудачной помеси дрзшую древесину. Во все стошненной вдобавок кпки.

ными крыльями, стсюда! — выкрикнул Эмерт. — поодадь и недовольть что-нибудь! Оно сейчас до-

— Не пойму, каимется за меня!

ли? — сокрушенно каким-то чудом зарядил свой кая здоровенная твтрелу вниз.

не, поднимается наический болт, как и предуп-лософствуем! Ранн, имро, исчез под шкурой жините на время в лео насквозь и упал в снег, под я его отвлеку. ленно превращавшейся из на-

— И не подумаю с длинным ящеричьим хвос-мальчишка. — Оно

прятаться? :итуациях поступал в полном

— Делай, что горой наукой логикой. Сначала

— Замечательная принимаешь решение, и уж зубы процедил Тотдвась. Обычно такая неожиго неподалеку чудимогала.

почти полностью пр

ление портили толускается на толстый извиваю-ления с побережья длежащий снежной ящерице ности начать выяснан понимает — получилось.

нее. Конан, Ранн, п, запрыгал по земле, оставляя

Твари надоело Гий крови, варвар снова поднял посему она решилаить дело, но... Киммериец отрии незваных госте:

Зубр наклонил лпно выросли глазки, ножки, прочим, продолжалнький хвостик, прорезалась ширину) и тяжело ном теперь стоял хорек-пере-

росток с пятнистой, как у ягуара, шкурой и лопатообразным хвостом бобра.

Второе животное было размером с крупную собаку.

Пока Конан соображал, что же все-таки здесь происходит, маленькая тварь, будто молния, бросилась к нему и вцепилась зубами в сапог. Хорошо кожа толстая, прокусить тяжело.

— Кыш отсюда! — взвыл киммериец, отпрыгивая. Звереныш висел на сапоге, жевал, довольно урчал и вообще поглядывал весело. Так, словно человек предложил ему забавную игру. Отцепился только когда Конан съездил ему клинком по загривку, не причинив, однако, никакого вреда — лезвие прошло вскользь, лишь срезав клоч шерсти. — Тотлант, помоги от него избавиться!

Тотлант как раз занимался тем, что отгонял большую тварь от дерева.

Все остальные бегали вокруг и пытались отвлечь животное от мага, который чудищу категорически не понравился.

Ранн успел зажечь сосновую ветку и тыкал ею зверюге в бока и задние ноги.

Конан рубанул снова. На этот раз попал. Рангильдор развалил маленькую зубастую мерзость, столь же изменчивую, как и родитель, надвое, однако лучше никому не стало, а Конану тем более.

Первая половинка приняла вид детеныша ящерицы дрохо, весьма злонаправного и кусачего.

Вторая обратилась сурком, из холки которого торчали два недоразвившихся, покрытых пухом

и слабенькими перышками крыла. Если так пойдет дальше, к моменту захода солнца по поляне будут носиться пятеро одуревших людей, один волк-оборотень (Веллан и не думает снова принимать человеческий облик) и много-много удивительных тварюшек, способных причинить нешуточные неприятности — зубы и когти у них весьма острые.

Большому зверю надоело воевать с двуногими — слишком они быстрые и верткие. В отчаянном прыжке существо достало все-таки Эртеля, ударом медвежьей лапы отправило оборотня в кусты, куда племянник короля влетел, как камень, выпущенный из катапульты, прорычало что-то раздраженно-оскорбительное, развернулось и потрусило себе в лес. Два маленьких ублюдка поскакали вслед, догнали, прыгнули твари на спину и... Приросли. Исчезли, растворившись в ее шкуре.

Достойным завершением всей истории с охотой то ли людей на зверя, то ли зверя на людей явился хруст ломающегося дерева — почти начисто подрубленная сосна не выдержала, начала медленно заваливаться, а Эмерт с воплем полетел в сугроб.

— Плакали наши шестьсот пятьдесят монет,— заключил Конан, отдышавшись.— И аванс придется возвращать. Ранн, Тотлант, помогите Эртелю выбраться из зарослей. Кажется, он зацепился за что-то. Эмерт, ты живой? Вот и отлично. Поднимайся, пойдем искать лошадей!

Глава пятнадцатая

лишь когда окончательно стемнело, удалось обнаружить защищенную буреломом, нагромождением валунов и почти непроходимым лесом полянку, на которой можно было устраиваться ночевать.

Веллан, Эмерт и Эртель, которому зверь едва не переломал ребра и разорвал куртку на груди, поставили шатер, а Тотлант снова вогнал выносливых лошадок бритунской породы в полусон: скакуны насмерть перепугались чудища и изловить их в лесу было бы невероятно трудно...

— По-моему, убить зверя невозможно,— Конан лежал на спине, забросив руки за голову. Волшебник, восседаая рядом, пытался заштопать свою испорченную бешеными оборотнями хламиду, забрав у Эмерта иглу и нитки.— Даже мечтать нечего: сами видели, метательное оружие не причиняет чудовищу никакого вреда, а когда я поработал Рангильдором, то тварь начала плодиться.

— Разрубить на пять сотен маленьких кусочков, получившихся хорьков-мышей распихать по клеткам или мешкам, мешки спалить или утопить,— грустно предложил Веллан.— Только возни будет на полную седмицу. И как такого разрубишь? Он же не будет стоять и ждать...

— Подождите-ка! — поднял голову Тотлант.— Велл, что ты сейчас сказал, повтори!

— Я сказал, что чудище не станет стоять и ждать, пока мы его разделяем на мелкие части. Разве я не прав?

— Понял! — восторженно рявкнул волшебник.— Веллан, ты умен не по годам! Ты подсказал разгадку!

Конан приподнялся, опершись на локоть, и уставился на стигийца.

— Рассказывай,— коротко приказал киммериец. Если Тотлант что-то сообразил, то его мысли достойны внимания.

— Главные слова здесь: «Стоять и ждать»,— очень быстро, сбиваясь, заговорил волшебник.— Я понял, в чем причина бессмертия зверя! В его постоянной изменчивости. Это не один организм, не одно тело, у него их множество. Десятки, может быть, сотни. Если умирает одно, его мгновенно замещает другое. Вырастают новые органы, новые лапы, глаза...

— Зубы,— подсказал Эртель.

— И зубы тоже. Если у нас получится хоть ненадолго остановить происходящие в животном изменения и как-то обездвигить его... Мы получим шанс его убить!

— Это можно сделать только заклинанием,— возразил Конан.— Спорю, ты такого не знаешь.

— Давай золото,— Тотлант протянул руку.— Давай, проспори! Ты кошелек не развязывай, а давай все. Спасибо. Если у меня ничего не получится, я тебе верну. Помните, как я наказал оборотня днем, когда тот попытался нас обмануть?

— Мраморная рука,— догадался Веллан.— Превращение живой плоти в камень, да?

— Именно,— торжествующе провозгласил стигиец.— Я не могу твердо обещать, что зверь будет обращен в мрамор, у него внутри слишком много магии... Но на какое-то время заклятье сработает. Чудовище словно бы замрет. Вскоре, конечно, содержащееся в его теле колдовство переборет мои чары, однако пройдет определенное время. Хотите спросить, что потом? После заклинаний в действие вступают те, кто плохо умеет думать, но хорошо владеет оружием.

— Ты на что намекаешь, шарлатан? — прищурился Эртель.— Это кто здесь плохо умеет думать? Не забудь, выход подсказал именно Веллан, а ты просто подхватил его мысль.

— Дядя Эртель,— Ранн дернул оборотня за рукав.— Мы забыли самое главное. Зверь убежал. Может быть, он не вернется завтра в логово?

— Не вернется — выследим,— самоуверенно заявил Эртель.— Правда, время потеряем. А у нас осталось чуть больше суток для того, чтобы выполнить договор с управой Брийта.

— Одного я не могу понять,— не отрываясь от шитья, сказал Тотлант,— с чем все-таки мы

столкнулись? Откуда неразумная тварь может владеть столь беспредельной магической силой? Ребята, вы же долго живете в Пограничье, может быть, кто слышал об этом звере раньше? Или здесь поселился неизвестный мне колдун?

— А я не могу понять другого,— проворчал Веллан,— все волшебники такие зануды, как ты, или нам в компанию достался человек исключительный? Тотлант, к чему задавать столько вопросов, ответ на которые получить заведомо невозможно? Завтра отыщем зверя, убьем, получим вознаграждение и поедем себе дальше. В Бритунии дел невпроворот! Я не собираюсь забивать голову ненужными мыслями.

— Твоей пустой голове отнюдь не повредит пара лишних мыслей,— незаметно ухмыляясь, ответил Тотлант.— Дело в другом. Если нечто подобное случилось однажды, то это рано или поздно произойдет и во второй раз. Магия может принадлежать лишь человеку, а не животному. А если чудовище научится каким-то образом использовать заключенную в нем магическую силу? Бед не оберешься!

— Спим,— прервал спор киммериец.— Тотлант, в самом деле! Что ты страдаешь? В этом мире бесконечное множество всяко-разных секретов и загадок! Отгадать все невозможно и за двадцать жизней. Просто сочти, что очередная встретившаяся на пути загадка тебе не по зубам. Рани, если тебе холодно, постели вниз мою куртку... Отдыхаем, и если кто-нибудь скажет еще хоть слово о магии, отправлю ночевать на мороз!

Глава шестнадцатая

очь, как это ни странно, прошла спокойно.

На страже всегда оставались двое — сначала Конан и Эмерт, потом неразлучная парочка оборотней, затем безжалостно подняли Тотланта, а Рани проснулся сам, решив, что если взрослые охраняют стоянку, то ему тоже не пристало отлынивать.

Зверь не приходил. Вероятно, отправился на охоту в глубину леса, а, возможно, и к какой-нибудь деревне — Брийт окружало почти два десятка больших и малых поселков, да несчетно отдельно стоящих хуторов. Тотлант думал о том, что чудище все-таки не охотится на людей, не считая двуногих добычей, а смерть кмета на подворье месьора Тимро была досадной случайностью.

«Когда зимой медведь поднимается от спячки,— размышлял волшебник,— он может запросто стать людоедом. Охотиться ему тяжело, по-

чти все реки замерзают и поймать рыбу невозможно. Однако, всегда доступна более простая добыча — человек.

Кажется, два или три года назад шатун-людоед вырезал в окрестностях Вольфгарда два хутора и только тогда король Дамалл объявил вознаграждение за шкуру медведя. А это существо сразу отправилось в поселок, прельстившись коровником.

Почему так? Или здесь отчасти играет роль его облик?

Тело составляется из частиц самых разных тварей, среди которых угадываются и хищники, и дикие олени, и в то же время замечаются метаморфозы из коровы, лошади, свиньи — давно прирученных домашних животных. Совмещение несовместимого.

Не могут в едином туловище сосуществовать волк и овца! Как же могло получиться, что десятки разных зверей объединились в одном? Буря Перемен?

Нет, ее действие давно закончилось, Буря ушла, поглощенная окружающим миром... Или? А если Буря Перемен каким-то образом... Великие боги! Это смело можно отнести к разряду сказок! Так не бывает! Вернее, не должно быть!»

— Конан! — зашипел Тотлант, пытаясь не разбудить остальных. — Конан, проснись! Просыпайся, тебе говорю! Проклятый варвар!

— Это кто здесь варвар? — киммериец приоткрыл один глаз. — Ты мне дашь отдохнуть по-человечески или нет? Почему Конан Канах все-

гда оказывается крайним? Если что надо, буди Веллана.

— Веллан еще молодой и неопытный, — ответил стигиец. — А мне нужно посоветоваться с человеком разумным.

— Незаслуженная лесть, — Конан протер кулаками глаза и уселся. — Ранна что, сморило?

— Пускай спит, — прошептал Тотлант. — В его возрасте мальчишкам нужно много спать. Слушай меня. Я набрел на одну неожиданную мысль. Если это окажется правдой, с управы Брийта будет не грех стянуть лишнюю тысячу кесариев.

— Начало хорошее, — кивнул Конан, окончательно проснувшись. — Кого нужно убить?

— Никого больше не нужно убивать, — волшебник поморщился. — Сначала выслушай, а уже потом спрашивай.

Разговаривали они как раз до времени, когда нужно было вставать всем. Конан то хмурился, то изумленно качал головой, то поругивался под нос. Наконец варвар сказал:

— Если ты не ошибаешься, то... Я был бы склонен вообще отказаться от подобного способа зарабатывать. Мы подвергаем себя излишней опасности. Не подумай, что я боюсь. Просто было бы довольно глупо сложиться ни за что — за какие-то восемь сотен, которые в Шадизаре можно получить безо всякого труда за время от рассвета до полудня.

— Конан, я считал тебя честным человеком, — укоризненно ответил Тотлант. — Мы взяли за дело. Отступаться от взятых на себя обязательств

стыдно. Хорошо, мы можем вернуть в управу полученные деньги и отправиться в Британию, рассчитывая заработать по дороге. Но, понимаешь ли, чудовище, с которым мы столкнулись, ранс или поздно распробует вкус человечины. Как медведь-шатун. И уже не откажется от легкой добычи. Веселая зима ждет тогда Пограничье.. Если же учитывать сосредоточенную в твари магическую силу, то последствия я даже не берусь предугадать. Это существо пока только осматривается в нашем мире. Привыкает. Скоро о нем узнают все в округе, однажды соберут ополчение и начнут гонять по лесам от Граскааля до Соленых озер. А твари хочется есть. Всегда. Как тебе, мне или какой-нибудь росомахе, живущей в норе неподалеку. Рано или поздно зверь научится использовать свою магию для охоты и тогда его никто не остановит.

— За что люблю волшебников,— вздохнул Конан,— так это за наполненные оптимизмом предсказания. Значит, ты полагаешь, что эта тварь не принадлежит нашему миру? Тогда какому?

— Никакому,— ответил стигиец.— Такого вообще не должно существовать. Нигде. Ни у нас, ни на Серых равнинах, ни в Черной бездне или любом из миров, составляющих Вселенную. И я тебе уже объяснил, почему.

— Думаешь, мне легче от твоих объяснений? — Конан нахмурился и застегнул фибулой ворот на рубаше.— Оборотням рассказывать? Хотя нет, просто дадим им указания, как действовать. Значит, ни в коем случае не трогать сердце?

— Именно. Средоточие магии у человека, животного или у любой другой твари находится в сердце. Я смогу различить... Все, хватит рассуждать, давайте заниматься делом. На всякий случай шатер снимать не будем, может быть, придется вернуться, если за сегодняшний день не управимся. Веллан, проснись! Эртель! Эмерт, не пихайся, а то превращу в жабу!

— Да ты и головастика в лягушку превратить не можешь,— глухо пробурчал Эмерт.— Рассветает, что ли?

Позавтракали холодным мясом и начинающим черстветь хлебом, запили трапезу ягодным вином и собрали оружие. Конан с Тотлантом сохраняли таинственно-многозначительный вид людей, знающих больше, чем все остальные.

Ранн поглядывал на варвара и стигийца заинтересованно. Он услышал часть их предутреннего разговора.

...Лошадей оставили на стоянке и отправились к полуразрушенному дому пешком — кони могли запаниковать, понести и тем самым причинить лишние трудности.

Попутно Тотлант объяснил, что надо делать. Сначала волшебник произносит заклятье Мраморной Руки, вынуждает тварь хоть ненадолго принять один-единственный облик, а все остальные в это время разделявают чудовище на кусочки. Если оно все-таки превратится в камень, его придется раскалывать — мрамор минерал хрупкий. В другом случае тело зверя сохранит обычную плоть и тогда работать будет куда легче.

— Запомнили? — спрашивал Тотлант. — Вначале отрубить голову. Затем лапы. Потом сделайте что хотите, но ни в коем случае не повреждайте сердца. Если мы сумеем убить чудовище, все части его тела кидайте в дом — я его подожгу. Сердце заберем с собой как доказательство выполненной работы и... Э-э... В общем, сердце крайне необходимо сохранить. Веллан, ты меня слушаешь или ворон считаешь?

— Я думаю, — глубокомысленно отозвался оборотень. — Вот мы идем, планы строим, как заколдуем, как убьем... А представьте, что мы охотимся за пустотой. Приходим, заглядываем в подвал. Там ничего и никого нет. Зверь просто нашел другое логово.

— Нет-нет, — возразил волшебник. — Я чувствую его магию. Оно там. В доме. Можно не бояться, чудовище не сбежало. Пришло утром с охоты и завалилось спать.

— Я боюсь как раз совсем другого, — melancholically сказал Эртель, — того, что чучело окончательно взбесится, снова увидев назойливых охотников. Как вспомню вчерашнее, мороз по коже. Оно же меня едва не убило!

— Невелика была бы потеря, — бессердечно бросил Конан. — Тише, подходим. Ранн, никакой самостоятельности! Будь постоянно сзади и справа за мной.

Для начала следовало как-то выманить чуду из ямы.

Тотлант заявил, что магия может действовать только над землей и в воздухе, а все заклинания,

произнесенные в пещере или искусственно созданной норе, не сработают или потеряют значительную часть своей силы. Как выманить? Это уже не мое дело. Я не охотник за монстрами, а волшебник. Пошумите, покричите. Киньте в погреб пару камней... Можно привязать Веллана на веревку и спустить вниз в качестве приманки.

— Почему меня? — обиделся оборотень. — Эртель жирнее, не говоря уж об Эмерте!

— Потому, что болтаешь больше всех, — шикнул Конан, подбираясь к пролому. — Тотлант, оставайся пока снаружи. Эртель, Эмерт, идите справа, Веллан слева. Ранн, не суйся вперед или отправившись в лагерь смотреть за лошадьми!

— Хорошо, папа.

А в яме было пусто. Никого. Конан осторожно заглянул через край, увидел только чуть заметенную снегом черную смерзшуюся землю, обломки досок и раздавленные бочки. Полнейшая тишина, ни одного движения, почти никаких запахов...

— Где же оно? — озадаченно спросил Эртель. Эмерт Боссонец сплюнул вниз, а Веллан, помня вчерашнее, настороженно проверял носком сапога подгнившие половицы.

— Не знаю, — медленно сказал Конан. — Тотлант его чувствовал, а шутить с настолько серьезными вещами стигиец не привык. Пойдемте-ка отсюда, осмотримся.

Хруст ломающихся перегородок в уцелевшей части дома. Бревна стен внезапно обратились в мелкую труху, запорошившую глаза.

Где-то обвалился каменный очаг. Торжествующий рев...

Зверь устроил засаду на охотников, будто знал, что они обязательно явятся за его головой. Засел в доме, скрывшись за покуда не рухнувшими простенками, а теперь атаковал. Хотел попробовать отряд Конана и Эртеля на прочность. Не все же развлекаться, как вчерашним вечером.

Конан едва успел увернуться от мелькнувшей прямо перед его лицом медвежьей лапы с черными кривыми когтями.

К лапе прилагались голова огромного вепря и туловище, оставленное из частиц всех известных на полуночи материка животных.

Конан мимолетно подумал о том, что звери, послужившие прообразами для возникновения колдовской твари, принадлежат только землям Гипербореи и Пограничья — не прослеживаются в ней корни дарфарских львов, гиппотавров или зубастых обитателей полуденных рек вроде аллигаторов или водяных змей.

И на том спасибо.

Снова досталось Эртелю — оборотню категорически не везло на этой охоте. Чудище, внезапно выскочившее из дома и наверняка воспользовавшееся своей магией для того, чтобы проломить стены, толкнуло наследника трона Пограничья могучим плечом, и тот с воплем полетел в яму подпола.

Веллан и Эмерт оказались зажаты между уцелевшей бревенчатой кладкой и раззадорившейся зверюгой — путей к отступлению не было.

Шуганув Конана, тварь повернулась к Эмерту и бритунийцу, и в ее глазах засветился недобрый огонек. Сейчас вы у меня получите! На всю жизнь запомните, как нарушать границы чужих владений!

Барвар опомнился и, выхватив кинжал из ножен, метнул. Ничего, разумеется, не произошло.

Острая дага прошла сквозь тело врага и канула в яме, откуда немедленно донеслась яростная ругань Эртеля, получившего рукоятью по загривку. Хорошо хоть не острием. Повезло.

— Ко мне! Иди ко мне! — надрывался Конан. — Ранн, сгинь!

— Куда?

— Куда хочешь, только уйди отсюда! Тотлант! Проклятый стигиец, ты где?

Рангильдор оставался просто обычным стальным клинком, синеватые огни на лезвии не появлялись. Оно и понятно — вся магия меча была направлена только против оборотней Бешеного Вожака.

Но какая-то сила в мече все-таки оставалась и позволяла владельцу нанести колдовскому зверю хоть малозначительный урон. Если нельзя рубить (ибо в таком случае частицы твари превратятся в таких же чудищ, только поменьше размерами), то можно колоть. Монстр не восприимчив к метательному оружию наподобие стрел или ножей, однако побаивается холодного железа, которое человек держит в руке.

Перехватив рукоять меча обеими ладонями, Конан прыгнул вперед и воткнул лезвие по са-

мую гарду в плоть непонятого существа. Выдернул. Теперь снова...

Зверь взъярился. Мгновенным движением повернулся, оскалился (морда перестала быть кабаньей и теперь могла бы принадлежать очень крупному барсуку, оснащенному длинными, с ладонь, желтыми клыками) и подался в сторону обидчика. Конан, желая выманить тварь за пределы дома, попятился.

Наконец в действие вступил Тотлант. Стигиец, видя, как до крайности разозленное существо медленно наступает на Конана, готовясь в один замах прикончить человека, причинившего ему боль, протянул руки ладонями вперед и вверх, и внятно, громко произнес заклинание Мраморной Руки.

Магия человека столкнулась с таинственным волшебством зверя, оказавшегося не готовым к подобной атаке. Воздух затрепал, посыпались синие искорки, мгновенно гасшие на снегу и земле, однако направленное разумом стигийца заклятье постепенно начинало срабатывать. Тварь замедлила движение, взрыкнула удивленно, сделала полдесятка шагов за пролом в стене дома и нехотя завалилась набок.

В камень она все-таки не превратилась. Внутренняя магия зверя оказалась сильнее и не позволила изменчивой, но живой плоти заместиться холодным мрамором.

Однако на некоторое время чудовище было обездвижено, и его тело прекратило переливаться из одной звериной ипостаси в другую.

— Начинайте! — напряженно командовал Тотлант. — Быстрее, я не смогу долго удерживать закливание! Конан, Эмерт! Помогите Эртелю выбраться из подпола! Ранн, пожалуйста, отойди от зверя подальше, любопытство не всегда доводит до добра! Веллан, если ты ничем не занят, попробуй выполнить то, ради чего сюда пришел. Сначала голову! Голову, я сказал! Это не голова, а задняя нога!

— Поди разберись, — пыхтел оборотень, работая клинком. — Видишь, у него глаза на копыте?

— Вижу. Но это ничего не меняет! Конан, приступай! Я пока подожду дом.

Далее все происходящее начало напоминать Конану скотобойню в разгар сезона заготовки мяса... Кровь у зверя оказалась самой обычной — горячей и красной. Чуть солоноватый вкус чувствовался на губах, куда попадали брызги.

Воняло несносно, особенно после того, как разобитый Эртель распорол чудищу брюхо и голыми руками потащил ворох кишок к дому, рядом с которым Тотлант наводил соответствующие чары, вызывавшие огонь.

— Сердце! — отвлекшись, рявкнул стигиец. — Не вздумайте дотронуться! Иначе всем крышка!

Сердцем зверя Конан занялся сам, не доверившись оборотням.

Аккуратно отсек мечом толстые жилы, срезал полупрозрачную слизистую сумку, в которой едва заметно трепыхался комок багровой плоти размером с голову человека, и, стряхивая кровь с пальцев, отложил подальше, на снег. Да-

же вынутае из тела, сердце продолжало биться. Только очень медленно, будто нехотя. А искорок сколько! Будто его окружает синева-розовый фейерверк, какой варвар несколько раз видел во время путешествия в Кхитай лет семь назад.

— Кажется, это настоящая магия, — высказался Ранн, наблюдая за Конаном. Мальчишка, не считая Тотланта, остался единственным, кто не извоился в крови по самые уши. — Наверное, дядя Тотлант хочет забрать ее себе.

Трудились остервенело, зная, что пройдет еще совсем немного времени и зверь начнет оживать, превращаться незнамо во что и создавать из своих частей маленьких кусачих тварей, которые потом вновь сольются в одну. Вся работа пойдет насмарку. Наконец, Конан убедился, что все куски дымящегося на морозе мяса стащены под хлипкую кровлю полуразрушенного дома и кивнул Тотланту: «Зажигай».

Волшебник щелкнул пальцами, произнес несколько непонятных стигийских фраз, пробуждающих к жизни огонь, и отбежал в сторону от бревенчатых стен. Сверкнуло пламя, да так ярко, что Конан зажмурился и прикрыл глаза ладонью, испачкав в крови лицо, и так испещренное красновато-коричневыми капельками. Впрочем, если посмотреть на Веллана, то оборотень один к одному смахивает на роскошно отобедавшего после удачной охоты упыря. Придется менять всю одежду и долго оттираться снегом.

Бывший дом углежогов сгорел быстро, как сухая березовая кора. Но Тотлант по-прежнему от-

правлял в гору багровеющих углей огнистые шарики, поддерживающие тление. От зверя не должно было остаться даже косточек. Клубы черного дыма уплывали прочь.

— Вот это действительно грязная работа, — деревянным голосом сказал Эртель. — Теперь две седмицы отмываться придется. Хороши месьюры посланники! Предстать в таком виде перед королем Бритунии? Да нас выгонят взащей!

Конан не выдержал и прыснул, сразу расхохотались Тотлант с Велланом и даже мрачный Эмерт начал пофыркивать. Ранн просто стоял рядом и улыбался. Он был уверен, что папа может запросто убить любую, самую страшную тварь.

— И все-таки, что это было? — спросил чумазый Веллан. — Тотлант, я думаю, ты многого не договариваешь. Что за история с сердцем зверюги? Светится, искрами плясает. Вон, даже огоньки пламени видны! О чем ты догадался?

Стигийский волшебник, одернув хламиду, многозначительно поднял палец к небу, на котором желтело подернутое дымкой холодное солнце.

— Вы не представляете, какой подарок мы получили от судьбы! Конан уже знает, я ему рассказал ночью, когда сумел понять какова причина всех наших неприятностей. Перед нами, — Тотлант указал рукой на едва заметно колыхавшееся огромное сердце погибшего чудища, — Буря Перемен. Магия, пролетев над землями Пограничья, вошла в тело какого-то несчастного животного и по неизвестной мне причине задержалась в нем. Это объясняет все изменения, ко-

торые превращали тварь из кабана в оленя, и из медведя в лося и так далее... Сердце — уникальный магический артефакт, за который любой волшебник отдаст целое состояние!..

— А ты получил его бесплатно. Да еще и управа Брийта нам денег должна, — усмехнулся Конан. — Нам что, его теперь с собой таскать? Искать покупателя?

— Зачем? — изумился стигиец. — В этом сердце заключено море разлитое чистой, необузданной и пока не подчиненной никому магической силы. Думаете, я кому-нибудь продам или подарю такое сокровище? Наверное, через денек или два ваш старый друг Тотлант найдет способ заключить силу Бури Перемен во что-нибудь менее громоздкое и более приятное по виду, наподобие золотого талисмана а затем...

Волшебник хитро улыбнулся.

— Наверное, затем ты поедешь в Стигию, выяснять отношения с Тот-Амоном и захватывать власть в Черном Круге? — предположил Веллан.

— Больно надо! — презрительно отозвался Тотлант. — Пограничье мне нравится гораздо больше Стигии. Ну да, хватит болтать! Потом объясню, что именно я собираюсь делать с доставшимся нам подарком. Идемте обратно в лагерь, вам необходимо отмыться. И сменить одежду... Ранн, пожалуйста, не трогай сердце! Лишнее любопытство...

— Знаю-знаю, — кивнул мальчишка, не уставший рассматривать искрящийся комок плоти. — Лишнее любопытство до добра не доводит.

Глава семнадцатая

Весь Брийт гудел, как пчелиный улей, в стенку которого запустили увесистым булыжником. Три дня, прошедшие от гиперборейского магического урагана, превратили жизнь округа в сущий хаос — по мнению большинства поселян, и в сплошное веселье — по мнению Конана. Хвала богам, огромные чудовища больше не объявлялись, однако из лесу постоянно выскакивали самые страховидные, хоть и неопасные твари, видимо, крайне озадаченные своим нынешним положением. Люди удивлялись еще больше.

Как прикажете быть человеку, к усадьбе которого выбредает измучившийся медведь о шести лапах? Или что делать семейству охотников, натолкнувшихся во время промысла на ящеричу-дрохо с двумя парами крыльев?

Дрохо, чья белоснежная шкура ценилась больше, чем любой другой мех, посмотрела на двуногих презрительно, писнула и, поднявшись в

воздух, полетела к горам, слегка напоминая небольшого дракона. Отчасти магия Бури начала, по недавнему выражению Тотланта, «выветриваться».

Толстый аквилонский торговец, все-таки сделавший необычное приобретение в «Танцующей лошади» и выкупивший у кмета десятиглавого гуся, уныло наблюдал, как дополнительные головы по одной исчезают. На третье утро купец превратился во владельца обычной бело-серой птицы с редкостно сварливым характером и крепким клювом. С досады гуся зарезали и съели.

В бурге, однако, продолжали шуметь и распространять невероятные слухи. Охотники, принесшие на продажу звериные шкуры с Полуночи, поведали в трактире всем желающим, что видели спускавшихся с гор нордхеймских мамонтов (причем желтых в полоску и с двумя головами). После произведенного в их сторону неприцельного выстрела из арбалета мамонты поднялись на крыло (вернее, использовав в качестве крыльев широкие уши), выстроились косяком и полетели в сторону Аквилонии. Такие рассказы, по общему убеждению, следовало проводить по ведомству белой горячки. Что не говори, а пиво у Барли Бютта крепкое...

Когда варвар с компанией въезжал в бург, на воротах пришлось остановиться и вызнать последние новости у десятника Гарта, друга Эртеля с Велланом. Он как раз стоял на страже вместе со своим отрядом, охраняя деревянную надвратную башню Брийта.

Конан осторожничал, и не зря — уж больно крепко запомнились ему слова оборотня, убитого день назад. Если Бешеный Вожак начал охоту на столь досадивших ему людей, то теперь следует быть крайне осмотрительным. Зная, впрочем, возможности Бешеного, Конан полагал, что Вожак действовал в большой спешке, желая отомстить за поражение в горном храме как можно быстрее.

Подготовь он засаду правильно, трупы киммерийца, оборотней и стигийского мага уже давно остыли бы... Но если же нанятый Бешеным немедиец и впрямь принадлежит к гильдии наемных убийц, то он обязательно постарается довести дело до конца, иначе пострадает честь как самой гильдии, так и ее члена.

Гарт не сказал ничего нового. Суматоха, вызванная Бурей Перемен, начала постепенно стихать, на Закатном тракте объявилась шайка разбойников, числом до полутора десятков человек, ополчение уже выслало — найти и перебить. Что еще? Вчера Брийт едва не взбунтовался: особо ретивые поселяне потребовали от управы собрать по округе всех имеющих возможность носить оружие мужчин и сходить за горы, в Гиперборею. Чтобы колдуны, значит, больше не шутили столь пакостным образом.

Сегодня, однако, народ протрезвел и понял, что поход на гиперборейских магов есть дело столь же гиблое, как, допустим, попытка объявить войну Немедии или сыграть в кости с выходцем из Шадизара.

— А у вас, почтенные, каково? — поинтересовался десятник. — Забили чуду?

— Забили, — горделиво ответил Веллан. — Та-кая, скажу я тебе, тварь была... Необыкновенная.

Оборотень пошевелил пальцами в воздухе, пытаясь показать, какой именно была тварь — зубастой, кусачей и страшной.

— Езжайте в управу, — ответил Гарт. — Вы хоть голову-то звериную приволокли? А то не поверят.

— Мне — поверят, — веско сказал Конан и слегка толкнул лошадь пятками в бока. — Тотлант, пойдешь со мной. И ты, Эртель, пожалуй, тоже. Как-никак, родственник короля, человек... э-э... авторитетный...

— Данное слово по отношению к нашему другу Эртелю, — прощепетал Тотлант, — простите, к его королевскому высочеству принцу Пограничья, неприменимо. Эртель, хотелось бы узнать, почему ты не сменил одежду? От тебя даже на морозе кровью несет.

— Лишнее доказательство наших подвигов, — объяснил Эртель. — Вот, мол, какие мы герои!

— Кто герой, а кто вонючка, — добавил Веллан. Ранн засмеялся.

— Вот что, — Конан, узрев появившиеся из-за поворота дом управы, рыночные ряды и «Танцующую лошадь», приостановил коня. — Веллан, Эмерт, отправляйтесь на постоялый двор, скажите, чтобы Барли баню приготовил. Изгаженные шмотки отдайте тамошним девкам стирать. Мы с Тотлантом и Эртелем скоро вернемся. Ранн, хо-

чешь, иди с дядей Велланом, хочешь — оставайся со мной.

— Я с тобой, — уверенно ответил Ранн.

Оставив лошадей у коновязи, живописная четверка авантюристов под предводительством Конана вломилась в дом старейшин.

Чтобы нагнать пущего страха, варвар открыл дверь пинком и нарочито громко прогремел сапогами по выложенным тонким слоем соломы половицам.

— Где наши деньги? — объявил киммериец вместо приветствия и плюхнул на стол все того же седоватого управителя окровавленный тряпичный сверток, в котором что-то шевелилось. Старика будто тараном отбросило к стене. Перепугался, бедняга.

— Убили? — горестно вздохнул он, словно не был рад появлению охотников за чудовищами. Оглядел разорванный, плохо починенный балахон Тотланта и покрытого коричневой коркой крови Эртеля. — Вы этого месьора специально во что-то макали? Доказательства?

Конан развернул холстину, в которой колыхалось здоровенное, окруженное ореолом магических огоньков, сердце. Старейшину перекосило. Теперь точно придется платить. Украсть такую штукину на ближайшей бойне невозможно.

Сердце очень большое, раза в полтора крупнее бычьего. И огнем харкается.

Но хоть для виду посопротивляться нужно.

— А голова где? Голова ведь нужна, почтеннейшие.

Конан уже набрал в легкие воздуха для яростной и неприличной отповеди скупердяю, но его отстранил Тотлант.

Уперся кулаками о столешницу и проникновенно взглянул на главу управы.

— Драгоценный мой,— наиласковейше сказал волшебник,— в этом... э-э... органе сосредоточена магия такой силы, что, если я проткну его ножом, ни от этого дома, ни от Брийта камня на камне не останется. Зверюга скушала Бурю Перепен.

— И подавилась,— буркнул сзади Эртель. Тотлант продолжал:

— Голова и прочие части тела чудовища сожжены. Знаете старый дом углежогов в полуденной стороне от Вольфгардского тракта? Там все и случилось. Можете сходить проверить. Работа выполнена. Будешь платить или нет?

На столе появился договор, написанный Конаном.

— Шестьсот пятьдесят остатка,— ныл старец, вытаскивая из сундучка мешочки с аквилонским золотом.— Сотня вознаграждения лично от господина Тимро, принес тут намедни. Всего семьсот пятьдесят. Получите, почтенные... Глаза бы мои вас больше не видели.

«И еще двести аванс,— подумал Конан.— Почти тысяча. Живем! Главное, чтобы Эмерт теперь был поразборчивее и повнимательнее с девицами...»

— Больше никаких заказов не будет? — на всякий случай спросил варвар. Старик глухо

всхлипнул.— Тогда мы пошли. Да, а сердце мы забираем с собой. На память о гостеприимном Брийте.

— А что я предъявлю совету? — заахал старейшина.— На что, мол, такая куча золота потрачена?

— Расписка от наследника трона королевства пойдет? — Конан развернулся и глянул на Эртеля. Тот сник и, наклонившись к уху киммерийца, смущенно шепнул:

— Я грамоты не знаю...

Конан, едва не сплюнув прямо на пол, быстро составил расписку по всем правилам, начертал внизу «Эртель, сын Теодобада, принц крови Пограничного королевства» и отдал пергамент оборотню. Эртель подумал, нарисовал внизу крестик и, смочив палец в чернилах, оставил отпечаток.

— И как после всего этого называть Пограничье культурной страной? — втихомолку фыркнул Тотлант.

...Этим вечером и ночью отдыхали без приключений. Почти.

Только Веллан подрался с кем-то в трактире (отчего Конану и Барли Бютту пришлось разнимать забияк), но такой случай оставался вполне в порядке вещей и не вызвал никакого удивления.

Эмерт на девиц даже не смотрел, а отмывшийся Эртель, наоборот, собрал вокруг себя целое сонмище красавиц, наконец-то уяснивших, что приехал племянник нового короля.

В Пограничье не питали к трону восторженного почтения, как, например, в Аквилонии, а общее мнение посетителей заведения месьюра Барли вынесло недвусмысленный вердикт: старый Эрхард продержится королем от силы год-полтора, потом его либо свергнут, либо отравят, и вновь начнется чехарда правителей, на которую в Пограничье никто и никогда не обращал внимания.

Впрочем, знай люди, что Эрхард будет править королевством почти двадцать лет, превратив Пограничье в достойное уважения сильное государство, а затем благополучно передаст корону племяннику Эртелю, к молодому оборотню отнеслись бы с куда большим вниманием.

Но сейчас предположить, что судьба страны круто изменилась, было невозможно, а любого предсказателя высмеял бы каждый разумный человек.

Переночевали, отъелись, отогрелись. Утром Тотлант взял у Эмерта полторы сотни золотых и с самым таинственным видом отправился на базар, искать гномов. Прихватил с собой Ранна.

— Почтенный, а зачем нам понадобились гномы? — спрашивал мальчишка по дороге. — Покупать драгоценности?

— Наподобие, — туманно отозвался волшебник. — Увидишь.

Бородатые обитатели подгорного королевства во многом способствовали торговле Пограничья — гномы старались не уезжать далеко от родного Граскааля и привозили на рынки Брийта,

Вольфгарда, других крупных бургов свои великолепные изделия, до которых были охочи как перекупщики (прибывавшие ради такого дела от рубежей величайших держав Заката, с Полуденного побережья и из Турана), так и нобили, желавшие приобрести несравненное оружие, не знавшее сносу и ржавчины.

Посему на базаре Брийта гномы держали несколько постоянных лавок — оружейных, ювелирных, каменотесных, а заодно и полдесятка кузниц.

Тотлант выбрал прилавок ювелира. За стойкой громоздился рыжебородый гном с хитрыми зелеными глазками и заплетенными в косички усами.

Он, в отличие от торговцев-людей, не надрылся в голос, расхваливая свой товар. Знал, что рано или поздно его изделия будут обязательно куплены.

— Граненые изумруды есть? — спросил Тотлант, рассматривая сверкающее великолепие, лежащее перед гномом. — Большие?

— Извольте, господин хороший, — прогудел гном, нагнулся, вытащил из-под прилавка мешочек и вытряхнул его содержимое на чистую тряпочку. Острые грани камней полыхнули всеми оттенками зеленого и зелено-голубого. — По разным ценам. Все зависит от отделки, чистоты воды, размеров...

— Мне подошел бы вот этот, — выбрал Тотлант и продемонстрировал Ранну изумруд величиной с ноготь большого пальца. — Только хоте-

лось бы сделать из этого камня подвеску на цепочке. И в оправе, конечно.

— Какой металл? — деловито поинтересовался гном. — Золото, серебро, платина? Оружейная сталь? Черное железо, выплавленное на Изначальном Огне? Могу и попроще — медь, бронза, да только тебе, как магу, простые металлы не подойдут.

Гном тотчас определил род занятий Тотланта — выдавал балахон особого покроя и изображение чаши в кругу, вышитое на груди.

— Пожалуй... Ранн, не трогай ничего, пожалуйста! Пожалуй, серебро. Сделаете? Все должно выглядеть очень скромно — никаких излишеств. Цепочка запаянная, покрепче.

— Сто тридцать кесариев за камень, оправу, цепь и работу, — просто сказал карлик. — Вам когда надо?

— Немедленно.

— Тогда еще десятку за срочность.

— Дороговато, — точь-в-точь Конановским голосом пробурчал Ранн, но волшебник его одернул, шепнув:

— Никогда не берись торговаться с гномами. Они всегда назначают честную цену и не уступят даже жалкой медяшки. У твоего папы может, и получилось бы, но только за счет его упрямства...

Тотлант отсчитал деньги, гном передал изумруд подмастерью, который исчез за занавесью в глубине лавки. Волшебник ради интереса начал считать удары своего сердца, чтобы проверить

легенды о работоспособности гномов. Тридцать два, тридцать три, тридцать четыре...

— Примите, — коротко сказал ювелир. — Если понравится, обязательно приходите еще. Семья Нали, сына Торира, всегда к вашим услугам.

Тотлант надел цепочку на шею, взял Ранна за руку и заспешил к трактиру. На его груди зеленовато посвечивался крупный изумруд овальной формы.

Остальные давно собрались. Вещи были упакованы в седельные мешки, приглашенный мясником Барли кузнец перековал лошадей, заново проверили наличие всего самого необходимого.

Как выразился Конан, «нельзя забыть теплую одежду, шатер, дорожные, золото и собственные головы».

Оставалось лишь выехать из Брийта через Полуденные ворота, миновать Белые холмы, обогнуть их и выйти на тракт, ведущий к границам Бритунии.

Киммериец вчера вечером и сегодня с утра не терял времени даром.

Пусть он не заметил ничего подозрительного, но история с наемным убийцей Конана по-прежнему беспокоила. Он привык исполнять прямо противоположную роль. Обычно варвар сам на кого-нибудь охотился или искал требующегося ему человека. Сейчас искали его, и охотник за людьми вовсе не собирался угощать Конана пивом.

С гильдией наемных убийц киммериец предпочитал не связываться. Себе дороже.

Варвар подробно расспросил Барли Бютта, который замечал и запоминал все, как бы не тяготился работой по трактиру.

Хозяин потер ладонью лысину, окруженную венчиком седоватых волос, подумал и припомнил, что действительно несколько дней назад в «Танцующей лошади» останавливался благородный месьюр с немедийским акцентом (а язык Пограничья складывался из чудовищной помеси бритунского, нордхеймского и, как ни странно, гандерландского наречий).

Да, правда, незнакомец был похож на дворянина. Нет, девицами не интересовался. Встречался с какими-то парнями, вроде бы из рода оборотней.

Вместе с ними и уехал. И вообще, сударь, под ваше описание подойдет кто угодно. Видите во он тех торговцев пушниной? И волосы светлые, и борода, и стрижка, как принято в Немедии. Не отыскать вам теперь вашего друга. Уехал, должно быть.

«Или погиб во время бури,— чуть обнадежено подумал Конан.— Ладно, чему быть, того не миновать. Главное, чтобы он не нанес удар из-за угла первым.»

Отбыли. Ехали попарно.

Впереди Конан и Ранн — варвар купил подопечному спокойную каурую кобылку. Не все ж Ранну ездить на седле киммерийца? Затем Эмерт с Тотлантом. Замыкали процессию оборотни, которым было приказано следить в оба, особенно когда бург останется позади и потянутся леса.

После дня пути деревня должна была обнаружиться лиг через восемнадцать. Там можно заночевать.

— Ничего подобного,— возразил Эртель, выслушав соображения Конана.— Между Брийтом и рубежами королевства Эльдарана места самые что ни на есть глухие. Отдельные хутора... На тракте стоит лишь четыре деревни.

— Верно,— Веллан не удержался и тоже полез в разговор. В конце концов, оборотень родился в Полуночной Бритунии, окончательно перебравшись в Пограничье лишь четыре года назад. Веллан, еще во времена ранней молодости, изучил дорогу от Пайрогии до Вольфгарда почти наизусть.— Конан, ты что-то перепутал. Ночевка в теплом крестьянском доме отменяется. До ночи не успеем.

— Опять шатер? — горестно отозвался Тотлант.— Холодно, жестко, Эмерт вечно храпит под ухом... Вы бы хоть свои сапоги на ночь выкладывали наружу!

— Промокнут ведь,— хохотнул Конан.— Терпи. Удивляюсь, насколько ты неприспособлен к походной жизни.

— К удобствам быстро привыкаешь,— огорченно произнес волшебник.— И зачем только я с вами связался? Вот Ранн, ему хорошо — он будто создан для путешествий. Никогда не жалуется, знает, что нужно делать, как охотиться, как дрова нарубить...

— Мое воспитание,— брякнул Конан и только потом понял, что сказал.

Он уже привык считать Ранна сыном. Удивительно просто!

Ничего неожиданного так и не произошло.

Поселок скрылся за покрытыми снегом холмами, некоторое время маленький отряд сопровождали несколько встретившихся по пути воинов дорожной стражи, переругивавшиеся с Велланом и Эртелем, проплыл мимо деревянный межевой столб с надписью, извещавшей всякого путника, что тот ступил на землю, принадлежащую вольному бургу Пограничного королевства Брийт, а далее простерлось бесконечное лесное море, за которым, слева, синела темная полоса Граскаальского хребта.

— Привал,— объявил Конан в середине дня.— Ранн, бери топор и иди за хворостом... Эртель, распаковывай еду и котел. Тотлант...

— Я сейчас буду очень занят,— волшебник, как всегда неловко, слез с лошади.— Зачем откладывать на потом то, что требуется сделать как можно быстрее?

Мальчишка молча вынул из чехла небольшую секиру и отправился к зарослям молодого ельника.

— Что сделать? — насторожился Конан, услышав речи стигийца.— Опять придумал какую-то магическую гадость?

— Не гадость, а полезное дело,— сказал волшебник.— Где сердце чудовища? У Эмерта?

— У меня,— Конан ткнул пальцем в кожаный баул, висевший на седле.— Полагаешь, я доверю кому-нибудь такую опасную штуковину?

— Давай сюда,— скомандовал Тотлант.— Сейчас будем перемещать заключенную в нем магическую силу в изумруд, который я сегодня купил. Этот камень лучше всего сохраняет магию.

— А это не опасно? — Веллан нахмурился.

— Плевое дело,— Тотлант снял с лошади киммерийца мешок, развязал горловину и осторожно заглянул внутрь.— Шевелится... Живое еще. Видишь ли, Веллан, если живая плоть сердца, пока что поддерживаемая магией, все-таки умрет, мы потеряем столь дешево доставшуюся нам силу, а над Пограничем разразится очередной колдовской шторм, сохранившийся внутри полученного нами артефакта... Поэтому я решил заключить Бурю в изумруд как можно быстрее.

— А почему ты этого не сделал вчера, в Брийте? — рассудительно спросил Конан.

— Боялся,— пожал плечами стигиец.— Неконтролируемая магия непредсказуема. Воображаю, что случилось бы, сорвись она с цепи посреди поселка. А здесь безопасно, мы отъехали на достаточное расстояние.

— Нас, значит, ему не жалко! — возмущенно воскликнул Эртель, а Эмерт закашлялся.— Сейчас Тотлант выпустит Бурю, мы превратимся незнамо во что... Иштар великая, а если я превращусь в Конана?

— Успокойтесь,— поморщился стигиец.— На каждом из нас будут лежать охранные заклатья, отвращающие воздействие чужеродной магии... Как в прошлый раз, во время Бури. Ну-ка выстройтесь в рядочек!

Волшебник быстро сделал ладонями в воздухе несколько замысловатых фигур и продолжил:

— Вот. Теперь вас не заденет никакое колдовство.

— Никогда? — обрадовался Конан.

— Я тебе уже говорил, что у каждого заклатья — свой срок действия. Это будет действовать до заката. Нечего плодить в мире излишнюю магию! Теперь можете заниматься своими делами, главное — не отвлекайте.

Тотлант положил вынутое из мешка сердце на ствол поваленного дерева, устроил рядом купленный изумруд и произнес первые слова, связывающие магическую силу Бури, застрявшей в сердце животного.

Волшебник неожиданно почувствовал, что упустил нечто важное, но вот что именно?.. Какую-то деталь, привычную и незаметную. Однако отступать было поздно — заклинания начинали работать.

Ничего не подозревающий Ранн, оставшийся без охранных слов Тотланта, рубил хворост в пятидесяти шагах поодаль. С полянки при дороге его не видели — мешали пушистые невысокие елочки.

Глава восемнадцатая

Волшебник Тотлант был вполне доволен собой. Затверженные с юности магические формулы, состоявшие, казалось бы, из совершенно бессмысленных фраз, пробудили силу, которую волшебник направил на слабо колыхавшееся багровое сердце убитой вчера твари. Магия человека опутала невидимой сетью клубок гиперборейского колдовства и начала медленно перетаскивать его из уязвимой плоти в крепчайший изумруд.

Конан наблюдал со стороны — будто бы ручеек желтовато-красного жидкого огня переливался из живого сердца в камень. Тотланта окружило белесое сияние.

— В чем дело? — шепнул волшебник, сбиваясь на полуслове. Он ощутил, что подвластная ему магия внезапно начала бунтовать. Все было сделано правильно, создание изумрудного артефакта, способного даровать владельцу нешуточные возможности, проходило по всем законам

колдовского искусства, но... Не может быть! Что угодно, только не это!

Тотлант испуганно выкрикнул заклятье Кошачьего Глаза, позволявшее ему видеть куда более остро, нежели обычному человеку, и уставился на купленный у гномов камень. Изумруд в зрачках стигийца увеличился стократно — гладкая, отлично отшлифованная поверхность. Ровные грани мерцают огнем.

И трещина. Неразличимая для покупателя малюсенькая трещинка. Гномы — жулики! За такие шутки убивать надо! Тотлант понял, что сейчас произойдет.

— Назад! — истошно заорал волшебник, кидаясь прочь от бревна. — Быстрее! Эртель, не стой столбом, беги! Кто-нибудь, шугните лошадей!

Конан, за много лет путешествий привыкший к тому, что колдовство может быть невероятно, смертельно опасным, в подобных случаях предпочитал отступление излишнему геройству.

А посему варвар без рассуждений рванулся прочь, прыгнул в яму от корней вывороченного ветром дерева и закрыл голову руками. Остальные тоже успели худо-бедно попрятаться.

«Великий Кром, отец всех богов! — смятенно подумал киммериец. — А где Ранн?»

И в этот самый момент полыхнуло. Причем полыхнуло столь замечательно, что столб белого огня разглядели и в Брийте, и в Вольфгарде, отстоящих от затерянной полянки возле бритунийского тракта на много лиг к Полуночи и Закату. Пламя поднялось развесистым деревом к серым

низким облакам, разорвало их и столь же внезапно исчезло. Вместо клуба чистого огня начала сгущаться туча.

Буря Перемен.

Ранн как раз вышел к поляне с вязанкой сухих веток на плече. Его ослепило вспышкой и отбросило в сторону. Жизнь Ранну спасла мягкая крона высоченной ели — зеленые лапы приняли в себя человеческое тело и схоронили между колыхавшимися иглами.

Взвыл ураган, со стороны очень похожий на смерч, иногда случающийся в пустынях Турана — толстая, непрестанно крутящаяся труба воздуха, снега, ледяной пыли обрушилась на леса Восточного Пограничья, то исчезая, то снова появляясь.

Ветер понес древесные сучья, кое-где вырывал из земли камни, которые в полете превращались из обычного гранита сначала в мрамор, потом в малахит, потом вообще незнамо в какой минерал с синими и золотистыми прожилками... Стайка оленей, попавшая под Бурю, изменилась до неузнаваемости — и вновь пойдут слухи о невиданных чудовищах, заповивших дебри Пограничного королевства... Ураган быстро смещался к Полудню, в сторону Немедийских рубежей. Достанется сегодня подданным короля Нимеда!

— Есть кто живой? — Конан, припорошенный снегом, имевшим неприятный травянисто-зеленый оттенок, выбрался из своего укрытия. — Эй!

— Я здесь, — простонал откуда-то Веллан. — Что случилось?

Снегопад прекратился и поднятый Бурей туман был снесен ветром. Теперь можно хоть что-то рассмотреть.

Постепенно обнаружились все.

Эмерт в обнимку с Эртелем переждал катаклизм под корнями громадной, в четыре обхвата елки, а Тотлант закопался в сугроб.

— Знаешь, почему я тебя не убил прямо сейчас? — Конан тоскливо посмотрел на волшебника. — Только потому, что нам еще предстоит гоняться за Бешеным Вожаком, и твое бестолковое умение может пригодиться. Можешь внятно объяснить, что произошло?

Помятый Тотлант ответил, чуть не плача:

— Гномы! Бородатые мерзавцы! Изумруд был не цельный, а с трещинкой! Через нее-то магия и вырвалась, расколов камень! Понимаешь? Я не виноват!

— Ты всегда так говоришь, — буркнул Конан, оглядываясь.

Ствол, на котором стигиец творил свои подозрительные чудеса, исчез бесследно. Вместо него образовалась глубокая опаленная яма с дымящимися краями.

Лошади разбежались, конечно. Опять придется посылать оборотней отыскивать и ловить скакунов...

На редкость неудачное путешествие!

— Великий Кром и Митра Солнцезарный, — вдруг ошарашено сказал Конан. — А куда пропал Ранн? Если с ним что-нибудь случилось, я зарежу Тотланта на месте! И это, кстати, не шутка!

Ищите все! Веллан, Эртель, быстро превращайтесь в волков! Берите след!

— По-моему, этого не требуется, — тихо сказал Эмерт. — Видишь, вон там, под деревом? Это, часом, не Ранн лежит?

Подбежали. И остановились изумленно.

Не было мальчика десяти лет.

Конан перевернул тяжелое тело, всмотрелся.

— Ничего не понимаю, — выдохнул киммериец. — Тотлант, подойди. Кто это может быть?

Волшебник озадаченно и хмуро уставился на мужчину лет сорока, лежащего без сознания у его ног.

Светлая аккуратная борода, какую носят немедийцы, соломенные короткие волосы с едва заметными седыми прядями, крупные черты лица... На кого-то он очень похож. И одежда знакомая. Только слишком большого размера. Тотлант ахнул и отшатнулся.

— С ума сойти! Конан, посмотри на шрам на ладони, возле большого пальца! Ничего не напоминает?

Киммериец глянул и поперхнулся собственной слюной. Тут варвара прорвало — Конан не ругался столь долго и яростно уже лет десять.

Он помянул всю родословную Тотланта, всех его родственников, предков как с материнской, так и с отцовской линии, сочно описал привычки, пристрастия и личную жизнь стигийского волшебника и завершил речь столь изощренной фразой, что ее истинного смысла никто из присутствующих не понял.

Перед Конаном действительно лежал Ранн. Только постаревший лет на тридцать. Те же черты лица, те же приметы, шрамы... Магия Бури Перемен превратила ребенка во взрослого мужчину.

Глава девятнадцатая

у, Тотлант, возвращай его обратно!

— Каким, интересно, образом, я это сделаю?

— Делай, как хочешь! Вызывай новую Бурю Перемен, используй свои амулеты, колдуй!

— Да, Тотлант у нас добротнo колдует,— вставил свое соображение Эртель.— Когда трезв и в своем уме. Послушай, стигиец, может быть, действительно получится что-то сделать?

— Что вы ко мне привязались? Не умею я ничего подобного! Для особо непонятливых повторю по буквам: не у-ме-ю!

Согласно старинной мудрости, история повторяется дважды.

Первый раз она, как правило, драматична, во второй являет из себя сущую комедию. Конан, однако, поводов веселиться не видел. А Тотланту стоило бы изрядно начистить физиономию.

Надо смотреть, что покупаешь! Особенно у гномов!

Как и несколько дней назад, решили заночевать прямо в лесу. Но для начала следовало устроить множество полезных дел. Во-первых, лошади. Без них пропадешь.

Конан вместе с оборотнями отправился на поиски, оставив Эмерта и Тотланта приглядывать за тем, что раньше являлось десятилетним ребенком — Ранн в сознание не приходил.

Лошадей обнаружили с трудом — все шесть мохнатых невысоких, однако очень выносливых коньков сбежали в сторону Полуночи, пытаясь избежать губительного воздействия выпущенного Тотлантом урагана, и Веллан в облике волка нагнал их только через лигу-полторы.

Потом скакунов пришлось успокаивать, осматривать и вести обратно. К счастью, лошади не особо пострадали от Бури — изменилась только масть, с гнедой и каурой на вороную с прозеленью, а у кобылки, принадлежавшей Ранну, выросло две дополнительные пары ушей. Посмотришь со стороны — не заметишь.

Во-вторых, надо ставить лагерь, разводить костер, готовить горячую еду и питье, отогревать явно замерзающего без движения Ранна и пытаться заставить его очнуться.

Возле костра положили бревнышки, на которых было удобно сидеть, Ранна, наоборот, перенесли в шатер, завернув в мех и попоны. Тотлант заявил, что сейчас его лучше не трогать, а просто подождать. Проснется сам, рано или поздно.

— Ох, неуч! — качал головой Конан, помещивая угли срезанной веткой. — Я-то думал, первый

раз в жизни встретил мага, хоть немного соображающего и не способного принести вред нормальным людям! Как теперь все вернуть обратно? Надо было выкинуть это проклятое сердце или спалить вместе с останками зверя!

— Я не виноват в том, что изумруд оказался поврежден... — в сотый раз начал оправдываться стигиец, но Конан только рукой махнул. Признаться, варвар был растерян. Привыкнув к мальчику по имени Ранн, Конан теперь не представлял, как нужно воспринимать Ранна повзрослевшего.

Причем повзрослевшего намного — по виду ему было сейчас глубоко за тридцать. Возраст Конана.

Еще можно было бы перетерпеть, превратись Ранн в парня лет двадцати, наподобие Веллана с Эртелем, однако как искать общий язык с... Великие боги, а что если тело изменилось, а разум — нет? Если этот бородатый дядька сохранит все мысли ребенка и с детской непосредственностью будет по-прежнему называть Конана «папой»?

Положения глупее и не придумаешь! Тотлант задушить мало! Пусть изворачивается как хочет, но стигиец обязан вернуть Ранну прежний облик! Колдовство не всесильно, но могущественно. Выход найти можно...

Прежний облик. Вернуть прежний облик. Немедленно!

— А кто вам сказал, благородные месьюры, — вдруг тихо проговорил волшебник, — что детское обличье Ранна было истинным? Когда мы его на-

шли? Верно, после Бури Перемен. Что мы тогда подумали?

— Подумали, что Ранн настоящий, обычный мальчишка, только Буря ему все мысли в голове перепутала,— ответил Веллан.— И каким-то образом связала его с Конаном. Постой-ка, Тотлант, на что ты намекаешь?

— Ясно, на что,— хмуро сказал Эртель.— Ехал по дороге вон тот мужик, что у нас в шатре сейчас валяется, тащил под мышкой кролика на продажу, а тут вдруг ураган ка-ак налетает! Буря превращает кролика в зубастого гиганта, взрослого дядьку — в малыша, а лошадь вообще незнамо во что. Кролик бросается на бывшего хозяина, ловит и случайно забегает в наш лагерь. Тут в дело вступает шайка законченных болванов во главе с тупоумным магом, и, не разобравшись в происходящем, не обращая внимания на то, что Буря Перемен в основном меняет внешность живого существа, и даже не задав себе вопрос: «Откуда в глухих лесах взялся ребенок?», дружно его усыновляет.

— Захватывающая версия, однако не достоверная,— резко качнул головой Тотлант, а Конан шепотом выругался.— В цепочке твоих, Эртель, рассуждений есть слабое кольцо, из-за которого вся цепь рвется и рассыпается на отдельные звенья. На всех нас, включая Конана, Буря воздействовать не могла. Не могла с помощью своей магии вытянуть из головы киммерийца сведения о его прошлом. Мы были защищены слишком надежно. И вдруг ураган связывает человека, и

в глаза-то Конана никогда не видевшего, с варваром напрямую — он мой отец и все тут! Значит, эта связь имела место когда-то раньше. Конан, ты внимательно рассмотрел теперешнего Ранна? Ты прежде никогда не встречал этого человека?

— Нет,— категорично ответил варвар, у которого была отличная память на лица.— Не встречал, вместе не пил, не сражался и не путешествовал. Первый раз в жизни вижу. Загадок сегодня только прибавилось. Так и разумом повредиться недолго.

И вдруг Конан замер. Выпрямился. Напрягся.

Заметил, как у сидевшего напротив Тотланта расширились глаза.

Эртель с Велланом раскрыли рты, до смешного уподобившись братьям-близнецам. Эмерт медленно повел руку к поясу, к ножнам кинжала.

В спину киммерийца уперлось что-то острое и холодное.

Даже сквозь толстую безрукавку Конан узнал твердость отточенного металла. Сзади, под правой лопаткой, явственно ощущалось лезвие меча. Варвар всей шкурой почувствовал, что меч — его собственный. Рангильдор, беспечно оставленный в шатре.

— Сидите смиренненько и тогда никто не пострадает,— послышался из-за плеча спокойный баритон.— Месьору волшебнику я советую сложить руки крестом на груди и держать их постоянно на виду. Остальные медленно кладут ладони на колена. Пожалуйста, никаких резких движений

или я проткну этого господина как протыкают утку вертелом. Спасибо. Итак, кто вы такие?

— Ранн, ты, что ли? — спросил Конан первое, что попало на язык. — Ранн?

Меч дрогнул.

Кажется, киммериец попал в цель. Давление клинка немного ослабло.

— Ты меня знаешь? Нет, не поворачивайся, твое лицо я рассмотрю попозже. Самыми умными среди вас выглядят либо маг в одежде стигийского Черного Круга, либо тот месьюр, что сидит справа.

Справа сидел Эмерт. Ранн безмятежно продолжал:

— Очень прошу одному из указанных мною людей объяснить, как я попал в ваш шатер и что здесь происходит.

Человек говорил с ясно выраженным акцентом подданного короля Нимеда. Конан похолодел. А ведь все сходится! Как раньше не догадались! Вот тебе и игра неконтролируемой магии!

— Месьюр, — пытаюсь говорить бесстрастно, обратился к Ранну стигиец, — я не вижу причин платить нам столь черной неблагодарностью за спасение вашей жизни. Мы нашли тебя без сознания.

— Откуда тогда вы узнали мое имя, данное матерью? Я сам его не слышал уже много лет.

— Предпочитаешь прозвище? — хрипло сказал Конан. — Альб. Я прав?

Острие меча снова дернулось и, проколов безрукавку с рубахой, слегка царапнуло кожу.

— Дальше, — чуть более напряженно приказал Ранн. — Станные вы люди, как я посмотрю...

— А что дальше? — Тотлант решился резать в глаза правду-матку. Правда — великая сила, способная обезоружить и смутить противника. — Ты немедиец, состоишь в запрещенной королем гильдии наемных убийц. Несколько седмиц назад к тебе явился человек или оборотень в человеческом обличье, и передал просьбу существа, известного в Пограничье как Бешеный Вожак. Ты, с помощью небольшой стаи оборотней должен был расправиться с изрядно подгадившими Бешеному людьми: с Конаном из Киммерии, Тотлантом Стигийским, Велланом Бритунийцем и племянником нового короля Эртелем. Может, и с человеком по имени Эмерт Боссонский. Вы хотели устроить засаду на Вольфгардском тракте, однако внезапно начался снежный ураган. Вы потерялись. Что было дальше — ты не помнишь.

— Отчего же, помню, — сказал Ранн, слегка опешив. По тону Конан почувствовал, что он сбит с толку. — Ехал через заносы вперед, заплутал в лесу, выбрался к какой-то ферме. Думал там остановиться и переждать бурю. Потом случилось нечто удивительное — из облаков начали бить молнии. Зеленоватые. Одна попала в хлев, точно помню. Дом рухнул, из обломков появилось громадное чудовище. Моя лошадь понесла. Потом, кажется, молния попала в меня. Сколько времени я был без сознания?

— Ты был в ясном сознании все четыре дня, прошедших со времени урагана, — отчеканил

Тотлант.— Но воспоминания потеряны. Хочешь, я могу их восстановить? Я умею, учился. В этом случае тебе придется нам довериться и убрать оружие от спины Конана.

— Конана?.. Я сразу заметил, что вы на кого-то похожи. Видите ли, господа, мне заплатили. Уважаемый маг — Тотлант из Стигии, если не ошибаюсь? — совершенно верно описал нанявшего меня человека, и откуда-то узнал о моих планах. Я благодарен за спасение моей жизни, однако не могу отступить от условий договора.

— Знал бы, что так обернется — сразу придушил бы,— буркнул Конан, соображая, как теперь поступать. Ранн сейчас очухается от столь необычных новостей и начнет исполнять свою миссию. Впрочем, он один против пятерых. Даже если Ранн убьет одного-двоих, остальные сумеют его прикончить. Положеньице.....

Киммериец решил. Резко броситься вперед, перекувырнуться через костер, схватить какое-нибудь оружие — например, горящий сук... Шансы увеличатся. Ну!

Прыжок, переворот в воздухе, лезвие Рангильдора рассекает пустоту. Конан падает, сбивая с ног Тотланта и попутно выхватывая у остолбеневшего Эмерта длинный прямой кинжал. Ранн пытается достать мечом Веллана, однако оборотень успевает упасть и отползти.

Конан поднялся и вытянул руку с кинжалом.

— Честный поединок?

Немедиец стоял в трех шагах поодаль и смотрел на варвара безмятежными серыми глазами.

На мгновение в них промелькнуло странное выражение, но тотчас взгляд опять стал безразлично-спокойным.

— А ты быстр... Меня предупреждали.

И далее без лишних предисловий косой рубящий удар Рангильдором. Варвар сумел отвести клинок своим кинжалом и распорол лезвием одежду на груди Ранна. Работать дагой против меча — дело гиблое. Даже лучшие воины долго не продержаться.

Судьбу поединщиков решает быстрота.

— Стойте! — вопль Тотланта, не то торжествующий, не то испуганный.— Остановитесь оба, немедленно!

«Сейчас будет угрожать, что превратит в жабу»,— почему-то подумал Конан и вдруг ощутил, как мышцы наливаются противной слабостью.

Проклятый колдун опять применил свои дурацкие заклятья!

Конан и Ранн внезапно растеряли весь боевой пыл. Выронили клинки.

Оборотни опрометью бросились к палатке за своим оружием.

Тотлант же упругой походкой победителя подошел к Ранну, будто заснувшему на ходу, коснулся его висков пальцами, заглянул в глаза и быстро-быстро зашептал слова на стигийском.

— А теперь просыпайся! — волшебник легонько шлепнул немедийца ладонью по затылку и отскочил. Взгляд Ранна стал осмысленным.— Ну? Вспомнил?

Ранн оглянулся.

Справа Эртель и Веллан с обнаженными мечами, позади Эмерт с заряженным арбалетом. Арбалет у боссонца тяжеловат, это Ранн помнил точно. В самое первое утро он пошел охотиться на зайцев и все удивлялся, как можно носить с собой такие неподъемные самострелы? Взрослым, конечно, никакой разницы...

Постойте, каким взрослым?

Водопад воспоминаний. Четыре дня мелькают, будто падающие звезды на ночном небе — события, запахи, десятиголовый гусь в «Танцующей лошади», чудовище в доме углежогов, поход с Конаном на базар за хорошей одеждой.

Она и сейчас на Ранне, только, как и владелец, выросла... Сапоги из оленьей шкуры Конан купил за целую половину кесария. Драка с мальчишками в трактире.

Эмерт, потерявший все золото из-за женщины. Перемазанный звериной кровью Эртель, бешеные оборотни, сердце чудовища, брызжащее магической силой...

Ранн пошатнулся и опустился на бревно возле костра. Смотрел на Конана. И не верил. Да, это происходило. Однако ничего подобного никогда произойти не могло. Почему? Что случилось с миром и со мной?

— Ранн? — позвал Тотлант. — Ты ведь слышал о Бурях Перемен?

— Ну... Слышал.

— Буря сделала это с тобой. Извратила твою внешность, разум. Может быть, тем самым она

принесла пользу и тебе, и всем нам. Не будешь больше драться?

— Не буду, — покачал головой немедиец. — И что же теперь делать?

— Поверь, — вздохнул Конан, — этим вопросом я задаюсь уже пятые сутки. Будем решать.

...Ранним утром пятеро всадников отправились по Бритунийскому тракту на Восход. Шестой, восседавший на меланхоличной кобылке (до вчерашнего дня каурой, а нынче вороной), распрощавшись, отбыл на полуночный закат, в сторону Брийта. Иногда оборачивался, поднимая руку в жесте прощания.

За пазухой Ранна лежал мешочек с пятьюдесятью золотыми, великодушно выделенными Конаном, а пояс украшал длинный кинжал Эмерта. Меч можно купить в бурге.

Месьоры королевские посланники ехали молча на протяжении трех полных лиг. Лишь Конан иногда цедил сквозь зубы не принятые среди воспитанных людей словечки и сплевывал.

— Конан, — неожиданно позвал Тотлант, — ты меня слышишь?

— У тебя очередная гениальная идея?

— Нет, скорее, плод моих гениальных размышлений, — сухо ответил волшебник. — Все разрозненные частицы доставшейся нам головоломки встали на свои места. Теперь я могу в точности объяснить, что именно произошло.

— По-моему, это давно поняли все и каждый, — сказал Эртель. — А гиперборейцев за такие поганые выходки надо извести под корень!

— Согласен,— кивнул Тотлант.— Займись на досуге. До нынешней ночи я не понимал одного-единственного: как Буря Перемен связала мысли Ранна с мыслями Конана.

— И как же? — вяло поинтересовался киммериец, обводя рассеянным взглядом заснеженный лес.— Точнее, почему она их связала?

— Ранн вчера вечером нам объяснил, что гильдия охотников на людей никогда не действует вслепую. О каждой жертве, точнее, о более-менее заметной личности, становящейся жертвой, убийцы собирают все доступные сведения. Я не сомневаюсь, что Ранн, получив заказ от Бешеного, сумел выяснить, кто ты такой и что из себя представляешь.

— Наемник как наемник,— отозвался Веллан и получил в ответ укоризненный взгляд стигийца.

— Неправда,— возразил Тотлант.— История Конана довольно тесно связана с историей последних двух десятилетий. Он участвовал почти во всех заметных событиях, служил при дворах коронованных особ, был посвящен во многие тайны. Между прочим, командовал королевскими корсарами Зингары — это случилось совсем недавно. Должность очень заметная.

— Я бы сказал по-другому — очень хлопотная,— буркнул Конан.— Все было бы ничего, не пожелай принцесса Чабела Зингарская выйти за меня замуж...

Оборотни расхохотались.

— И ты отказался? — подвывал Эртель.— Потерял еще один шанс стать королем? Я не пони-

маю, чего ты добиваешься? Хорошо, согласен, Пограничье — захудалое королевство. Но блистательная Зингара?.. Или полагаешь, что еще не подошел возраст остепениться? Опасайся, что предсказание сбудется, когда тебе стукнет лет шестьдесят и получить всех удовольствий от ношения короны ты уже никак не сумеешь!

— Давайте Тотланта дослушаем,— раздраженно сказал Конан.

— Продолжаю,— волшебник дождался, пока установится тишина, нарушаемая только поскрипыванием лошадиных копыт о снег и редкими потрескиваниями в лесу.— Охотнику на людей достаточно просто выяснить многие подробности жизни столь заметного человека как ты, Конан. Он мог узнать и о твоих дафрарфских приключениях, и даже о синей чаше во дворце Чабелы. Слухи и легенды распространяются с необыкновенной быстротой. Буря перевернула разум немедийца, превратив обычные истории о приключениях некоего капитана Конана в воспоминания, причем весьма реальные. Осталась последняя загадка: почему Ранн посчитал тебя своим отцом? Уверен, это неспроста. Магия никогда не может ничего, если.....

— Сколько можно твердить о магии! — простонал Конан.— Теперь ничего не изменишь! Получилось, как получилось! Вдруг у Ранна никогда не было родного отца, и он в детстве всегда о нем мечтал?

— Не исключено,— согласился Тотлант.— Очень не исключено... Хорошо то, что минувшие

четыре дня перевернули представление Ранна о мире. И твое, кстати, тоже. Ранн увидел, как четверо наемников и представитель проклятого племени стигийцев могут с добротой относиться к абсолютно неизвестному им человеку. Увидел, что мы не просто шайка авантюристов на королевской службе, а нечто большее.

— Что — «большее»? — Конан посмотрел на волшебника удивленно.

— Обычные люди, — поднял брови Тотлант, поражаясь, как варвар сам не догадался до столь простой мысли. — А обычным людям свойственны и слабости, и сила духа, доброта и злость, сочувствие и жестокость. Все, чем наделили нас боги. Ранн убедился на своем опыте, что миром правят не только золото и смерть. Конан, не расстраивайся. У тебя еще будет свой собственный сын. Когда-нибудь.

...А впереди была только белая, заваленная снегом дорога, нескончаемые лесные чащи, гряды холмов и зимние поля, за которыми лежали равнины Бритунии.

Охотник

енастным дождливым днем, в час, когда солнце стоит в зените, в Восточные ворота Велитриума въехали двое всадников.

Промокшие часовые проводили их хмурыми взглядами. Удивление на короткое время развеяло их мрачные мысли, прервав сетования на злодейку-судьбу и болвана-десятника, по милости которых бывалые вояки были вынуждены мокнуть под дождем, топчась по колено в грязи.

Собственно говоря, в облике заезжих путников не было ничего необычного, если не считать того, что одним из них была женщина — золото-волосая красавица с удлинненным лицом и резко очерченным подбородком, высоким лбом и огромными зелеными глазами, в которых явственно читалась холодность и презрение ко всему белому свету.

Девушка была одета в дорожный костюм мужского покроя, который, впрочем, несколько

не скрывал ее женственных форм. Женщина всегда остается женщиной, даже если она с ног до головы забрызгана грязью.

То же можно было сказать и о коне благородной всадницы — великолепном гирканском жеребце, который хотя и выглядел совершенно измотанным, все равно вызвал бы восторг у самого придирчивого знатока.

Спутник девушки почти не привлекал внимания: мужчина средних лет, невысокого роста и невзрачный с виду. Он еле держался в седле от усталости.

С бледного лица уныло смотрели на мир бесцветные глаза, в которых явственно читались страдание и неуверенность. Но никто ему в глаза не заглядывал, а иначе увидел бы в них и нечто большее...

На бедре девушки висел кривой туранский меч — вещь редкая в западной Аквилонии. Мужчина, если и имел оружие, то на виду его не держал.

Путники остановились в лучшей таверне Велитриума.

Не позаботясь даже смыть с себя дорожную грязь, красotka нанесла визит наместнику Конаджохары. Ее спутник с ней не пошел: не столь сильный духом, он уже спал, когда она переступила порог постоялого двора.

Наместник принял ее, даже не пытаясь скрыть свое изумление, которое мгновенно переросло в беспокойство, едва загадочная незнакомка произнесла свое имя:

— Дианора Салли-Тайн...

— Салли-Тайн?! Ох, простите, госпожа, но Гортес Салли-Тайн...

— Мой отец,— коротко ответила девушка, предупреждая его вопрос.— Я нахожусь в Велитриуме по личному делу, в котором рассчитываю на вашу поддержку,— красotka обворожительно улыбнулась, и глаза старого наместника стали приторно маслянистыми,— и очень надеюсь, что вы не станете слишком распространяться на эту тему.

— О, вы можете быть уверены, госпожа, в моей преданности,— залебезил пред ней старик, бросая строгий взгляд на офицера, сидевшего за столом напротив его кресла.

Тот молча поклонился девушке с видимым равнодушием на скучающем лице и снова сел на прежнее место. Дианора окинула его пристальным взглядом.

— Валлан, комендант форта Тускулан,— небрежно представил офицера наместник.— Прибыл с приветом от пиктских друзей. Ступайте, Валлан, зайдете ко мне позже... ближе к вечеру.

— Нет,— Дианора подняла руку.— Форт Тускулан? Вы его комендант?

— Да, госпожа,— спокойно ответил воин, ничуть не удивленный появлением столь именитой гостьи, чей отец занимал один из высших постов в Аквилонии.

— Тогда оставайтесь, прошу вас! — не обращая внимания на обиженного наместника, Дианора подошла к Валлану.

— Скажите, вы знали человека по имени Клавдий?

— Да, я помню его,— бесстрастно ответил офицер, лишь в серых глазах его засветился огонек любопытства.

— Клавдий? Я тоже встречал этого человека! — воскликнул наместник, обрадованный возможностью обратить на себя внимание.— Не так давно он приезжал в Велитриум,— чиновник вдруг осекся и торопливо отвел взгляд,— очень достойный юноша... из благородной семьи, высокого ума, и строгих правил... так сказать.

Горящие глаза девушки были устремлены на коменданта и в них читалась такая вселенская скорбь, что Валлан невольно потупил взор.

— Мне известно, что он попал к пиктам в плен,— сказала Дианора бесцветным, но твердым голосом, хотя было видно, что это стоило ей немалых усилий.

Валлан вздохнул и утвердительно кивнул в ответ, по-прежнему избегая взгляда ее пристальных глаз.

— Дикий край...— проворчал наместник, открыл было рот, чтобы что-то добавить, да так и не нашел, что сказать.

Девушка, не обращая на него внимания, смотрела на молодого офицера, будто ожидая, что этот спокойный, уверенный в себе человек, даст ей надежду... хотя бы слабую ее тень.

Но он лишь покачал головой.

— Госпожа, все, что смогли мы узнать, так это то, что Клавдий, действительно, был пленен пик-

тами клана Змеи вместе с одним из своих спутников. Во всяком случае, их тел не нашли на месте той бойни, простите.

— Продолжайте,— безжизненно бросила Дианора, смертельно побледнев.

Она медленно повернулась и подошла к окну, чтобы скрыть набежавшие слезы.

— Увы, мне больше нечего добавить...— Валлан пожал плечами.

— Кроме того, что Клавдий, по всей вероятности, уже мертв? — с придыханием спросила девушка, не поворачивая головы.

— Даже не зная обычаев пиктов, можно в этом не сомневаться,— беспощадно ответил он.

— Вы пытались его искать?

— Небольшой отряд отправился в погоню по горячим следам... Назад из них никто не вернулся.

— Почему же вы не отправили второй отряд? Третий? Десятый?! — вспыхнула Дианора.

Она резко повернулась на каблуках, глаза ее высохли и метали жгучие молнии.

Несчастный наместник с тревогой покосился на дорогие ковры, украшавшие стены его кабинета.

— Я могу приказывать людям идти на смерть, когда враг стоит у стен форта,— холодно ответил Валлан, смело встречая ее негодующий взгляд.— Но не стану напрасно рисковать жизнью даже самого нерадивого солдата.

Девушка в отчаянии закусил губу. Лицо наместника приняло тоскливое выражение — в ее

начальственным гневе, он уже видел для себя большие неприятности по службе. Неожиданно спокойным голосом она сказала:

— Клавдий жив, я уверена в этом.

Выдержка и тут не изменила Валлану — ни один мускул не дрогнул на лице воина, но Дианора уловила легкую тень сочувствия мелькнувшую в его грустных глазах и слезы вновь затуманили ее взор.

Стараясь держать себя в руках — а это было очень нелегко для гордой и избалованной дочери высокопоставленного вельможи — она решила объясниться до конца:

— Так утверждает Клодий. Он — маг и чародей. Найти человека пусть даже за тысячу лиг, для него суший пустяк. Спросите его сами! Сейчас он в таверне, но можете за ним послать... Он лично знал Клавдия, и не мог ошибиться! Я уверена!

Валлан и наместник переглянулись. Во взгляде последнего читалось отчаянье.

Будучи человеком не слишком большого ума, наместник короля Нумедидеса, тем не менее, уже достаточно долго служил в Пограничье, чтобы питать даже ничтожные иллюзии насчет пиктского благородства и их радушного отношения к пленным.

Мучительная смерть у Столба Пыток — вот удел тех, кого злосчастная судьба бросала в лапы лесных дикарей.

Порой истязания длились по несколько дней, но две полных луны — это чересчур... Валлан то-

же прекрасно знал это, как и многое другое, поскольку жил с пиктами в гораздо более тесном соседстве.

Но непоколебимая уверенность, слышавшаяся в словах Дианоры, заставила его засомневаться. В голосе девушки звучала сила, способная заразить своих слушателей и убедить их в том, что солнце встает на западе.

Валлан уважал это качество в людях и в восхищении взглянул на знатную аквилонку, казавшуюся ему до этого капризной и взбалмошной девчонкой.

— Сейчас отношения с пиктами напряженные, как никогда, — медленно заговорил он. — Даже тех немногих вождей, что относились к нам лояльно, как будто кто-то подменил, — быстрый взгляд на наместника, преисполненный презрения и досады, и вряд ли имеющий отношение к истории с Клавдием. — Так, что, сожалею, но ни с кем из пиктов мы не сможем переговорить о судьбе королевского эмиссара.

— Нельзя ли отправить отряд на поиски? — не теряя самообладания, спросила Дианора. — Найдутся ли среди ваших солдат решительные, смелые люди, способные на благородное дело? Клодий укажет им путь... А уж моя благодарность не будет знать границ!

Валлан задумчиво смотрел на нее, с трудом веря своим ушам.

— Среди солдат — нет, — наконец произнес он, взвешивая каждое слово. — Отчаянных голов в гарнизоне хватает, но самоубийц среди них вы

не найдете. Человек долго не выживет в Пиктской Пуще, а мертвым не нужны горы золота. Но есть среди жителей Конаджохары люди, которым доводилось не раз бывать за Черной Рекой и возвращаться обратно живыми. Это — разведчики, следопыты. Жалование у них солдатское, да и то все время задерживают, — снова быстрый взгляд в сторону наместника, который на сей раз его заметил и недовольно сдвинул брови. — Эти люди — настоящие волки. Вам лучше бы с ними поговорить.

— Вы не можете им приказать? — Дианора зловеще прищурила глаза. — Ведь они простые наемники...

— Вовсе нет, — отрезал Валлан, не обращая внимания на яростный блеск зеленых глаз. — Деньги они получают за выполненную работу. Прошу прощения, но вы там у себя в столице привыкли отдавать приказы, а понятия не имеете о нравах жителей Пограничья. Их можно привлечь блеском золота, но заставить — никогда! Имейте это в виду, если будете разговаривать с ними... К счастью, лучший из следопытов сейчас как раз в форте. Мы еще застанем его, если прямо сейчас выедем из Велитриума. Я на это очень надеюсь...

— Едем! — Дианора стремительно направилась к двери.

— Но мой доклад, госпожа...

— Поезжай с ней, умоляю тебя! — прошептал наместник. — Доклад может и подождать! И не говори с ней таким тоном, болван!

«Сам ты болван! — подумал Валлан, сбега по лестнице следом за Дианорой. — Девицу эту высечь бы не мешало, раскомандовалась тут, столичная штучка. Баба, а та еще, с гонором. Здесь Конаджохара, а не Тарантия, здесь сначала бьют, а потом выясняют, где учатся подобному высокомерию. И не посмотрят, что она женщина... Но, да простит меня Митра, какая прекрасная женщина!»

Вечером того же дня Дианора вместе с Клодием и Валланом прибыла в форт Тускулан.

К сожалению напряжение последних дней и бессонные ночи взяли свое и все разговоры со следопытами пришлось отложить до утра: девушку сняли с коня полумертвую от усталости и отнесли в лучшую комнату на единственном в Тускулане постоялом дворе.

Валлан сперва хотел пригласить гостей в собственный дом, но потом передумал: он ютился в двух крошечных комнатах и обходился без прислуги — в собачьей будке обстановка уютней, чем в его холостяцком жилище.

А постоялый двор, несмотря на то, что стоял на самой границе цивилизованного мира, содержался в порядке и чистоте, как, впрочем, и все в хозяйстве Валлана, кроме собственного его жилища.

Нехитрая, но сытная еда, соломенный тюфяк и крыша над головой — что еще нужно простому солдату?

Дианоре, в ее близком к обморочному состоянии, было все равно, куда падать. Клодию — и

подавно: ему не дали выспаться в Велитриуме, поэтому он, даже ужина не дождавшись, отправился в свою комнату и приказал не беспокоить его, даже если пикты пойдут приступом на Тускулан.

Валлан же, устроив обоих, сразу же послал узнать, находится ли в форте человек, который нужен Дианоре.

Проснувшись на следующее утро, девушка не сразу поняла, где находится. Некоторое время она неподвижно лежала, бессмысленно глядя в низкий дощатый потолок, потом, вспомнив все, резко села в кровати.

Мышцы тотчас заявили решительный протест. Дианора даже зашипела от боли, словно рассерженная кошка, но тут же, разозлившись на себя, встала на ноги.

Как истинная дочь аквилонского дворянина, она всегда была о себе высокого мнения, и не могла примириться с телесной немощью. Подумаешь, мышцы ноют! Она знает средство, которое заставит их замолчать.

Девушка спала одетой, лишь кто-то — уж не Валлан ли? — стащил с нее сапоги и перевязь с мечом. Вечером Дианора была неспособна даже на это, и при воспоминании о вчерашнем дне на бледные щеки аквилонки набежал легкий румянец стыда.

Недолго думая, она сбросила с себя всю одежду и схватила лежащий на столе меч.

С легким шелестом клинок покинул ножны, и обнаженная сталь блеснула в солнечном луче,

пробившимся сквозь неплотно закрытые ставни. Хищно изогнутый клинок описал дугу, на короткий миг замер в крайнем верхнем положении, а потом бешено заметался в полутемной комнате, заставляя стонать рассекаемый им воздух.

Туранский меч, казалось, жил своей собственной жизнью: рука и тело следовали за ним, повинуюсь любой его прихоти. Дианора, стараясь не обращать внимания на тупую боль в мышцах, и стиснув зубы, яростно делала выпады и повороты.

Ее боевые приемы были стремительны и четки, дыхание оставалось ровным и глубоким, движения ног — безупречны. Она была настоящим мастером меча, знала об этом и гордилась своим искусством.

Потратив достаточно времени на упражнения, Дианора почувствовала себя родившейся заново. Она опустила меч и, подойдя к двери, пинком распахнула ее настежь.

— Эй, кто-нибудь!.. Воды!

Пробежавший по коридору мальчишка-слуга в замызганной тунике, увидев стоящую в дверях голую женщину с мечом в руке, застыл на месте, разинув от удивления рот.

— У тебя что, ноги приросли к полу? Воды для умывания — быстро! — беззлобно прикрикнула она и, звонко рассмеялась, глядя, как тот улепетывает по коридору.

Дианора захлопнула дверь, бережно вернула меч в ножны. Подойдя к окну, распахнула протестующе заскрипевшие ставни.

Солнечный свет хлынул в комнату и девушка, закинув руки за голову, зажмурила глаза и замерла на несколько мгновений, с удовольствием отдаваясь живому ласковому теплу.

То, что ее могут увидеть с улицы, несколько не смущало аквилонку, равно как и мальчишка-слуга, чуть не упавший в обморок, столкнувшись с ней на пороге,— надменность часто заменяла ей стыд.

Валлан — тут дело другое, в нем она чувствовала равного себе,— единственный во всем этом захолустье человек ее круга.

Вскоре появилась и вода, но принесла ее женщина почтенных лет, а не мальчишка.

— Комендант форта уже пришел? — спросила Дианора, подходя к лохани.

— Нет, госпожа,— ответила женщина, глупо хлопая на нее большими, как у коровы, глазами.

— Когда явится, пусть подождет... Ступай, я справлюсь сама.

Вскоре Дианора, бодрая и посвежевшая, спустилась в общую залу. Здесь было тихо и почти безлюдно, если не считать двух человек, сидевших напротив друг друга за отдельным столом, на котором громоздилась целая гора всевозможной снеди.

Одного из них, сидевшего к ней лицом, Дианора сразу узнала.

— Клодий!

Чародей вскинул взгляд и, увидев ее, стал торопливо подниматься навстречу. При этом он был так неловок, что толкнул столешницу и

опрокинул кувшин, содержимое которого обильно оросило тунику и штаны его собеседника. В ответ тот выдал такую тираду замысловатых ругательств, что пораженная Дианора так и застыла на месте, беспомощно хлопая ресницами. Человек, впрочем, высказался совершенно беззлобно: судя по тону, он просто посетовал на жизнь и даже пожалел растерявшегося мага — большой уже, а такой увалень!

Облегчив свою душу, он повернулся к Дианоре — жалобно скрипнула лавка — и на девушку с любопытством уставились голубые глаза, сапфирами сверкавшие на смуглом, иссеченном шрамами лице.

— Садись, красотка, поговорим. Валлан вчера рассказал мне суть дела, но я хотел бы обсудить с тобой некоторые детали,— дружелюбно пригласил он.

Оторопев, Дианора смотрела на сидевшего перед ней исполина.

Это был настоящий великан: даже сидя он смотрел на нее сверху вниз. На вид ему было лет сорок или около того. Широкие плечи, могучая грудь и обнаженные руки, в переплетении канатов литых мышц, свидетельствовали о его потрясающей силе.

Лицо гладко выбрито, одежда — обычная для жителей Пограничья: туника без рукавов из грубой холстины, перехваченная в поясе широким ремнем, кожаные штаны и высокие сапоги со шнуровкой. За пояс был заткнут недлинный кинжал с рукоятью из оленьего рога. Двуручный

меч в потертых ножнах лежал на лавке рядом с гигантом.

Даже в кошмарном сне Дианоре не могло присниться, что какой-то простолудин посмеет обозвать ее «красоткой». Так обращалась грубая солдатня к грязным уличным девкам. Необходимо немедленно поставить на место этого неотесанного мужлана, но девушке вдруг вспомнились слова Валлана, сказанные накануне об этих следопытах, или как он их там называл. Досадуя за вынужденную сдержанность, она ограничилась кратким ответом:

— Я — дочь первого советника короля Аквилоний.

Сказано это было тоном, от которого любой из ее многочисленных поклонников тут же бросился бы на меч. Этот тон не оставлял надежды не то что на дружеское участие, а даже на самое пустяшное снисхождение. А если слова подкреплялись еще испепеляющей молнией из горящих гневом зеленых глаз...

Но этот грубиян, даже не подумавший встать при появлении первой красавицы Тарантии, лишь приветливо кивнул ей в ответ.

— А я — Конан. Здесь меня называют киммерийцем, я родился в этой стране. Садись же... госпожа.

Едва заметная пауза и ирония, мелькнувшая в глазах гиганта, заставили Дианору призадуматься.

«Этот Конан не такой уж чурбан, как кажется сперва. Варвар-киммериец?.. Но вовсе не глуп.

Я не позволю никому, смеется надо мной. Этого я ему не прощу, он еще пожалеет... Но сначала о деле»

Закусив губу, девушка присела на край замызанного стула.

На мгновение между ними повисло молчание: она не знала, с чего начать и проклинала Валлана, который так и не соизволил появиться.

Киммериец же откровенно любовался ее красотой. Дианора это даже не сразу поняла, а когда поняла, то запылала вся до самых кончиков волос.

«Да как он смеет!..»

Но ее гнев смешался странным образом с непонятым ей самой и неведомым до сей поры удовольствием: никто из ее воздыхателей, даже Клавдий, не смотрел на нее так, с такой поистине плотоядной жадностью. Это придало ей уверенности, и уязвленная аквилонка позлорадствовала в душе.

«Смотри, смотри, одними глазами сыт не будешь...»

Почувствовав себя немного отомщенной, Дианора, заговорила:

— А где же комендант? Я надеялась, что он будет присутствовать при нашей встрече.

— У Валлана куча дел,— махнул рукой Конан.— Ночью умчался на юг. Там пикты напали на какую-то ферму, гонец чудом добрался до форта, и комендант повел на выручку полторы сотни лучников. Если они успеют, то пиктам не поздоровится: этим размазанным куклам не

устоять в открытом бою. Боссонцы — народ крепкий и дерутся отважно. Я бы сам с удовольствием отправился с ними, но Валлан попросил меня встретиться с вами. Так что, рассказывайте.

И Дианора вдруг неожиданно для себя самой, выложила все на чистоту:

— Человек, которого я люблю, находится в плену у пиктов. Помоги мне, Конан. За спасение Клавдия я ничего не пожалею.

Выплеснула всю накопившуюся боль, чуть не зарывав на глазах у этого варвара, как последняя простолюдинка. Но именно это и сыграло свою положительную роль.

Киммериец наморщил лоб и сочувственно вздохнул.

Простые слова, идущие из глубины сердца девушки, тронули гиганта-варвара.

Женщина умоляла его о помощи, и неважно, кто она. Конан не мог не откликнуться на ее зов, вырвавшийся из исстрадавшейся души: это бышло вразрез с его варварским кодексом чести, которому он ни разу не изменил за всю жизнь. К тому же дело сулило немалую прибыль...

— Ладно,— согласился киммериец.— Но кое-что я хочу прояснить. Я помню, как пропал этот Клавдий, сам был на месте резни, но по следу не ходил: Валлан послал меня с другим поручением. Несомненно одно: двоих аквилонцев пикты утащили за Черную Реку. Один из них был королевский посланец, этот ваш Клавдий, второго я не знал...

— Ты встречался с Клавдием? — перебила его Дианора, чувствуя, как сжалось в груди ее сердце.

Конан с сомнением покачал головой и пояснил:

— Видел мельком. Ему было не до меня, да и я к нему дел не имел. Но, суть не в этом. Я слышал о двух или трех случаях, когда попавшие в плен к пиктам люди сумели бежать. Им везло, очень сильно везло, понимаете? Но даже если удача будет вести вас за руку, для побега этого недостаточно. Те парни были родом из Конаджохары, не новички в лесу, а Клавдий — изнеженный городской житель как большинство аквилонцев, он и леса то отродясь не видел, а о пиктах вообще представления не имел. Так что убежать и скрываться в чащобах он не мог. Еще менее вероятно, что пикты до сих пор его не убили.

— Все так говорят. Тем не менее, он жив,— вступил в беседу Клодий, моргая белесыми глазами.

— Да, я уже слышал эту глупость,— проворчал Конан, исподлобья взглянув на мага.— Прямо говорю: поверить в нее может лишь тот, кто ни разу пикта живого не видел.

— Но, Конан...— с отчаянием запротестовала Дианора.

— Я обещал помочь — и помогу! — резко прервал ее киммериец.— Мы найдем кого-нибудь из клана Змеи и сумеем выжать из него все, что он знает о Клавдии и его спутнике. В любом слу-

чае узнаем правду. И не моя будет вина, если ваши надежды не сбудутся.

— Разумеется,— бессильно согласилась Дианора.— Вознаграждение ты получишь независимо от результата.

Ее вялый голос плохо вязался с подозрительно вспыхнувшими глазами.

— Договорились,— удовлетворенно кивнул Конан.— Выйдем ночью, так что, Клодий, за день ты должен выспаться, чтобы упаси тебя Небо, не зевай, когда ступим в лес... Надо повидать кое-кого из моих друзей,— продолжал киммериец, говоря, как бы сам с собой.— Возьму трех — четырех человек, самых лучших... Да, на такое дело согласиться не каждый из следопытов!

— Конан, а ты сам часто бывал за Черной рекой? — любопытствовал Клодий.

— Я исходил вдоль и поперек всю Конаджохару, но на той стороне бывал всего несколько раз, и далеко не заходил. Другие следопыты знают тот берег еще хуже меня. Если говорить прямо, то почти никто там не хаживал. Но не волнуйся, колдун! Ты, главное, указывай путь, а мы пройдем где угодно и тебя протащим.

— А пикты? — дрожащим голосом спросил Клодий.

— Ах да, пикты. Надо же, я совсем забыл о них. А еще о львах и медведях, змеях и демонах из болот....

— Б-болотных... что?

— Ладно, колдун, успокойся, я не хотел тебя пугать! — засмеялся варвар, довольный собствен-

ной шуткой.— Опасности есть всюду, просто в Конаджохаре их чуточку больше.

Он поднес ко рту кувшин с вином и осушил его одним глотком.

— Пока мы давали работу языку, мой желудок совсем заскучал.— Варвар взял с блюда баранью ногу и впился в нее крепкими зубами.— Давайте, в конце концов, перекусим! Когда еще доведется поесть досыта..

Клодий уныло смотрел на свою тарелку с тушеным мясом, но мысли его были далеки от аппетитно пахнущего блюда.

Дианора, наоборот, вдруг почувствовала, что страшно голодна.

Она попыталась вспомнить, когда ела в последний раз, но не смогла, поэтому охотно последовала примеру Конана.

— А ты, госпожа,— говорил Конан с набитым ртом,— не скучай. Конечно, Тускулан не самое изысканное на земле место, но, по крайней мере, здесь безопасно — стены крепкие, гарнизон многочисленный, Валлан — дельный начальник. Да пикты и не полезут в форт, сейчас они больше грызутся друг с другом, хотя и о нас не забывают. Но мы пока им не по зубам.

— Пока? — переспросил Клодий.

— Пока пикты не объединятся,— пояснил Конан, метко швырнув обглоданную кость в открытое окно.— Если это случится, то не устоит ни Тускулан, ни Велитриум.

Дианора вздрогнула — слова киммерийца показались ей чересчур зловещими.

— Послушай, Конан,— медленно проговорила она.— Мне кажется, ты кое-что не понял.

— Чего я не понял? — удивился киммериец.

— Я не останусь в Тускулане, я иду вместе с вами.

* * *

Солнце с утра только подразнило: после обеда оно, как и вчера, скрылось за низкими облаками, и снова стал накрапывать дождь.

К ночи он прекратился, но плотная облачная пелена скрыла звезды.

Что до луны, то ее никто и не ожидал — была пора новолуния.

В крошечной темноте длинная лодка плавно скользила по Черной Реке, направляясь к недалекому и такому пугающему западному берегу. Опытные гребцы без малейшего всплеска слаженно работали веслами.

Суденышко двигалось не спеша, без рывков, и Дианора сидящая рядом с Клодием, вдруг испытала панический приступ страха: ей, потерявшей в непроглядной темноте и полной тишине всякое представление о времени и расстоянии, показалось, что она падает в какую-то бездонную, черную пропасть, летит, летит и будет лететь вечно...

Хотелось кричать, чтобы прогнать наваждение, и девушке лишь с огромным трудом удалось себя сдержать. Рука Клодия судорожно сжала ее плечо.

— Тише! — скорее угадала, чем услышала она его голос.

И это помогло: волна страха схлынула так же быстро, как накатила. Осталась только дрожь, вызванная то ли возбуждением, то ли сыростью и ночной прохладой, то ли ледяным прикосновением колдуна.

Легкий толчок — и лодка ткнулась носом в берег. Бесшумные, как лесные духи, пять следопытов с Конаном во главе, покинули легкое суденышко; с двумя их спутниками проблем тоже не было — они сидели неподвижно, пока сильные руки не подхватили их и не вынесли на твердую землю.

Лодку столкнули в воду и она, тихо покачиваясь, поплыла по течению. Как еще днем объяснил киммериец — это являлось лучшим выходом: едва минет ночь, челнок будет пиктами обнаружен, что вызовет неминуемую погоню. Вытаскивать лодку на берег и прятать ее — еще хуже: долго, шумно и в темноте надежно не спрячешь.

«А когда будем обратно идти,— сказал Конан, с раздражающей, по мнению Дианоры и Клодия, беспечностью,— тогда и поразмыслим, как переправиться через реку.»

Дианора злилась на себя, что слишком много думает о собственной безопасности. Ведь речь шла о жизни Клавдия!

Клавдия — любимого, дорогого ей человека, ее жениха, ради спасения, которого она не должна, не имеет такого права, думать о предатель-

ских пиктских стрелах и безжалостных звериных клыках.

Тем не менее, она о них думала! И ничего не могла с этим поделать.

Конан рассчитывал пристать к пиктскому берегу в том месте, где начиналась известная ему дорога.

И это варвару удалось. Каким образом, в такой-то темноте — уму непостижимо. Их маленький отряд, соблюдая строжайшую тишину, быстро двинулся вглубь страны пиктов. Конечно, при движении по тропинке возрастал риск попасть в засаду, но их предводитель решил рискнуть. Сейчас главным делом для них было уйти как можно дальше от берега. Извилистая лесная тропа совсем не походила на чистые и широкие улицы Тарантии, но идя через чащу, Клодий и Дианора, подняли бы на ноги всех пиктов в округе.

Им повезло: ни одного дикаря не занесла его темная судьба погулять на лесную тропинку. К исходу ночи отряд прошел не меньше пятнадцати лиг и, когда наступил предрассветный час, следопыты свернули в чащу, уже не слишком опасаясь потревожить сон пиктов треском валежника под ногами.

Несмотря на то, что отряд шел всю ночь, сейчас, свернув с тропы и пробираясь сквозь девственные заросли леса, они не пошли медленнее. Конан торопил.

Громадный киммериец не чувствовал усталости, и то же можно было сказать о его людях,

привыкших к длительным переходам по бездорожью. Иное дело — Дианора и Клодий. Девушка — взмокшая, исцарапанная, растрепанная, лишь гигантским усилием воли заставляла себя представлять непослушные ноги. Не лучше выглядел и Клодий. И без того бледный колдун стал вовсе землисто-серым, а водянистые глаза его напоминали глаза дохлой рыбы.

Наконец, когда сумрак рассеялся, Конан, шедший впереди, остановился и поднял руку.

— Надо отдохнуть и подкрепить силы, — сказал киммериец. — Ну, а колдун, тем временем, пусть воздух нюхает. Дальше ему нас вести.

Клодий, никак не прореагировавший на насмешку, прозвучавшую в словах варвара, кивнул и, отойдя в сторону, присел у корней трехобхватного вяза.

Он бессильно прислонился спиной к стволу и устало прикрыл глаза.

Следопыты и Дианора уселись кружком — кто на корточки, а кто просто на землю. Дианора, с наслаждением переводя дух, с любопытством оглядывала тех, с кем ей придется делить все тяготы и опасности похода.

Накануне Конан не успел представить ей четырех своих спутников, а может и не счел это нужным, сказал только, что эти четверо — его друзья и лучшие следопыты во всей Конаджохаре.

— Вот хлеб, госпожа... — обратился к девушке один из следопытов, и Дианора вздрогнула от неожиданности.

Какое-то совершенно новое, ранее незнакомое чувство вызвало в ней протест и толкнуло ее ответить:

— Меня зовут Дианора,— она не уставала поражаться себе.

Конан насмешливо изогнул дугой бровь. Но аквилонка повторила упрямо:

— Дианора... Не госпожа и никак иначе. Здесь в лесу мы равны,— над поляной повисло молчание, и девушка слегка повысила голос.— Я прошу вас!

— Тише! — примирительно оборвал ее Конан.— Нам все понятно, зачем же шуметь.

Дианора замолчала, не найдя сочувствия ни в ком из следопытов и чувствуя себя среди них абсолютно чужой.

«Чего я собственно ожидала? — с досадой подумала она.— Я для них лишь тугой кошелек! Ради горсти монет они готовы терпеть мое присутствие и причуды, хотя предпочли бы меня здесь не видеть...»

Эта мысль глубоко уязвила честолюбивую аквилонку, и она, замкнувшись в гордом молчании, в течении всей остановки не проронила больше ни слова.

Конана нисколько не смутил ее неприступный вид, скорее он был только рад, что она попусту не открывала рот.

— Не люблю колдунов,— кивнув в сторону Клодия, проворчал киммерец.

Запив сухую корку изрядным глотком вина, Конан продолжил свою мысль:

— Я не про Клодия. Лично против него я ничего не имею. Но всю жизнь я старался держаться подальше от магов. Мне не везло. Слишком часто я сталкивался с чародеями самого разного сорта. К слову сказать, чем ничтожней колдун, тем большего жди от него зла.

Бледное лицо Клодия внезапно побагровело, но этого никто не заметил.

— Да, куда как веселее просто звенеть мечом, не думая, что тебя может поджидать какая-нибудь магическая дрянь,— вздохнув, закончил варвар.— Встречались мне, впрочем, и дельные чародеи... Но и к ним я никогда не питал нежных чувств. Эй, Клодий, иди к нам, поешь, а то того и гляди ноги протянешь!

Колдун не ответил. Он тяжело поднялся на ноги, повернувшись лицом на север, но по-прежнему не открывая глаз.

Медленно разводя руки в стороны, Клодий на несколько мгновений застыл в этой позе, потом всем телом подался вперед, глухо проворчав что-то под нос.

Каждый из людей, сидевших рядом с ним, мог бы поклясться, что человеческое горло не может, просто не в состоянии воспроизвести ни один звук из услышанного. Лицо Клодия изменилось до неузнаваемости.

Резкий порыв ветра заставил застонать качнувшиеся деревья, воздух вокруг чародея таинственно замерцал, сама же фигура мага на краткий миг искажилась, будто преломленная в мутном стекле.

Целый рой мерцающих зеленоватых искр взвился смерчем вокруг него, и неожиданно, будто подхваченный ветром, умчался в лесную глушь, где и исчез, словно растворился между древесных стволов, лишь несколько мгновений еще виднелся, оставленный им, но быстро бледнеющий изумрудный след.

Конан уже стоял рядом с Клодием, держа обнаженный клинок у его горла. Выражение лица варвара не сулило ничего хорошего магу.

Дианора не успела даже заметить, когда Конан сорвался с места и успел выхватить меч из ножен: киммериец, несмотря на гигантский рост, двигался настолько стремительно, что глаз едва мог это уловить.

Первое, что увидел Клодий, выйдя из транса, было острие меча, нацелившееся ему прямо в лицо.

— Э...— бессвязно проблеял он, с ужасом косясь на застывший у горла клинок.

— Колдун,— угрожающе приступил к нему Конан.— Я никогда не поверю, что для простой ворожбы тебе потребовалось устраивать весь этот цирк.

Клодий вдруг успокоился. Он коротко рассмеялся и презрительно пожал плечами.

— Не суди о том, чего не можешь знать, киммериец! — последнее слово в его устах прозвучало как оскорбление.

— Тебе лучше нам все объяснить,— сказал Конан с ледяным напором.— Клянусь Кромом, я кожей почувствовал злую силу, когда ты тут

хрипел в полубреду... Благодарю своих богов, что я не снес тебя голову сразу. Но, возможно, ты еще послужишь гиенам на ужин, если твои объяснения мне не понравятся.

— Конан! — запоздало крикнула Дианора, рванувшись к нему.— Ты сошел с ума!

— Нет! — грозно прорычал киммериец.— Я привык доверять своим чувствам!

Клодий не дрогнул, лишь успокаивающе кивнул Дианоре.

— Я все объясню,— устало сказал он.— Но позволь мне присесть! К тому же я ужасно проголодался...

Поколебавшись, Конан опустил меч. Но его голубые глаза внимательно следили за каждым движением чародея: если что, то широкий клинок вопьется в череп мага быстрее, чем тот успеет пальцами щелкнуть. Следопыты молча стояли вокруг. Лица их были угрюмы, руки сжимали рукоятки мечей и кинжалов. Видно было, что происшедшее им понравилось не больше, чем их вожаку.

Кипя от гнева, Дианора встала перед киммерийцем. Ей пришлось высоко вскинуть голову, чтобы встретиться с его взглядом.

— Что ты себе позволяешь, варвар?! — звенящим голосом выкрикнула она.— Клодий — мой давний друг, а ты...

— Вот что, красотка,— огромная ручища варвара опустилась на хрупкое плечо девушки и Дианора покачнулась, будто на нее обрушилась снежная лавина.— Ты знаешь, я не хотел брать

тебя с собой. Ох, как не хотел! Ты все-таки уговорила меня — сам себе удивляюсь, но ты заставила меня совершить поступок, о котором я уже сожалею и буду долго еще жалеть. Тем не менее, я позволил тебе идти вместе с нами. Но помнишь ли ты, на каком условии? Или твоей благородной натуре противно о том вспоминать? Я все-таки напому: в лесу мое слово — закон! Здесь распоряжаюсь только я — и никто больше! За свои ошибки я отвечу перед Кромом. Если тебя это не устраивает, то мы немедленно возвращаемся за Черную Реку.

Дианора, кусая губы, потупила взор. Конан и не ждал от нее ответа.

— Говори и не смей лгать! — строго приказал он колдуну.

Клодий не спеша дожевдал и проглотил свой кусок.

Чародей выглядел абсолютно спокойным и уверенным в себе. Губы его кривила презрительная усмешка.

Но Дианора, хорошо знавшая колдуна, который много лет прожил в доме ее отца в Тарантии, уловила странный блеск его глаз, яснее слов подсказавший ей, что маг необычайно взволнован.

— Все очень просто, — заговорил, наконец, Клодий, — следует признаться — как это не больно для моего самолюбия — что чародей я неважный. Увы! Я могу сказать, жив или нет человек, имея какую-нибудь его вещь. К примеру, вот эту фибулу, которой несчастный Клавдий застегивал

плащ, — Клодий извлек из кармана серебряную застежку очень тонкой работы и показал следопытам. — Могу указать место, где он находится. Но каждый раз это всегда занимает много времени и отнимает у меня уйму сил, да к тому же небезопасно. Я слышал, у пиктов тоже есть колдуны, и они могут почувствовать присутствие чужака в лесу.

— Ну и что с того? — спросил кто-то из следопытов.

— А то, что это расскажет им, что некий пришелец творит волшебство у них под носом. Как вы думаете, не пошлют ли они своих воинов, проверить, сколь крепко держится у этого непрошеного гостя голова на плечах?

Гробовое молчание было ему ответом.

— Поэтому я поступил проще и надежнее. Своим заклинанием я, как бы проложил дорогу от этой поляны до места, где томится Клавдий. Теперь по ней я могу вас вести хоть с завязанными глазами, ночью ли днем, в любую погоду, ни прибегая больше к колдовству.

— Но сейчас-то ты колдовал! — вскричал другой следопыт. — А мы находимся всего в четырех лигах от Гвовели!

— Точно, — мрачно подтвердил Конан. — А в этой деревне сидит один полоумный, но очень мерзкий шаман по имени Зогар Заг. И если он сейчас не спит, то наверняка уж почувствовал твою ворожбу. Мы уходим. И как можно быстрее! Придется тебе теперь поработать ногами, колдун!

* * *

«... Пробуждение ото сна было резким, как удар. Оно даже причинило мне боль. Я понял, что настал тот момент, ради которого я, собственно, существую. Кто-то ступил на Тропу. И мне безразлично, кем был этот «кто-то». Сотни веков назад мне приказали: «Стереги! Никто не должен пройти Тропой...»

С тех пор я просыпался лишь несколько раз и пускался в погоню за дерзким, осмелившимся нарушить Запрет — неважно, по глупости или незнанию. Это мой долг. Пришла пора исполнить его снова.»

* * *

«Опять месить грязь, перепрыгивать с кочки на кочку, продираться через колючий кустарник! А москиты! И роса еще не сошла, вон штаны — даром, что из кожи, промокли почти насквозь, отяжелели и трут, проклятые! Да укрепит Иштар мой дух!»

Дианоре было себя очень жалко. Иногда ей казалось, что их поход был задуман и осуществлен не ей, а какой-то взбалмошной истеричкой, начитавшейся героических саг. Что она делает здесь?! Куда идет?! Отец, наверное, с ума сходит от беспокойства...

А Клавдий? Конечно, он милый юноша, все их считали блестящей парой... хотя обещаний она ему не давала, но всем давно было ясно, что

прочие претенденты на ее руку и сердце могут оставить свои притязания.

«Да, как я смею думать так, цинично и подло?!

Нет, я люблю его... поэтому и иду!»

Жалость тут же сменялась злостью на себя, которой, правда, надолго ее не хватало — лишь до очередной коряги, за которую она обязательно цеплялась ногами, или до следующего болота, откуда ее будут вытаскивать, прячущие усмешки следопыты.

Чтобы отвлечься, девушка принялась размышлять о своих спутниках. Четыре следопыта — под началом киммерийца и Клодий, — маг и друг, безнадежно в нее влюбленный, поверенный ее тайн, подаривший ей надежду на спасение Клавдия.

Тихо выругавшись, Дианора прихлопнула укусившего ее за шею москита и окончательно вышла из себя.

«Ну нет, так легко я не сдамся! Если уж я была такой дурой, что решила бежать в эту глушь, то сейчас нужно помнить хотя бы о чести.»

Она снова сосредоточилась на следопытах. Конан так и не представил ей своих спутников, но в мимолетных разговорах их имена и прозвища звучали не раз.

Отвлечшись от тяжелых мыслей, девушка старалась представить себе и характеры этих неразговорчивых, хмурых людей. Это занятие так ее увлекло, что помогло сломить усталость и

более терпимо отнестись к звенящим полчищам назойливых moskitov.

Конан шел впереди, легко неся свое огромное, могучее тело, защищенное черной зингарской кольчугой.

Исполинского роста, он казался еще выше и внушительней из-за рогатого шлема, плотно облегающего его голову. В каждом движении киммерийца чувствовалась тигриная ловкость и неудержимая мощь, способная преодолеть любую преграду... По крайней мере, Дианоре хотелось так думать.

Следом за варваром, с самострелом наготове, шел следопыт по имени Хендрик Большая Лапа. Почти такой же высокий, как Конан, он был не так мускулист, как северянин, но жилист, по мнению Дианоры, до безобразия: девушке никогда ранее не доводилось встречать человека, чье тело напоминало сплетенные в жгут древесные корни.

Непомерные, просто чудовищные кисти рук нежно, будто младенца, обнимали гладкое ложе тяжелого арбалета.

Даже ничего не зная об этом человеке, можно было уверенно утверждать, что он — превосходный стрелок — ведь только люди, влюбленные в свое оружие, сроднившиеся с ним, могут относиться к нему так трепетно.

За Хендриком шел Клодий, за ним — сама Дианора.

Следом за девушкой, почти дыша ей в затылок, но так, что она даже не слышала шума его

шагов, следовал Солиус Обоерукий — невысокий крепыш с двумя мечами, которые он носил за спиной.

Колонну замыкал Сервах — не аквилонец, как можно было судить и по имени и по внешности следопыта: худой, горбоносый, чернобородый, с жгучими карими глазами — то ли шемит, то ли туранец, неизвестно каким ветром занесенный так далеко от родных степей. Вооруженный острым кривым мечом, таким же, как у Дианоры, он шел на некотором расстоянии от основной группы.

Пятого следопыта, по прозвищу Кот, Конан послал вперед отряда. Маленький и юркий разведчик, как никто другой подходил для головного дозора.

Эти люди, такие разные с виду, тем не менее, были как братья. Тяжелая жизнь полная опасностей и приключений, наложила на них свой неизгладимый след.

Это были суровые и беспощадные бойцы, настоящие волки, собравшиеся в стаю. Бесконечная война с пиктами стала их ремеслом, больше чем ремеслом, она стала их жизнью.

Дианора знала от Конана, что четверо его спутников, даже среди следопытов пользовались заслуженной славой непревзойденных воинов. И был только один человек, власть которого они признавали. Власть, данную ему не королем, а завоеванную им самим без громких титулов, без золота и лжи.

Этим человеком, был Конан.

* * *

«... Я скользнул сквозь миры, неспешно приближаясь к месту, откуда поступал тревожный сигнал. Я не спешил, просто знал, что времени у меня предостаточно.

Было даже немного жаль, что идти так недалеко...

Иногда любопытно оглянуться по сторонам, и увидеть диковинные земли, лежащие на пути.

Когда-то, давным-давно я любил путешествовать. Жажда новых ощущений казалась неугасимой, но... в конце концов, я везде встречал лишь одно и то же.

Боги и демоны одинаковы всюду, а их создания только и заняты тем, что с упоением рвут друг другу глотки, правда справедливости ради надо сказать, что в последнее время они стали изобретательнее. Но прошли тысячелетия, прежде чем я это понял.

По воле тех, кто сделал меня Охотником, Гончим Псом, я выполняю свою работу. Если добыча ускользнет, то случится непоправимое — это еще одна причина, по которой я не могу, просто, не имею права не убивать.

Сейчас я скользил рядом с миром, где предстояло охотиться. Этот мир был знаком мне, я бывал тут и раньше и находил его не лишенным приятности. Кто же те, что посмели ступить за черту? Люди? Ну конечно же, кто же еще!

Я видел их, пробирающихся через древний лес, с которым у меня тоже были связаны вос-

поминания. Надо же — прошла тьма веков, а лес все стоит, хотя и поредел и отступил пред человеком...

Шесть мужчин и женщина — семеро. Один из них знает Силу... Странно, неужели кто-то из смертных научился вызывать ее из Запредельного? Невозможно!

Я потянулся всеми своими чувствами к источнику этой Силы и чуть не закричал от неожиданной боли, ударившей меня изнутри. Тут же мне все стало ясно.

Человек, действительно, являлся носителем частицы Запредельного, небольшого осколка в виде камня, который он носил на груди.

Носил, совершенно не подозревая о его истинной ценности, не ведая всей мощи своего талисмана.

Как у него оказался осколок? Я этого не знал, но не сомневался, что узнаю о нем все, и очень скоро узнаю.

Охота началась!

Я пересек незримую границу и очутился на лесной тропе, где еще не успела подняться примятая людьми трава.»

* * *

Первый день похода заканчивался. Надо признать, что он прошел удачно — несмотря на то, что правый берег Черной Реки был довольно густо заселен пиктами, они не встретили ни одного дикаря.

Погони по их следу тоже не было: отлично зная пиктские повадки, Конан не сомневался, что если бы за ними гнались, то весь бы лес уже гудел от истошного воя воинов.

Другими словами, если кто и напал на их след, то они значительно опередили преследователей.

Но лицо Конана по-прежнему оставалось хмурым, как серое небо над их головами. День так и не разродился дождем, но низкая свинцовая облачность обещала им ненастную ночь. Причиной скверного настроения варвара был злополучный Клодий.

Киммериец не доверял чародеям вообще, и сейчас, выслушав ничего не значащие для него объяснения мага, в душе северянина осталось сомнение.

Отряд упорно двигался на северо-запад, следуя указаниям Клодия.

Колдун сказал, что в этом направлении им предстоит идти еще долго, возможно весь следующий день.

Все устали, Дианора еле держалась на ногах и шаталась, как трава на ветру. Конан уже подумывал о привале, когда издалека донесся тревожный крик сойки. Киммериец застыл, словно вкопанный, и предостерегающе поднял вверх руку.

Повинуясь сигналу, замерли остальные. Следопыты, настороженно, держа оружие наготове, Дианора и Клодий с тупой покорностью — просто радуясь неожиданной передышке.

Угасающий день казался тих и безмятежен. Спокойствием веяло от могучих деревьев, помнящих, наверное, еще битвы пиктов с атлантами. Глубоким сном спали обомшелые гранитные валуны, над которыми даже время не властно. Пахло прелой листвой. Где-то неподалеку журчал ручей. Издалека прилетел протяжный рык ночного хищника.

— Подождем,— обронил Конан, присаживаясь на камень.

Обнаженный меч он положил на колени.

— Что случилось? — едва переведя дух, спросила Дианора.

— Кот обнаружил пиктов,— нехотя ответил Конан.

Его глаза настороженно обшаривали густые заросли кустарника впереди. Дианора поежилась, очень живо представив себе, что оттуда, с расстояния всего в несколько пар шагов в любой миг может выскочить целая толпа дикарей. Она решительно вынула из ножен саблю, встав за спиной киммерийца.

— Но поблизости пиктов нет, я уверен,— протестующе воскликнул Клодий.— Иначе бы я это чувствовал...

— И я,— медленно кивнул Конан.— А вот Кот их почуял, и пока он там не решит, что опасности для нас нет, мы будем тихо сидеть здесь и ждать.

— Почему ты считаешь, что тревога из-за пиктов? — недоверчиво спросила девушка.— Может...

— Не может,— грубо прервал ее Конан.— Если он крикнул сойкой, значит — пикты.

— А если кричала действительно сойка?

Конан только пожал плечами и не удостоил ее ответом.

Сервах широко улыбнулся, сверкнув белыми, как снег на вершинах гор, зубами.

— Не беспокойтесь, госпожа: ни один пикт не отличит голоса настоящей птицы от крика Кота. Он может легко обмануть дикарей, но не нас. Здесь ошибиться невозможно!

Несмотря на это любезное объяснение, Дианора обиженно насупилась.

— Я просила не называть меня госпожой,— недовольно буркнула она.

Сервах развел руками и галантно поклонился.

— Помолчите-ка оба,— строго приказал Конан.

Долгое время они провели в напряженном ожидании. Наконец появился Кот — неожиданно и без малейшего шума выступив из-за ствола дерева, будто призрак.

— Два десятка,— коротко бросил он, предвзительно сплунув.— Стоят себе лагерем, кабана потрошат. Пара часовых... Все в боевой раскраске.

— Какой клан? — поинтересовался Хендрик.

— Рыси.

— Решили пощипать Зогар Зага,— ослабилась Большая Лапа.— Пусть! Жаль, самого представления не увидим.

— Могу я спросить?..— подал голос Клодий, но на него не обратили внимания.

— Все не так просто,— продолжал Кот.— Надо ждать темноты, иначе мимо них не проскользнуть.

— Почему? — спросила заволновавшаяся Дианора; каждый лишний миг, проведенный в этом ненавистном ей лесу, казался девушке вечностью.

— С одной стороны — озеро. Если будем его обходить, то как раз к первому снегу и попадем, куда нам нужно, с другой — место открытое, чуть ли не в лигу шириной, там лес недавно горел. Другого пути нет... ну, или крюк придется делать.

— Что ж, тут не из чего выбирать,— проворчал Конан.— Или...

Киммериец, не договорив, обвел испытующим взглядом своих товарищей. Солиус Обоерукий хмыкнул явно утвердительно. Хендрик любовно погладил ложе самострела.

— Конан, их всего два десятка,— широко улыбнулся Сервах.

— Но, с другой стороны...— северянин пристально взглянул на спавшую с лица аквилонку.

— А мы их быстро! — горячо молвил Кот.— Я все разведал... Никто не уйдет.

— Вы хотите на них напасть? — с ужасом выдохнула Дианора, почувствовав, как кровь отхлынула у нее от лица.

— Похоже, что у нас просто нет выхода,— насмешливо ответил Конан.— Идти в обход дол-

го, и к тому же никто не поручится, что пикты не обнаружат наш след. А тогда, клянусь Кромом, они забудут о Зогар Заге и бросятся бегом за нами.

Клодий кашлянул:

— Если мои скромные знания окажутся полезными. Я могу напустить туман или сделать кого-нибудь из нас невидимым...

— Тогда стань невидимым сам и ее заведи с собой,— вполне серьезно посоветовал Конан, решительно поднимаясь.— И не впутывайтесь ни во что, предоставьте все нам.

— Я с вами, Конан,— внутренне холодея, попросила его Дианора.

Все-таки в присутствии варвара и следопытов она чувствовала себя увереннее, чем под сомнительной опекой мага.

Киммериец хотел было возразить, но заглянув в ее умоляющие глаза, безнадежно махнул рукой.

Обоерукий проворчал что-то неразборчивое, и явно неодобрительное, но спорить с вожаком не стал. Кот же, наоборот, усмехнулся довольный и заговорщически подмигнул девушке.

— Дианора...— предостерегающе заговорил Клодий, уязвленный ее поведением.

— Не уговаривай меня,— обрезала она,— зря время потратишь.

— Я видел женщин, которые владели клинком лучше многих мужчин,— поддержал ее Конан.— Надеюсь, что меч ты носишь не только для красоты. И хватит разговоров! Пошли, Сервах! — киммериец незаметно кивнул черноборо-

дому следопыту, поручив ему присматривать за аквилонкой.

Тот улыбнулся в ответ. Дианора все поняла, но промолчала — на этот раз благоразумие одержало в ней вверх над гордыней.

Первого пикта убил Хендрик. Тяжелый арбалетный болт расколол голову дикаря, как спелую тыкву, пригвоздив тело к стволу лиственницы. Второй, обернувшись на глухой стук удара, даже не успел удивиться, если вообще смог что-либо разглядеть за тот последний миг, отмеренной ему жизни: нож Кота вошел точно под левую лопатку и воин умер мгновенно.

Лагерь дикарей располагался на единственном зеленом островке, чудом уцелевшем после недавнего лесного пожара.

Здесь, на самом берегу огромного озера горел большой костер, вокруг которого расположились смуглые обнаженные воины, разрисованные с ног до головы. Целиком полагаясь на бдительность сторожей, пикты и не думали смотреть по сторонам, поглощенные зажаренной тушей дикой свиньи.

Конан презрительно усмехнулся: эта беспечность им дорого обойдется.

Киммериец легко поднялся, и перепрыгнув через поваленный ствол, устремился вперед.

Ближайший пикт успел вскочить и замахнуться на него топором.

Конан хлестнул с плеча, сверху вниз и, даже не посмотрев на медленно оседавшее на землю тело, в длинном выпаде пронзил второго врага.

Рядом с киммерийцем, лишь немного отстав, шел Солиус. Именно шел — не прыгал, не делал головокружительных пируэтов, а просто широко шагал с сосредоточенным, даже задумчивым лицом косаря. Воздух вокруг Обоерукого стонал, рассекаемый двумя мечами.

Иногда рука Солиуса стремительно вытягивалась вперед или резко опускалась, и тогда на истоптанную траву падал сраженный враг.

Хендрик Большая Лапа и Кот вступили в схватку чуть позже: когда все внимание пиктов было поглощено Конаном и Обоеруким, оба следопыта внезапно появились из зарослей, а мгновением позже Дианора и Сервах ударили дикарям в спину.

Невысокий мускулистый варвар бросился к девушке, потрясая медным топором. Дианора четко, как на тренировке, отвела удар и, не успев ни о чем подумать, выбросила вперед руку.

Острый, как бритва, туранский клинок легко вошел между ребер воина, почти до самой рукояти.

Горячая кровь хлынула на руки девушки, и несколько капель попало ей на лицо.

Все получалось так просто... Дианора застыла посреди схватки, недоуменно глядя на вздрагивающее тело у своих ног.

Сильный толчок привел ее в чувства и, наверное, спас ей жизнь: качнувшись, она избежала удара шишковатой дубины. Пронзительно свистнула сабля Сервахы и голова пикта, описав дугу, с плеском упала в озеро.

Еще миг назад по всей поляне кипела яростная схватка — и вдруг все кончилось.

Прогалина была завалена поверженными телами пиктов, кое-кто еще корчился в предсмертной агонии.

Быстрый удар милосердного клинка избавлял раненых от страданий, а следопытов от риска, что случайно выживший пикт сможет помешать их планам.

К Конану, спокойно вытиравшему меч, вразвалочку приблизился Кот. На лице — довольная гримаса, глаза блестят, как у волка, еще не утолившего жажду крови.

— Ни один не ушел, — сплевывая, сказал он, — как я и говорил. Что будем делать? Так их бросим?

— Нет. Трупы — в озеро. Стервятники могут привлечь кого-нибудь из охотников, проходящих поблизости. Ты знаешь, что делать...

Кот сплюнул еще раз и направился к берегу.

Дианора вдруг почувствовала, как ее желудок сводит судорогой и на заплетающихся непослушных ногах она бросилась к ближайшим кустам, где наткнулась на Клодия, стоящего в нелепой позе на четвереньках. На миг колдун и девушка встретились взглядами и поспешно отвернулись друг от друга.

* * *

«На Путь пролилась кровь, много крови. Это могло не иметь значения, а могло значить мно-

гое. Я не слишком задумывался над этим: всему свой черед.

Схватку я наблюдал с интересом, надеясь увидеть что-то новое для себя — охотник должен знать, на какую дичь он охотится.

Что ж, они мне понравились, по крайней мере, пятеро из них. Теперь ясно, что выйти одному против всех было бы слишком самонадеянно. А ведь была такая мысль — доставить себе удовольствие»

* * *

Ночь прошла спокойно. Дианора, несмотря на вчерашние переживания, спала крепким младенческим сном и проснулась последней.

Едва она приподнялась, озираясь вокруг еще сонными глазами, как ей вручили огромный кусок холодной свинины, хлебную лепешку и флагу с вином, от кислого запаха которого ей снова сделалось дурно.

— Ешь быстрее, — буркнул Конан. — Давно пора уходить отсюда.

Киммериец стоял, выпрямившись во весь свой гигантский рост, и оглядывал безмятежную гладь неподвижного озера.

Внешне он был спокоен, но рука, сжимающая рукоять кинжала, выдавала его внутреннее напряжение, впрочем, не замеченное его товарищами.

— Доброе утро, — приветствовал Дианору Сервах.

Девушка подумала, что улыбка шемита — или кем он там был — скоро будет сниться ей по ночам, и эта мысль была ей приятна.

— Послушай, Конан, ты видел, что она выделяла там, на поляне? О, боги, на это стоило посмотреть! Как она срезала пикта одним ударом!

Слова Сервах взмутили в душе Дианоры еще бурливший там неприятный осадок.

Сомнительный комплимент следопыта — хотя Эрлик его знает, может на востоке такое и принято — вызвал на бледном и осунувшемся лице аквилонки пунцовую краску стыда: если бы не меткий удар Сервах, сейчас бы она тут не сидела!

Ко всему этому примешивалась непонятная досада на киммерийца, который пропустил слова шемита мимо ушей, и даже спиной к ним повернулся, продолжая всматриваться, прислушиваться и даже, как показалось Дианоре, приняхиваться к чему-то.

Солиус Обоерукий, правя на камне один из своих клинков, промышчал нечто похожее на одобрение, а Хендрик Большая Лапа обронил со значением:

— Всегда отрадно, когда можешь рассчитывать на добрый меч спутника.

Из зарослей вынырнул Кот, весь мокрый от росы и какой-то взъерошенный. Его подвижное лицо на сей раз выглядело озабоченным... Взглянув на разведчика, Конан шагнул ему навстречу, заслонив своей могучей фигурой от глаз ос-

тальных. Двух слов, брошенных ему следопытом, хватило, чтобы он принял решение:

— Выходим, быстро! — приказал он, не оборачиваясь. — Сервах, иди вперед, Хендрик — следом! — и снова заговорил с Котом, устремив на маленького аквилонца пристальный взгляд своих льдисто-голубых глаз.

— Ходят за нами, Конан, — морщась, промолвил Кот. — Словно овец пасут.

— Думаешь, я не почувствовал?.. Заметил что-нибудь?

— Никого и ничего, — чуть ли не с отчаяньем воскликнул разведчик. — Я ведь вокруг все облазил! Дважды сам на свой след выходил и ничего! Но, клянусь Митрой, ночью был кто-то рядом. Носом чую, чужой близко, но он не по земле ходит, а летает, наверно, — роса не сбита, трава не примята, словно дух какой...

— Он и сейчас где-то здесь, — мрачно заметил Конан. — Или они... Впрочем, вряд ли их много, иначе б напали...

— Если ты о пиктах, то успокойся, — Кот нервно усмехнулся. — Дикарей и на десять лиг нет вокруг.

— Тогда кто же это? — Конану, давно знавшему следопыта, совсем не понравилась ухмылка Кота.

— Не знаю! Мало ли в этих местах такого, с чем человеку лучше не встречаться! Ты это не хуже меня знаешь, — в словах разведчика сквозили нотки плохо скрываемой паники.

— Болотный демон?

— Возможно, хотя вряд ли бы эта тварь вылезла при дневном свете.

— Ладно, пошли догонять, — хмуро бросил Конан. — Нужно вместе держаться.

* * *

«Разговор двух людей немало меня позабавил. Ищите, ищите... Однако же и чутье у них! Меня, в моем нынешнем облике, не возможно ни видеть ни слышать, тем не менее они меня чували. Непонятно... Впрочем неважно: это их все равно не спасет.

Я уже почувствовал, как дрогнула ось, пока только чуть-чуть, но мне это послужило сигналом.

Воплотиться в человека я мог мгновенно, особенно если не нужно «лепить» себе тело, которое сам и выдумал.

Сегодня мне не хотелось быть скульптором, поэтому я превратился в юношу, чей образ подсмотрел ночью в снах девушки. Меня звали Клавдий... Красивый образец, а главное с сильным выносливым телом. Ладно, добавим чуть больше мышц... расширим грудь, усилим ноги... Вот так, прекрасно.

Мой Клавдий выглядел даже лучше, чем оригинал.

Теперь я был почти человеком и мог оставлять следы на земле — на радость смертным.

Мое совершенное тело привело бы в восторг даже самого взыскательного художника. Я был

уверен, что мне хватит силы, помериться с любым из пришельцев, ступивших на Запретную тропу. А что до мастерства владеть клинком... я только усмехнулся про себя.

Однако какой меч мне выбрать? Прямой... изогнутый, длинный или короткий?

Любым оружием я владел виртуозно, но как у всякого искусного бойца, у меня были свои симпатии. Поэтому я взял легкий слегка изогнутый двуручный клинок с овальной небольшой гардой — на мой взгляд оружие идеальное, правда, вряд ли известное в этом мире... пока неизвестное.

Краешком сознания я ощутил, как успокоились весы. Я, владеющий такой мощью, что мог шутя уничтожить все живое на сотни лиг вокруг лишь незначительным усилием воли, теперь превратился в человека, правда, не совсем обычного, но с возможностями не слишком выдающимися для этого мира. Равновесие не будет нарушено.

Азарт охоты жег меня. Бегите смертные, я ступил на тропу!»

* * *

Конан послал вперед Кота, чтобы он, как и накануне, шел во главе отряда. Маленький следопыт мог успешно состязаться в своем ремесле с самим киммерийцем, варвар это отлично знал и высоко ценил его таланты. Сервах, несмотря на многочисленные достоинства, все-таки усту-

пал Коту, поэтому Конан не собирался долго держать вендийца, а не шемита как думала Дианора, на столь ответственном посту. Сам киммериец замыкал их походный строй.

«Все-таки лучшим в лесу оказывается тот, кто в нем рожден,— думал на ходу варвар, не забывая кидать цепкие взгляды по сторонам.— Сервах — сын иной страны, его взрастили пустыня и горы. Попав сюда, он изумительно быстро всему научился, стал одним из лучших, но самым лучшим ему не стать никогда...»

Кот, тем временем, быстро скользил по следу Сервахы, почти незаметному даже для него, и вдруг резко остановился, весь обратившись в комок нервов.

Отдаленный звук, явно чужой в слаженном и величественном голосе леса, хлестнул по слуху разведчика, словно тревожный набат. Кот с трудом сглотнул и бесшумно обнажил меч. Пригнувшись, он чуть ли не бегом метнулся вперед, уже готовый к самому худшему.

Тревожное карканье ворона заставило Хендрика остановиться и вскинуть арбалет.

Карканье повторилось. Следопыты молча переглянулись.

— Кот это,— сухо бросил Хендрик,— видать, беда.

Лицо Конана потемнело, глаза сверкнули синим огнем. Не сказав ни слова, он бросился в заросли, на ходу доставая оружие.

Через несколько мгновений весь отряд молча стоял над телом Сервахы и сидящим на корточ-

ках рядом Котом. Маленький разведчик, нервно грыз ногти, отрешенно всматриваясь в окаменевшее лицо убитого друга.

Дианора, взглянув на Серваху, ощутила леденящую душу пустоту и резко отвернулась, непроизвольно закрыв глаза. Но даже так она продолжала видеть мертвый белозубый оскал, так жутко не похожий на добродушную улыбку вендийца.

— Кинжалом по горлу... даже не вскрикнул, — хрипло сказал Солиус.

Дианора как-то отстранено удивилась — это были первые слова, услышанные ею от Обоерукого.

— Не кинжалом — мечом, — вяло поправил Кот. — Острым, как бритва. Кто-то возник перед ним внезапно, ударил... Но первый удар он отбил — я лязг слышал. А вот второй — не сумел... Когда я прибежал, Сервах еще скреб пальцами землю. Я было бросился по следу, но убийца хитер: тут в двух шагах, вон за теми кустами, ручей... В воде-то не много чего разглядишь... Но он не мог далеко уйти.

— Или удра! аж в Ванахейм, пока мы тут тебя слушаем! — взревел Хендрик, потрясая арбалетом. — Быстрее, ежели поспешим, догоним его!

— Остынь, Большая Лапа! — Конан стиснул плечо стрелка. — Кот прав... Мы можем долго кружить по лесу, пока найдем убийцу... слишком долго. Кром! — зарычал он, сжимая огромные кулаки. — Дорого бы я дал, чтобы встретиться с

этим мерзавцем лицом к лицу. Будь он проклят, ублюдок...

* * *

«... Встретишься, обещаю. Именно с тобой, и именно лицом к лицу. Посмотрим тогда, не превратится ли тогда твой грозный рев в шенячье поскуливание.

Приняв человеческий облик, я поневоле приобрел и кое-что человеческое.

Это было неизбежно но, вообще-то, не слишком меня тяготило: я никогда не смущался эмоций и часто давал им волю, отчего среди соплеменников и прослыл, как говорят в этом мире «белой вороной». Впрочем, прах моих высоколобых сородичей давно развеян по вселенной и помню о них только я, кому дарована высокая судьба — может именно из-за так презираемых ими эмоций.

Но, в самом деле, даже обидно выслушивать о себе эту чушь, которую несет верзила-варвар. Как его имя... Конан?

Я всегда даю своей жертве шанс, это меня возбуждает.

И на сей раз, появившись пред чернобородым, я специально промедлил, дав ему время что-либо предпринять.

Он оказался очень ловок — по людским меркам, конечно, — и удар нанесен был блестяще, но недостаточно. Ну, а потом... потом я открыл счет трофеям!»

* * *

Похоронив Серваха, отряд продолжил прерванный путь.

Шли в угрюмом молчании: смерть товарища тяжелым грузом легла на душу каждого из них. Изменение направления, которое дал Клодий, было воспринято с ледяным безразличием. Конан только пожал плечами и молча повернул в сторону, куда указал чародей, лишь скользнув по лицу мага тяжелым взглядом. Клодию почему-то стало не по себе.

Может быть из-за смутного беспокойства вечером, когда киммериец дал команду вставать на ночлег, он набрался мужества и подошел к варвару.

— Послушай, Конан, я хочу сказать, что Серваха убил не пикт.

— Я знаю, маг. Ты можешь сказать, кто это сделал?

— А... хм-м...— Клодий растерялся, переступил с ноги на ногу, покусывая губы, потом заговорил снова.— Неужели тебя это совершенно не удивляет?

— Очень удивляет,— честно признал киммериец.— Здесь неоткуда взяться человеку, который легко режет глотку одному из лучших клинков во всей Конаджохаре. И это посреди страны пиктов! Я вот что скажу тебе, колдун, мне кажется, что сделал это вовсе не человек, и мы угодили в такое болото, откуда выбраться будет не просто.

— Для варвара ты слишком умен, киммериец. Да, это не был человек,— Клодий выдержал прямой и острый, как клинок, взгляд темно-синих глаз.

— Что ты хочешь сказать?..— нахмутив брови, спросил Конан, вспомнив слова Кота.— Я видел следы — это следы не животного, а существа на двух ногах как ты и я, примерно моего роста, ловкого и умелого воина. Духи следов не оставляют, а отпечатки лап зверя, поверь, я всегда отличу от людских.

— Иногда и демон может принимать иное обличье,— назидательно сказал маг.— Поверь, в этом я разбираюсь...

Конан вздрогнул.

Кот, оказавшийся поблизости и услышав обрывки их разговора, подошел и сел на землю рядом с киммерийцем. Клодий покосился на следопыта и замолчал.

— Говори,— приказал Конан.— Все, что видел, что чувствуешь, все о чем знаешь.

— Я, как тебе известно, чародей не из первых,— начал Клодий, облизнув пересохшие губы.— У меня был очень хороший учитель и не его вина, что ученик оказался слаб духом, и слишком жаден до радостей жизни. Но кое-что я все-таки усвоил. Сейчас я чувствую рядом Силу. И эта Сила нам враждебна. В этом я твердо уверен.

— Я слышу откровенье Митры, мои уши открыты,— съязвил Кот и вздохнул.— Жаль Серваха!

— О прочем я могу лишь догадываться,— Клодий замаялся и снова облизнулся.— Дело в том, что дорога, по которой мы идем... путь, что я указал в начале этого путешествия, не совсем обычен... Он соединяет миры, если вы способны это понять?

— Нет,— откровенно признался Кот, но весь как-то сжался от слов чародея.

— Мое незатейливое волшебство, могло каким-то образом потревожить Силы и привлечь их в наш мир,— наконец выдал Клодий, напряженно глядя на меч, лежащий на коленях киммерийца.

После таких слов Конан запросто мог его выпотрошить в порыве гнева — с этого варвара станется... Но Конан молчал и Клодий решился продолжить:

— Я считаю, что Серваха убило одно из созданий, что живут за краем земного мира. Оно может принять человеческое обличье, отсюда следы. Кто оно в самом деле пока мне неизвестно. Но я могу попытаться узнать.

— Как это? — удивился Кот, и тут же прикусил язык, досадуя на собственную несообразительность.

Клодий усмехнулся одними губами:

— Я все-таки кое-что понимаю в Искусстве. Убийца Серваха бродит где-то неподалеку. Найти его много времени не займет.

— А сможешь ты уничтожить его? — после долгих раздумий спросил мага Конан. По силам тебе это?

— Сделаю все, что смогу,— пожал плечами Клодий.— В магических делах ничто нельзя предугадать заранее.

* * *

«... Надо же чуть не попался... Совсем выпустил колдуна из виду, решил, что дело сведется к игре мечами.

Ну и получил, да так, что сейчас, чувствую себя совершенно обессиленным и разбитым, валяюсь тут, как гнилая колода.

Сам по себе колдун меня не интересовал. Но я совершенно забыл, какое сокровище нес он с собой.

Талисман многократно усилил его возможности, повернул Силу так, как и сам маг не ожидал, обрушив ее прямо на меня.

Многие из людей, пользующихся Силой в этом мире, мнят себя земными богами, а на самом деле даже не понимают ее природы. Их убогого воображения хватает лишь на такие примитивные вещи, как власть и бессмертие, да и этого достичь, как правило, они не могут. Таков закон.

Собственно говоря, я тут и нахожусь для того, чтобы закон соблюдался. Никакого не хватит разума, чтобы представить, что может случиться, если кто-нибудь пройдет тропой до конца и достигнет Источника.

...Но я недооценил этого чародея, потому что очнулся его Талисман. Эта крошечная частица

мигом отыскала другую, родственную ей — то есть меня, чего и добивался колдун.

Он получил то, что искал, надеюсь, большего не узнал: я стал бороться и, хотя победа далась мне с трудом, сумел направить мага на ложный след.

Краем сознания я уловил, что отведенная мною волна, полетев куда-то на юг, стерла с лица земли деревушку за много лиг от этих мест.

И еще я ощутил, как вздрогнули и качнулись Весы.»

* * *

Клодий выл, словно побитый пес, катаясь по земле и охватив голову руками. Он выл не переставая на одной протяжной ноте, затихая только на миг, чтобы глотнуть воздуха. На него навалились, заткнули рот какой-то тряпицей, связали, но и после этого тело колдуна еще билось и корчилось в руках следопытов, будто раздираемое изнутри.

Дианора, онемев от ужаса, стояла в стороне, почти невидимая в наступивших сумерках. Возможно, из-за этого обстоятельства, или просто повинуясь порыву, следопыты вязавшие Клодия, не скупилась на крепкие слова, которые обычно, не произносят при девушках.

— Что же он там увидел? — тяжело дыша, спросил Кот.

Он только что стянул руки мага тугим ремнем и еще не оправился от борьбы. У него был

такой злобный вид, словно он сейчас пнет чародея.

— Что-то было такое, что заставило его потерять разум от страха, — ответил ему Конан. — Так может кричать только очень сильно испуганный человек.

Могучий киммериец стоял, скрестив руки на груди, и мрачно смотрел на извивающегося у своих ног чародея.

— Надеюсь, что он к нему вернется, — буркнул Хендрик. — И чем скорее, тем лучше. Иначе не миновать нам беды...

Большая Лапа не стал договаривать, все и так уже были на взводе.

— Что «иначе»? — не выдержав, спросила дрожащая Дианора.

Гордая и самоуверенная аквилонка исчезла, вместо нее в окружении мрачных мужчин стояла напуганная, растерянная девушка, готовая вот-вот разреветься.

— Иначе придется кончать колдуна, — беспощадно отрезал Солиус. — И выбираться из леса! Дианора окаменела.

После жестоких слов Обоерукого в ее душе будто разверзлась пропасть. Все ее естество в миг растворилось в стылой, безразличной ко всему пустоте. Из оцепенения ее вывел резкий голос Конана:

— В другой раз думай, что говоришь, приятель! Мы не можем его бросить. Он слишком нам нужен!

Солиус безразлично пожал плечами.

— Как скажешь, Конан. Хотя, нарушив закон Тропы, кому-то мы на мозоль наступили. Я за наши жизни теперь и гроша не дам.

— Что-то дешево ты себя ценишь! — нервно засмеялся Кот.

— Ну, раз Обоерукий заговорил, точно торгош какой с рыночной площади — значит, в самом деле плохи наши дела, — без тени иронии заметил Хендрик.

Солиус еще долго пытел, удивляясь своему небывалому красноречию.

Тем временем, Клодий успокоился и свернулся на земле, подобрав под себя ноги. Глаза его мало-помалу приняли естественное выражение, и он с недоумением взирал на стоящих над ним следопытов.

Конан наклонился над колдуном.

— Визжать больше не будешь?

Маг попытался изобразить отрицание, что со связанными руками, да еще и кляпом во рту было весьма затруднительно. Конан, что-то ворча себе под нос, принялся резать ремни, крепко стягивающие чародея. Вскоре Клодий уже сидел, привалившись спиной к стволу дерева и, морщась от боли, растирал рубцы на руках.

— Вы видели? — прохрипел он, переводя взгляд мгновенно помутневших от ужаса глаз с одного следопыта на другого.

— Что мы должны были видеть? — пожал плечами Конан. — Ты как начал руками размахивать, словно мельница крыльями. Ну, а затем за голову схватился и грохнулся на землю.

— Это все? Не может быть! Огненная дорога и смерч... — хриплый голос Клодия был едва слышен.

— Что ты там шепчешь?! — грозно прикрикнул на него Конан. — Говори толком, что ты увидел!

— Не знаю, — помолчав, ответил маг. — Внешне он выглядел как человек, но внутри его зияла пустота... там ничего не было! И в то же время в этой пустоте таилось нечто такое, чему нет названия ни в одном языке, мне даже сравнить это не с чем. Он заглянул мне в глаза, всего на один миг, а потом... — колдун устало замолчал, и на лице его отразился пережитый ужас. — Я вдруг почувствовал себя необычайно сильным и попытался его ударить... От соприкосновения наших Сил родился смерч... Он рос и ширился, а мир вокруг разлетался на куски — вместе со мной и с ним... В этой вспышке передо мной открылись такие бездны, куда не должен заглядывать смертный.

— Сейчас-то ты в порядке? — с сомнением спросил Кот, глядя на дрожащего и потеющего колдуна.

— Да, — как-то неуверенно ответил тот. — Со мной все нормально.

— Но ты не убил его, — скорее утвердительно, чем с сомнением произнес Конан.

— Трудно сказать, — Клодий спрятал лицо в ладонях, съезжился у корней дерева. — Мне надо отдохнуть, — глухо сказал он. — У меня совсем не осталось сил...

— Отдыхай,— махнул рукой Конан, он даже не пытался скрыть досаду.— Всю ночь можешь отдыхать. Ты тоже ложись, Кот. Будем по двое караулить — сначала мы с Хендриком... А где Хендрик? Эй, Большая Лапа!

* * *

«Он шел прямо на меня. Бесшумно, крадучись, он подходил все ближе и ближе. Наша встреча была неминуема. Жаль, я находился не в лучшей форме после поединка с чародеем, а приближавшийся человек был очень силен, я это чувствовал.

Если этого требуют обстоятельства, я могу убивать и в спину.

Но сейчас был иной случай — я находился не в выгодном положении — валялся на траве и противника поздно заметил.

С трудом поднявшись, я оказался с ним лицом к лицу. На краткий миг я коснулся его сознания...

Я не стал обнажать меч, ведь его товарищи находились всего в полусотне шагов. Услышь они предсмертный крик или звон стали, мигом бы примчались сюда, а встретиться с ними со всеми, мне сейчас не хотелось.

Поэтому, бросившись на врага, я вцепился ему в горло. И был удивлен, почувствовав в тот же миг на своей шее железную хватку этого человека. Он оказался быстр, слишком быстр для простого смертного.

Мы застыли друг против друга, как два каменных изваяния. Он так сдавил мне горло, что очень скоро я почувствовал, что мне становится не чем дышать.

Я резко отпустил его глотку и тут же ударил в висок.

...Звериная его хватка ослабла. Дальше все было просто.

В голове у меня мутилось, но действовал я уверенно — хотя и не так, как бы мог...

Без сил я свалился рядом с обмякшим телом стрелка, жадно глотая горячий воздух»

* * *

Ночью никто не сомкнул глаз. Лишь, когда зарделся рассвет, Дианора задремала возле маленького костерка. Смерть Хендрика совсем ее сломила.

Отныне она не хотела ничего, кроме одного — открыть глаза и оказаться в отцовском дворце в Тарантии.

Когда девушка проснулась, то первое, что она увидела, был невысокий холмик свежей земли. На могиле лежал арбалет следопыта.

Дианора, опустившись на колени, робко провела дрожащими пальцами по полированному дереву ложа, и вдруг вспомнила, как нежно Большая Лапа касался своего оружия...

— Он сам его сделал,— тихо сказал Кот.— Возился с ним несколько лун... Говорил, что лучшего арбалета нет во всей Аквилонии.

— Хендрик скромничал,— вздохнул Конан.— Лучше этого самострела я не видел нигде.

— Как его убили? — не оборачиваясь, спросила она.

— Свернули шею,— коротко ответил киммериец.

— Руками,— подтвердил Кот,— сначала они с ним схватились — по следам видно, топтались долго. Потом Хендрик упал... и больше уже не поднялся.

— Нам уже пора уходить,— напомнил им Солиус.

— Погодите,— Дианора напряженно глядела на арбалет.

Неожиданно она поняла, что уже давно должна была сделать, и сердце девушки бешено заколотилось.

— Мы возвращаемся,— взяв себя в руки, объявила она.

— Нет! — тут же выкрикнул Клодий.

— Нет! — одновременно рявкнул Конан.

Киммериец и колдун уставились друг на друга. Чародей покраснел, тонкие губы его скривились — казалось, он вот-вот заплачет. Варвар был мрачен, спокоен, только в глубине его глаз тлел огонек едва сдерживаемой ярости.

— Хватит смертей! — закричала на них Дианора.— Я вела себя как девчонка, когда решила на эту затею! Каким золотом я оплачу смерть двух людей, доверившихся мне?!

— Они знали, куда идут,— попытался успокоить ее Кот.

— Послушай меня,— тяжело роняя слова, заговорил киммериец.— До сих пор это все было только твоим делом, в котором мы тебе помогали. Сейчас положение изменилось, кто-то хладнокровно убивает наших друзей. Если кто хочет вернуться, удерживать никого я не стану, но пойдете вы без меня!

— Я с тобой, Конан,— бросил Солиус.

— Я тоже,— хищно ощерился Кот.— Сет и Митра! Клянусь, он от нас не уйдет!

— Но ведь мы не можем вслепую гоняться за ним...— сказал Конан, все еще глядя на Дианору.

— А в этом нет надобности,— вступил в разговор Клодий.— Надо идти дальше по Тропе, держаться вместе, и тогда убийца сам выйдет к нам. Вместе его и встретим.

— Колдун, ты, наверное, все же повредил себе разум,— нехорошо усмехнулся Кот.

— Нет, Кот, на этот раз он прав,— покачал головой Конан.

То, что Дианора оказалась одинока в своем стремлении скорее вернуться к Черной Реке, не слишком ее уязвило. Наоборот, она испытала странное облегчение. Теперь их безумный поход обретал смысл — мщение!

— Колдун прав,— повторил Конан.— Вы пойдете все вместе. Думаю, наш приятель не рискнет напасть на четверых.

— Четверых? А как же ты?..

— Я буду поблизости,— киммериец улыбнулся, и Дианора, увидев его улыбку, содрогнулась.

* * *

«Мне следовало поспешить. Идти им оставалось не так уж далеко, нужно не пустить их к Источнику.

С другой стороны этот Конан бросил мне вызов. Хотя он говорил негромко, но говорил он для меня, будто знал, что я могу его слышать. Может догадывался... И я не мог отказаться. Но и допустить, чтобы колдун добрался до Источника, я тоже не мог! Суть-то именно в чародее. Остальным вообще невдомек, куда и зачем их ведут.

Я мог бы убить только мага, но я все-таки был охотник.

Долг или честь?

Нет, наверное, после вчерашней схватки я совсем разучился мыслить!

Управляюсь с варваром, и займусь остальными.»

* * *

Валлан молча смотрел на грязного, одетого в какие-то лохмотья человека, который сидел за столом в его комнате и с чавканьем жрал. Именно жрал — со звериной жадностью поглощал пищу, не делая разницы между чечевичной похлебкой и хлебом.

Еще месяц назад этот грязный оборванец был графом, который славился своей гордыней и чопорностью.

В недобрый час королевская воля послала его на границу.

Как звали графа, сидящего сейчас перед ним, Валлан не помнил. Это не имело значения.

— Значит, Клавдий мертв? — ровным голосом переспросил он.

Человек оторвался от кувшина с вином и взглянул на Валлана осоловелыми глазами.

— Да, я же говорил... Бедняга не вынес пыток. Его привязали к столбу и издевались над ним целый день. Когда он умер, ему отрубили голову, насадили на копье и долго показывали толпе, а тело бросили псам... Мне просто чудом удалось бежать. Мысль о том, что я буду следующим, наверное, придала мне сил: я сумел освободиться от пут и, убив часового, укрылся в лесу. Помню все очень смутно: куда шел и сколько... Погоня за мной была, и как мне удалось их сбить со следа — до сих пор не пойму. Да, мне повезло! Не представляю, как бы я выжил в пикетских дебрях, находясь в здравом уме!

Граф коротко рассмеялся и снова припал к кувшину.

Валлан вежливо кивал, но мысли его были далеко. Да, ему повезло, неслыханно повезло. Так повезти может только раз в жизни. А вот Конану и тем, кто пошел вместе с ним, не позавидуешь.

Жаль киммерийца, жаль эту глупую девчонку из Тарантии. Была ли она околдована магом, или слепая любовь заставила ее поверить лжи чародея?

А чего добивался сам Клодий? Что он там ищет в самом сердце Конаджохары?

Для каких тайных целей ему понадобились искуснейшие следопыты, вернее — Валлан достаточно пожил на этом свете, чтобы научиться догадываться об очевидных вещах — их жизни и жизнь девушки?

* * *

Оставшись один, Конан стоял некоторое время неподвижно, прислушиваясь и вглядываясь в темно-зеленую завесу леса.

Вскоре шум шагов ушедших товарищей стих. Дольше всего была слышна неверная, тяжелая поступь колдуна, но вот и его шаги растаяли где-то в дали. Конан ждал. Сейчас все чувства, все инстинкты варвара были напряжены до предела. Он не сомневался, что демон — или кто он там был на самом деле — откликнется на брошенный им вызов.

Киммериец ждал, застыв, словно мрамор, и весь обратившись в слух. Он надеялся, что сможет услышать даже незначительный шум шагов, ведь убийца оставлял за собой следы. Враг умел ходить быстро и тихо, но не настолько, чтобы обмануть варвара.

Где-то справа хрустнула сухая ветка.

Сердце варвара успело ударить дважды, и киммериец вновь услышал шум — шорох опавшей листвы под ногой человека, который крадучись приближался к полене.

Губы скривила волчья усмешка. Конан бесшумно скользнул в заросли.

План его был прост: описав круг по лесу, вернуться к поляне и сперва посмотреть на того, кто голыми руками свернул шею Хендрику и одолел Серваха на мечах.

След убийцы Конан нашел без труда и осторожно пошел за ним. Роса, сбитая с травы, едва примятый мох, и даже четкие отпечатки босых ног на влажной земле ясно указывали ему путь. Но, пройдя с десятков шагов, Конан вдруг поднял голову и остановился. Голубые глаза варвара потемнели.

— Кром, игра, кажется, будет интереснее, чем я думал! — пробормотал он и, отступив в гущу ветвей, замер, напряженно размышляя над увиденным.

С этого места, где сейчас стоял киммериец, поляна с могилой Хендрика просматривалась как на ладони. Сейчас там не было никого. Убийца тоже был здесь и наблюдал за ним, а потом исчез, растаял, словно был соткан из тумана. При мысли об этом у Конан противно засосало в желудке.

Значит, убийца решил принять предложенную игру.

Зачем? Чтобы доказать свое превосходство?! Или потому, что он не уверен в собственных силах?

Можно было не двигаться с места и терпеливо дожидаться врага, но Конан не собирался этого делать.

У него появился шанс увлечь убийцу в сторону от отряда.

Поединок с таким противником был очень опасен, и варвар не хотел рисковать. Киммериец бесшумно скользнул в глубь зарослей, не стараясь скрывать следы. Он был уверен, что демон пойдет за ним. Должен пойти.

* * *

«Несчастный глупец! Мысли этого варвара я понял, даже не пытаясь в них заглянуть. Думает увести меня подальше от остальных, выбрать момент и ударить из засады. Впрочем, он вовсе не глуп; просто не знает, что Тропа не даст уйти ему в сторону.»

* * *

Конан с быстрого шага вскоре перешел на бег и бежал до тех пор, пока не нашел, что искал: дерево с такой густой кроной, которое могло бы надежно укрыть даже такого крупного человека, каким был киммериец.

Варвар, не замедляя бега, пронесся рядом с ним, пробежал еще полсотни шагов, сделал круг, и вернулся назад. Уловка, конечно, старая, но почему бы ей не сработать?

* * *

...Он притаился на дереве. Признаться, я ожидал от него большего. Листва густая, и скрылся

он мастерски, ничего не скажешь. Лишь приглядевшись, я увидел просвет в листве, сделанный рукой человека.

Я вижу тебя, киммериец!

Пора с этим кончать и возвращаться к твоим друзьям. Жаль так скоро обрывать игру, но вблизи от Источника время и расстояния могут вести себя странно.

Я подошел к дереву и поднял голову.

— Слезай! И меч наверху не забудь...

Я не договорил: к моей шее, прижалось холодное и, готов поклясться Великой Бездной, дьявольски острое лезвие.

— Не забудь,— процедил Конан сквозь зубы.— Тебе лучше не двигаться. Брось оружие.

— Зачем?

Конан на миг растерялся от такого вопроса.

— Все равно будем драться. Ты ведь не собираешься убивать безоружного? Убери свой меч и поговорим, если хочешь.

— Нам не о чем с тобой говорить,— грозно бросил киммериец, усиливая нажим.

— Ну, например, мы можем побеседовать о твоих друзьях и той смертельной опасности, что им сейчас угрожает. Если, конечно, тебя интересует их судьба.

— Почему я должен тебе верить? Избавившись от тебя, я окажу им большую услугу,— хмыкнул Конан.

«Ось весов снова дрогнула... На этот раз гораздо сильнее. И не так уж трудно было догадаться, что послужило тому причиной — маг слыш-

ком близко подошел к Источнику. Я ошибся, приняв игру варвара, и теперь вынужден сам выпутываться из этого. Не многое я мог с клинком у горла — он не разочаровал меня.

Но почему бы не сказать ему правду? Сумеет ли он это понять? Хотя... разве есть у меня выбор?»

— Они погибнут, если колдун приведет их туда, куда он всеми силами стремится.

Конан долго молчал, обдумывая услышанные слова, затем опустил меч и отступил на шаг.

— Говори,— резко приказал он.— Я догадывался, что маг что-то задумал...

Демон обернулся, и киммериец невольно отшатнулся.

— Клавдий? — изумленно выдохнул он.

Варвар замешкался, и это едва не стоило ему жизни. Хищно изогнутый меч коротко блеснул в лучах солнца. Удар был настолько быстр, что Конан даже не пытался его отразить, но инстинктивно отпрыгнул назад. Рассекающий воздух звенящий клинок упал на кольчугу, но лишь скользнул по ней, разрезая стальные кольца, как шелковые кружева.

Демон снова атаковал, и киммерийцу пришлось защищаться. Кривой меч так и мелькал у него перед глазами со сверхъестественной скоростью.

Через несколько мгновений Конан понял, что он еще жив только чудом.

Еще через три или четыре удара сердца, варвару стало ясно, что это чудо не может длиться

вечно. Даже его звериная ловкость не спасет от урагана ударов, который сыпался на него со всех сторон.

А демон наступал — ровными, четкими шагами; его тусклые беспощадные глаза глядели сквозь киммерийца, и варвар видел в них свой приговор. Сама смерть смотрела на него неотвратимым взглядом.

«...Весы. О, мудрость Ушедших, что с ними такое?!»

Конан почувствовал, как в груди у него разгорается яростный огонь. Он никогда не отступал перед земными врагами и не собирался уступать демонической силе.

Воззвав к киммерийскому богу, варвар ринулся в отчаянную атаку.

Противники сшиблись, как сшибаются на гладиаторской арене запряженные четверками лошадей колесницы. Бросок был стремителен и неудержим.

Демон не успел отвести в сторону клинок Конана и принял на свой меч всю силу удара. Громко лязгнула сталь, и оборотень пошатнулся. Но через миг он восстановил равновесие, и его грозный меч вновь был нацелен на киммерийца, только теперь ему приходилось защищаться от неистовой атаки варвара, которым овладело боевое безумие.

Гнев, вообще, скверный советчик, а для человека вступившего в игру со смертью — тем более. Но Конан преступил эту черту. Кипя бешеной яростью варвар атаковал с неистовством

бури, вращая своим огромным мечом с такой быстротой, что оборотень просто не мог улучшить случай, чтобы нанести ему смертельный удар. Но защита его была безупречна.

Лязг клинков слился в непрерывный протяжный гул.

Казалось невозможным, что существо из плоти и крови может так долго выдерживать столь стремительный темп и нарастающее напряжение боя.

И не выдержала сама Природа. Что-то стронулось в глубинах Сущего, нарушился четкий и неторопливый ритм Бытия, неведомые и непонятные никому из смертных — а, может, и бессмертных — пласты Времени и Пространства, Прошлого и Грядущего, Сиюминутного и Вечно-го, дрогнули и стали медленно смещаться, дробиться, расползаться, как гнилая ткань. Все вокруг стало зыбким, неверным, медленно, но неотвратимо меняющимся.

«Весы! Проклятый варвар! Почему я с ним медлил?

Но может быть, еще не поздно? Каждый миг грозит стать роковым...

Убить варвара и мчаться к Клодию? Нет, тогда уж наверняка не успею...»

Воздух надрывно взвыл, когда кривой меч, и так мелькавший, будто молния, стал почти невидим. Демон, оскалив зубы, бросился вперед, и все началось сначала.

Щеку, предплечье и бедро Конана обильно заливала кровь, на обнаженном теле противника

не было ни царапины. Дыхание человека с хрипом вырывалось из груди, мышцы налились свинцовой тяжестью, демон же не показывал признаков усталости. Но в голубых глазах киммерийца полыхал яростный боевой пламень, а в глазах оборотня плескалась досада. Конан это видел и держался из последних сил, неистово вращая мечом.

Небо внезапно потемнело. Мрак был багровым, как бывает, когда в ночи мерцает зарево далекого пожара.

И демон вдруг отпрянул в сторону.

— Будь ты проклят! — в отчаяние крикнул он, и в голосе его смешались боль и ярость. — Будь ты навеки проклят, киммериец! Ты сгинешь в огне, который вызвал сам! Еще пожалей, что не принял смерть от моей руки!

С последними словами он исчез.

Конан стоял, шатаясь, мутными глазами глядя на место, где только что находился оборотень. Варвар по привычке осмотрел весь в зазубринах меч и вложил клинок в ножны.

Мир вокруг него изменился. Что-то ушло из могучего, древнего леса. И заросли казались неживыми, и трескотня сорок казалась мертвой. Он не чувствовал какой-либо угрозы, но глядя на неясные, смутные тени, перебегающие между деревьями, смахнул рукой капли пота, стекающие по его лицу.

Лес медленно заполняло дыхание иной, чуждой жизни.

Или смерти?..

Ответа не было, и быть не могло.

Небо было черно, словно сажа, а на нем горел багровый глаз солнца, чуть не вдвое больше обычного, испещренный язвами бурых пятен. В лесном сумраке дрожали хаотичные огни, то возникая у самой земле, то взлетая к верхушкам деревьев.

Вспышки сменялись мерцающими цветными каскадами, струящимися по стволам вверх и вниз.

А тьма над головой разродилась пурпурным дождем, будто само небо истекало кровью. Крупные алые капли медленно сползали с неподвижных, словно вырезанных из жести листьев, с окаменевших древесных стволов, с высоких стеблей мертвых трав и падали на растрескавшуюся почерневшую землю.

А жуткие тени, снующие то тут, то там, неясные в таком неверном свете, даже для острого глаза киммерийца, подступали все ближе, и с каждым мгновением их становилось больше.

Конан очнулся, как ото сна. Подгоняемый суеверным страхом он бросился бежать в ту сторону, куда ушли его друзья. О том, что он будет делать дальше, киммериец сейчас не думал.

Он бежал со всей быстротой, на которую был способен, дыша ровно и глубоко, будто и не было изнуряющего поединка.

Конан знал, что если не остановить чародея, может случиться непоправимое, — все вокруг говорило об этом. Демон, наверное, тоже спешил туда, где разворачивались основные события — к

магу и остальным, и считал свое присутствие там более важным. Он так торопился, что даже подарил жизнь киммерийцу.

Лесные тени становились более четкими, приобретали форму, будто наливались живой плотью. Краем глаза Конан подмечал эти изменения, и кое-что из увиденного варвару совсем не понравилось.

Вдруг из-за дерева на него кинулась жуткая многорукая тварь. Не замедляя бега, Конан рубанул чудовище мечом и содрогнулся, услышав скрежет стали о сталь.

Тварь проскочила мимо, не обращая внимания на варвара. Стиснув зубы, киммериец ускорил свой бег. И тут внезапно перед ним разверзлась пропасть, чернее самой темной ночи и липкий мрак поглотил его...

* * *

Вершина невысокого холма — круглая, ровная, поросшая чахлой травой, по-осеннему сухой и желтой, хотя стояла середина лета. Лесные заросли резко обрывались у подножия, словно наткнувшись на невидимую стену.

На макушке холма врос в землю гладкий белый камень, на котором недвижно лежала обнаженная женщина.

Над холмом ярко светило солнце, дул легкий ветерок, а в лесу царил полумрак, расцветиваемый вспышками зарниц, и бушевал свирепый ураган.

Треск ломаемых стихией стволов и завывание бури едва достигали вершины, хотя до леса было не более сотни шагов. Там, внизу, клубился багровый туман, металась среди деревьев чудовищные фигуры, слышались крики и чей-то вой, перекрывающие рев урагана. А на вершине было светло и покойно.

Девушка, несомненно, была жива: грудь ее мерно опускалась и поднималась в такт тихому дыханию, которое бывает у спящих.

Гораздо больше походил на мертвеца человек, стоявший рядом с жертвенным камнем. Заострившийся нос, восковой цвет лица, ввалившиеся глаза, обведенные черными кругами — нелегко дались Клодию последние дни.

Девушка на камне, была Дианора.

У подножия холма, лицом вниз, лежало тело Солиуса, сраженное в спину подлой рукой предателя.

Клинок пронзил тело насквозь и глубоко погрузился в пропитавшуюся кровью землю.

Клодий склонился над Дианорой и простер заметно дрожавшую руку над ее головой. Спекшиеся губы колдуна шевельнулись.

Заклинание подействовало, и девушка открыла глаза. Несколько мгновений она непонимающе смотрела на изменившееся лицо Клодия, а затем тело ее судорожно дернулось, выгнулось дугой, но руки и ноги остались неподвижны, будто приросшие к камню.

Клодий зловеще улыбнулся. Теперь он — хозяин ее жизни и смерти, ее судьбы; он — все-

лен! Сотни раз представлял он себе, что скажет ей в этот миг, к которому шел долгие годы, какое торжество будет звучать в его речи...

Однако вопреки грезившимся мечтам с языка сорвались совсем иным слова, и тон их был другим, совсем не таким, каким маг его представлял.

— Любимая, — с нежностью произнес он.

И в этом единственном сказанном слове было столько тепла, столько ласки, что Дианора невольно замерла на каменном холодном ложе, с недоумением прислушиваясь к голосу чародея, как будто слышала его в первый раз.

— Ты считаешь меня предателем? Ты боишься меня? Да, я заслуживаю презрения. Я обманул тебя — это правда. Ведь я так любил тебя — страстно, преданно, безнадежно, любил всю свою жизнь, а ты даже не желала этого замечать. Нет, ты не знаешь, какая это была пытка, видеть тебя каждый день.

И тогда слепое отчаяние помрачило мой разум. Вот почему я стал магом, — чтобы с помощью колдовства растопить лед в твоём сердце. Но далеко не каждому под силу овладеть искусством. Я трудился упорно, постигая премудрости ремесла, и вдруг с ужасом осознал, что у меня ничего не получится. Почему, спросишь ты? Да, просто потому, что я был слишком слаб. Слаб от любви к тебе, Дианора! Ты и понятия не имеешь, о чем думает человек, утративший последнюю надежду! Откуда тебе это знать, ведь ты имела все, что хотела, стоило лишь пожелать...

Когда я понял это, то, чтобы заглушить свою боль, с головой погрузился в древние манускрипты, написанные давно забытыми, мертвыми языками, надеясь — хотя бы за счет чужой мудрости восполнить собственную бездарность. И вот, в одном из пыльных свитков я нашел то, о чем не смел и мечтать.

Там говорилось о талисмани — осколке небесного камня, — и тот, кто сумеет соединить осколок и целое, станет могущественнее самих Богов! Но главное, я знал, где его искать — он пылился в одном из сундуков учителя.

И тогда я решился на подлость, и в первый, но, увы, не в последний раз пошел на предательство.

Сначала я украл талисман, а позднее разделся и с учителем.

Это было не так уж и сложно...

Что ж, я сделал свой выбор. Но я тогда не знал, как это будет трудно. За то, чтобы добраться сюда, многие заплатили жизнью. Я очень устал, — неожиданно произнес чародей. — Страшно устал, но теперь я стою на последней ступени к престолу Богов!

Он, неотрывно смотрел на прекрасное женское тело, распростертое перед ним, и в глазах его на миг вспыхнула прежняя страсть.

— Мой план возник сам собой: Клавдий исчез в Пиктских Дебрях, а ты была настолько глупа, что бросилась искать его в Конаджохару, и сама уговорила меня ехать с тобой. Ты ведь по-настоящему никогда его не любила? Просто убедила

себя, а на самом деле... способна ли ты вообще любить?

Внезапно колдун замолчал. Его лицо исказилось, он уже не мог сдерживать обуревающее его желание.

— Из-за тебя мы оказались здесь, из-за тебя я стал убийцей, неужели ты этого не понимаешь?! О, если бы ты смогла меня полюбить, хоть чуть-чуть, я отказался бы от власти над миром!

В зеленых глазах Дианоры горела такая ненависть, что Клодий отшатнулся, задыхаясь и судорожно глотая ртом воздух.

— Что ж, — промолвил он, глядя в сторону пустым, ничего невидящим взглядом. — Наверное тебе интересно будет узнать, что твоему красавчику Клавдию отрезали голову уже на третий день, как он попал в плен к пиктам. Ты тоже будешь умирать медленно, — продолжал маг. — Почувствуешь, как капля за каплей, вместе с кровью, уходит из тебя и жизнь... Право, не знаю, что будет с твоей душой, вряд ли предстанет она перед Митрой.

Ничто не дрогнуло в лице девушки — Клодий так хотел, чтобы она боялась и молила его о пощаде — хотя бы взглядом.

Ветер в лесу взвыл с удвоенной силой, с треском валялись вековые деревья, а до вершины холма долетал лишь невнятный гул.

Клодий снял с шеи кожаный шнурок, на котором висел маленький холщовый мешочек. Распустив тесьму, колдун извлек из него неправильной формы камушек размером с ноготь. Накло-

нившись, он вложил его в неприметную выемку на жертвеннике. Случайно или нет, но рука колдуна коснулась обнаженной груди Дианоры. Девушку вздрогнула от отвращения. Клодий захихикал и вновь провел рукой по ее телу.

— Вот так,— хрипло приговаривал он.— Так...

Каменный пьедестал качнулся, потом еще раз... еще, задрожал, но вскоре дрожь сменилась частыми, мощными толчками, напоминающими удары сердца. С каждым ударом камень темнел, на глазах приобретая кровавый оттенок.

Маг облизнул сухие губы и зашептал заклинание.

Дианора зажмурилась от страшной боли, будто чьи-то невидимые руки пытались сдернуть ее с каменного ложа. Но заклятие Клодия держало надежно: на миг от боли в вывернутых суставах девушка потеряла сознание.

Закончив ритуал, колдун на мгновение замер, будто к чему-то прислушиваясь в ожидание чего-то знака, затем вынул из-за пояса нож. Медленно, как во сне, он занес его над Дианорой... И будто раскаленная игла пронзила ей сердце. Она бы закричала, если бы только могла. Кровь не хлынула потоком из раны, а медленно стала стекать на маленький осколок, пока не залила его.

* * *

«Итак, я проиграл. Опоздал, несмотря на то, что в одно мгновение перенесся от места поедин-

ка сюда, к Источнику, вызвав силы, которые не имел права использовать.

Я нарушил запрет, тем самым лишь подтолкнув Мир к краю Бездны.

Один, я был уже бессилен что-либо сделать. Что ж, подождем, скоро варвар появится здесь, если я хоть что-нибудь смыслю в людях.»

Демон стоял и смотрел, чувствуя, как душит его бессильная ярость.

Буря, шутя ломавшая деревья, стихла, но он видел, что над холмом зарождается иная стихия — магический смерч, чудовищный по своей разрушительной мощи.

Умрет девушка, и никакие заклинания, никакой Талисман не удержат его.

— Любуешься своей работой? — угроза и насмешка звучала в этом вопросе, но демон даже не пошевелился.

Бросив взгляд через плечо, он просто ответил:

— А что еще нам осталось? Но ты ошибся на мой счет — это дело рук Клодия.

Конан подумал и оставил меч в ножнах.

— Ведь ты не человек; останови же его.

— Через холм к нему не пробиться. Он не здесь, не в этом времени, даже не в этом мире. Все, что ты видишь сейчас, лишь отражение иной реальности.

— Она погибнет?...— киммериец кивком головы указал на жертвенный камень.

— Да,— равнодушно откликнулся демон.— Скоро мы все умрем. Мир рухнет в пустоту с последней каплей ее крови.

— Значит, нельзя дать ей умереть,— упрямо стиснув зубы, сказал варвар.— Неужели нет способа остановить колдуна?

Демон испытующе посмотрел на него.

— Способ всегда есть. Но даже не каждый бессмертный решится заглянуть за край вечности. Я ждал тебя. Хочешь испытать себя, киммериец?

— Что ты имеешь в виду? Разве мы не пойдем вместе? — с кривой усмешкой спросил варвар.

— Да, но каждый своей дорогой, и хорошо, если хотя бы один из нас дойдет до конца. Я страж Пути, и у меня есть ключ... Впрочем, ты вряд ли меня поймешь. Это будет как сон, но не дай себя обмануть, и если придется драться, то дерись в полную силу. Мы шагнем в бездну двое, но назад вернется один, может ты, а может я, кто знает,— такова цена этой сделки с богами. Запомни лишь одно — надо идти вперед, только вперед! Идти, идти и идти — шаг за шагом, неважно, медленно или быстро, главное — не останавливаться, иначе силы тьмы тебя погубят! Ну что, готов ли ты к такому испытанию? — в вопросе демона прозвучала нескрываемая насмешка, и Конан заскрежетал зубами от гнева.

— Ты зря терял время, рассказывая эти сказки,— ответил он.— Давай покончим с колдуном, и мне не важно, кто из нас это сделает. Но обещаю, если я не вернусь, пощадить жизнь девушки.

— Она будет жить. А теперь,— дай мне руку...

Демон закрыл на несколько мгновений глаза, а когда открыл их, лицо его изменилось до неузнаваемости, и в нем не осталось ничего человеческого. Но Конан уже не мог этого видеть.

* * *

Клодий сразу понял, что четкий в ритм ритуала грубо вмешалась некая враждебная сила. Кровь из пронзенного сердца Дианоры заструилась быстрее, и колдун вдруг ощутил, как сгустились и недобро застыли, будто выжидая, вызванные им из бездны стихии.

Еще вчера Клодий наверное испугался бы, но сейчас колдун превратился в другого человека. Он чувствовал себя непобедимым.

Одного мгновения ему хватило, чтобы понять, кто хочет помешать его планам: ничтожный человек и раб, осужденный вечно хранить дорогу к Источнику.

Теперь его сущность не представляла загадки и ничуть не пугала Клодия.

Он знал кто он, этот охотник, откуда он явился и как его уничтожить.

* * *

...Он был зверем. Могучие лапы отталкиваясь от твердой земли, легко несли его сильное, гибкое тело.

След был свежим, скоро, очень скоро жертва, сбита стремительным броском, забьется его ког-

тях, и он почувствует сладостный вкус ее крови. Вот вдалеке мелькнула спина убегающего человека. Мясо у людей нежное, но почему-то оно всегда вызывало у него отвращение.

Но он тигр, и был страшно голоден. Другой добычи ему не удавалось найти уже несколько дней.

Двуногий вдруг повел себя странно. Зверь не понял, почему в ужасе убегавшая от него добыча остановилась, затравленно оглядываясь, и подняла суховатую палку.

Хищник замедлил бег — не из осторожности, а чтобы лучше подготовиться к прыжку. Человек нервничал, выделяя отвратительный запах, и смотрел то на тигра, не спеша подходившего к нему, то на вершину холма. Зверь тоже повернул голову — без всякого любопытства — и замер на месте.

Теперь он знал, почему остановился двуногий, предпочитая быть убитым им, а не тем, что катилось на него сверху. Понял, что и сегодня ему придется остаться голодным. Но не мог понять одного — почему он раньше не почувствовал это? Неужели голод настолько притупили его чувства?

По склону холма, медленно, но неотвратимо накатывалось нечто такое, с чем раньше ни зверю, ни человеку сталкиваться не приходилось. В этом мире не существовало названия для этой серой массы с бледными пятнами огромных глаз. Но зубы и когти тигр видел хорошо, много когтей и зубов, слишком много для него одного.

Волна бесформенных существ, наступала на человека и зверя, и никакая сила не смогла бы их удержать.

Надо спастись! И бежать, бежать во всю прыть. Он успеет спастись, у него же четыре лапы, а не две, как у человека...

...А человек, конечно, погибнет. Он устал, обезумел от ужаса, он не может ни бежать, ни драться. Жаль, что его съест не он — голод был нестерпимым.

До передних рядов оставалось не более двадцати прыжков... Зверь не шевельнулся.

Присев на задние лапы, он скалил клыки и грозно рычал. Страха он не испытывал, страх был чужд его натуре — только досаду и злость. Злость, перерастающую в свирепую ярость...

А человек повернулся к нему спиной, и, казалось, совсем забыл о нем. Решительно поднял дубину, расставил пошире ноги и ждал. Он был готов умереть, но умереть сражаясь.

Тигр в любой миг готов был броситься бежать, но не двигался с места. Мерзкие твари с холма подбирались все ближе. Повинуясь непонятному для себя инстинкту, тигр прыгнул и мягко опустился на землю рядом с двуногим. Человек удивленно покосился на зверя, но тут же отвернулся и крепче сжал свое оружие.

Когда расстояние сократилось до прыжка, он не задумываясь прыгнул, испустив громовой рев. Удар огромной лапы превратил первого монстра, вооруженного устрашающими клешнями в безжизненный комок слизи.

Острые клыки сомкнулись, вырывая из тела врага огромные куски плоти. Человек прыгнул следом, и под ударом тяжелой дубины голова чудовища лопнула.

Извечные враги, человек и тигр, объединились в стремлении погибнуть, давая отпор неведомому врагу. Их союз был противоестественен, но разве не было противоестественным само вторжение в их мир серых тварей, выплюнутых невесть какой преисподней?

«Вперед, вперед, вперед!» — кружилась мысль в голове тигра, четкая, ясная, и зверь внутри него постепенно отступал. Передавить, разметать напозавших на него чудовищ и достигнуть вершины холма.

Почему-то это было важно, какие-то смутные образы мелькали в его мозгу, но их завлакивал кровавый туман дикой ярости. Всю свою силу, всю ловкость использовал он для этого последнего боя. Вперед! Через кровь, груды плоти и тела еще живых врагов.

Тигр шел напролом. Рядом с ним неистово сражался человек, круша кости и черепа чудовищ, сплошь забрызганный бурой кровью.

Но тварей было слишком много... Сила и ловкость, позволившие им в начале схватки остановить волну врагов, иссякли. Оба были в крови от бесчисленных ран.

Огромная сучковатая дубина сломалась в руках человека. Без нее он должен быть умереть первым. Прямо сейчас. Человек это понимал. Знал об этом и тигр. На краткий миг их взгля-

ды встретились. Двуногий усмехнулся и поднял руку, будто прощаясь с ним. Вал серых тварей захлестнул их. Огромный зверь попятился, прикрывая человека своим телом.

Серый вал схлынул так же внезапно, как и обрушился на них. Впервые с начала схватки твари заколебались, и отступили. Безумие зверя передалось человеку: вдвоем, бок о бок, они двинулись вверх по склону, наступая на медленно пятившихся чудовищ.

Человек все-таки погиб. Тигр последний раз взглянул на него, и в хищных глазах зверя застыло горькое сожаление. Он был отчаянно храбр этот двуногий. Зверь сделал последний прыжок и оказался на самой вершине...

...Меч в руке Конана взметнулся вверх и тут же опустился на голову колдуна, так и не прозревшего сквозь вечную пустоту свою смерть.

«Что ж, прощай, демон, но боги сделали между нами свой выбор», — усмехнулся варвар.

Киммериец наклонился над Дианорой и резко вырвал нож из кровоточащего сердца...

...Не было ни холма, ни камня. Конан прикоснулся к стволу лиственницы, удивляясь почему вдруг у него закружилась голова.

Лес был удивительно тих и спокоен. Пахло мокрой хвоей и сопревшими листьями. В воздухе веяло особой свежестью, которая бывает после сильной грозы.

— Конан, Конан! — завопил Кот, бросаясь к киммерийцу из чащи. — Куда вы все подевались? Я искал вас повсюду! Где остальные? Да, что с

гобой? — в голосе следопыта звучала неподдельная тревога.

— Со мной все хорошо, — устало откликнулся варвар, искренне радуясь встрече с другом. — Чего не как не сказать о других. Все, кто выжил — перед тобой.

— А она? — Кот сокрушенно покачал головой. — Она кажется больше мертвою, чем живой?

Он склонился над Дианорой, пытаясь привести ее в чувство. Через какое-то время это ему удалось, и девушка хрипло закашлялась и забилась в сильных руках следопыта.

— Митра, какая гадость! — вскрикнула она. — Что за вонючей дрянью ты меня напоил?!

— Ну вот, все, кажется, в порядке. И зря вы так кричите, средство проверенное, — обиделся Кот, — травяной настой.

— О, Небеса... Объясните же, что со мной было? Я совсем ничего не помню.

Конан с Котом многозначительно переглянулись.

— Ты идти сможешь? — озабоченно спросил ее Конан. — Когда вернемся в Тускулан, я все вам расскажу.

— Я чувствую страшную слабость, но, думаю, что дойду, — ответила девушка и без помощи следопытов поднялась на ноги.

— Тогда я пойду вперед. — Конан тряхнул головой, будто прогоняя прочь неприятные мысли. — Путь предстоит нам неблизкий. Так что — вперед, и не останавливаться, как говорил один мой приятель!..

Цена любви

Ночь была темной и душной, словно боги окутали землю плотным меховым одеялом. Даже звезды отвернулись от Шадизара — города воров, прозванного в народе Проклятым, и казались тусклее и дальше.

Шадизар мирно спал, погрузившись в дурманящие ароматы висячих садов, кольцом опоясавших центр города с белораморным дворцом правителя Заморы, и брезгливо морщился от вони отбросов, запрудивших грязные улочки бедняцких кварталов.

Страдая от несносной духоты, ночная стража лениво перекликалась на крепостных стенах, да глухо постукивали колотушки квартальных смотрителей, обходивших свои владения.

Легкие тени облаков набегали на вареный желток луны, словно лик прокаженного заглядывающий в единственное освещенное окошко второго этажа постоялого двора в сердце Пустыньки — Воровского квартала.

Небольшая комнатуха, не претендующая роскошью на дворцовые покои, едва освещалась коптящим пламенем фитиля, плававшего в глиняной масляной плошке, поместившейся в центре стола, так чтобы свет ее был виден с улицы. Стол, широкая тахта с не разобранной постелью, пара колченогих табуретов — вот и вся обстановка. Но деревянный пол и стены могли гордиться своей чистотой, и даже старые давно выцветшие циновки под ногами смотрелись, как изысканные ковры.

От стены к стене, словно запертый в клетке зверь, нервно ходил человек. Он был настолько высок, что путь в семь шагов человека среднего роста, преодолевал всего за пять. Ширины его бронзовых от загара плеч мог позавидовать медведь.

Шелковый жилет без единой застежки не мог скрыть стальную силу мышц на груди и обнаженных руках гиганта. Могучие ноги великана в шелковых штанах, подпоясанных широким полотняным кушаком, в коротких замшевых сапогах, ступали с неподражаемой львиной грацией — бесшумно и мягко. Серебряный обруч плотно обхватывал голову исполина с разметававшейся гривой волос цвета воронова крыла. Горящий орлиный взор бездонных голубых глаз пылал нетерпением и гневом.

Его звали Конан, Конан из Киммерии — дикой варварской страны, затерянной где-то на севере Хайбории, где люди до сих пор едят сырое мясо и голыми руками рвут друг другу глотки

за косо брошенный взгляд. Он был чужаком в этом городе, обласканном солнцем и богами, разнеженном и развращенном от роскоши и лени. Поэтому он стал здесь вором, дерзким удачливым и неуловимым. Он пришел сюда, чтобы наказать этого оплывшего от жира, мягкотелого лежебоку и взять себе несметные сокровища, что хранились за непрочными запорами в бесчисленных дворцах обрюзгшей знати и многочисленных храмах привыкших к почитанию жрецов. Эти богатства должны по праву принадлежать ему, ему — сильному, ловкому, наделенному природной хитростью и умом, если хозяева не научились ценить их и не способны защитить свое добро. И он брал с простодушием варвара и смеялся над бессилием стражи и всей заморийской гвардии. Он пришел в этот город, будучи совсем еще юным и мечом, щедростью и умом завоевал себе место и уважение в воровской гильдии, доказав, что он настоящий мужчина.

Три дня назад его доверенный человек и наводчик, владелец небогатой ювелирной лавки и попутно скупщик краденного, Кабал, нашел ему приличную работу для каких-то иноземцев. Вчера Конан и его приятель по воровским делам, неугомонный балагур и острослов, карманник Фарзих дерзко выкрали из сокровищницы правителя Шадизара священный камень Глаз Митры — огромный изумруд величиной с кулак взрослого мужчины. Этой ночью Фарзих и Кабал должны были встретиться с покупателем и получить за камень деньги. Цена была назначена та-

кая, что, вспоминая эту сумму, хотелось повторять ее снова и снова.

Конан должен был оставаться на постоялом дворе, дожидаясь возвращения компаньонов. За голову киммерийца была назначена баснословная награда, и жадные до денег шпионы правителя, не зная устали в ногах, сновали по всему городу.

Свет в окне служил условленным сигналом, что вокруг все спокойно.

Приятели ушли уже давно, но почему-то до сих пор еще не вернулись.

Конан остановился возле стола и машинально подвинул светильник поближе к окошку. Окинул быстрым взглядом непроглядный сумрак улиц и снова заходил по комнате.

«Неужели попались! — с тревогой подумал киммериец, но тут же отбросил эту вздорную мысль. — Нет. Быть того не может! Не такой человек Фарзих, чтобы дать себя сцапать страже. Скользкий, как угорь, он и с мешком золота пролезет в любую щель и пройдет незамеченным сквозь сотню стражников. Да и Кабал — малый не промах!» В сухопаром и долговязом лавочнике с острой крысиной мордочкой и бегаящими бусинами глаз, жил дерзкий дух расчетливого дельца, особенно когда дело касалось солидного барыша.

«Нет, тут что-то не так... Может в доме Хазилья засада? — спрашивал себя варвар и сам же себе отвечал. — Но никто не мог знать о встрече...»

Старик Хазиль — бедный горшечник — жил на окраине Шадизара и едва сводил концы с концами, помогая своим многочисленным детям и их семьям.

Конан нашел его случайно.

За скромную плату и молчание старик охотно предоставлял свой дом для тайных встреч киммерийца.

«Он не выдаст, хоть бросай его в яму со змеями.»

Кабал приведет чужаков в условленное место, Фарзих, тем временем, уже находился там и должен был осмотреть все кругом.

«Что же тогда случилось? Неужели эти пройдохи на радостях завалились в какую-нибудь таверну и упиваются там вином в окружении ночных красавиц? Или хуже того — убежали с моими деньгами?» — пришла вдруг неожиданная мысль.

Ледяные глаза варвара недобро прищурились и полыхнули гневом. Таким его боялись даже самые отчаянные сорвиголовы в дебрях Пустыньки.

Но тут же взгляд киммерийца смягчился. Конан вспомнил Фарзиха, его всегда ухмыляющуюся физиономию, дела, через которые они вместе прошли, и обругал себя в сердцах.

«Кто-кто, а Фарзих ни за что не предаст. Кабал — тот от жадности наверное мог, но тогда бы вся Пустынька гудела бы сейчас от солдат. Лавочник прежде всего разделался бы со мной. Зная меня, он не может не понимать, что за

предательство я бы его из-под земли вытащил. Но что же тогда могло задержать их?»

Недобрые предчувствия овладели киммерийцем. Он выглянул в окно. Луна закатилась на самую макушку небосвода, ночь бледнела, гасли звезды. Ждать дальше не имело смысла. Конан погасил лампу, взял меч и направился к двери. Он всегда принимал быстрые решения, что не единожды спасало ему жизнь. Киммериец решил идти в дом Хазиля и там, на месте, разобраться во всем самому.

Конан неслышно спустился на первый этаж и оказался в огромном питейном зале, где нередко коротал вечера от безделья.

Здесь собирались самые отпетые мошенники во всей Заморе, жестокие убийцы и воры всех мастей, бродяги-нищие и настоящие заправилы преступного мира.

Здесь выпивались реки вина и жеманно хихикали проститутки, вспыхивали бурные ссоры и нередко звенели клинки. В это злочное место городская стража боялась заглядывать и обходила его стороной.

Зал еще хранил запахи вчерашнего пира, что закатил здесь Одноглазый Басилис — знаменитый на всю Замору грабитель. Некоторые перебравшие гости так и остались на своих местах и сейчас мирно похрапывали во сне.

Но расторопный Абулетес, хозяин постоялого двора, был уже на ногах и старой замызганной ветошкой протирал залитые вином столы. Конан готов был поклясться, что сердобольный хозяин

уже собрал кошельки у припозднившихся кутил и поэтому сейчас пребывал в добром состоянии духа и что-то сипловато напевал себе под нос.

При появлении киммерийца он вопросительно вскинул бровь и застыл с мокрой тряпкой в руках, словно суслик-сиротка в степи.

Конан кивнул ему в знак приветствия и, не останавливаясь, вышел на улицу.

Свежий предрассветный ветерок дохнул на Конана прохладой, принеся наконец облегчение страдавшемуся в эту душную ночь телу.

Но вместе с облегчением он принес запах помоев и нечистот, заполнивший все улицы Пустыньки. Варвар брезгливо поморщился и ступил на липкую от грязи мостовую. Сонный город еще тонул в полумраке, лишь тонкая серенькая полоска на востоке свидетельствовала о робком пробуждении нового дня.

Конан пересек улицу, стараясь не наступить на смердящие кучи отбросов и снующих меж ними крыс, обогнул бакалейную лавку, и быстрым шагом направился к южным воротам города. Варвар бесшумно двигался вдоль глинобитных стен домов, оставаясь все время в тени. Но в эту слишком раннюю пору город еще крепко спал, и ни одна заблудшая душа не встретилась ему на пути. Он миновал квартал притонов, одним прыжком перемахнул обмелевший канал с вонючей жижей, блестящей на дне, и оказался в самом грязном уголке Шадизара, которое именовалось заморийцами, не иначе как Скотный Двор.

Здесь, вдали от сказочных дворцов, садов и фонтанов столицы, ютилась городская беднота. Убогие лачуги, собранные из любого попавшегося под руку материала, плотно теснились вдоль узких улочек, будто обессилившие в неволе узники, поддерживающие друг друга за плечи. Киммериец усмехнулся — толкни один из них, и вслед за ним повалятся остальные. Нередкие пожары или ураганы, пронесившиеся над Заморой, начисто уничтожали весь Скотный Двор, но всякий раз он возрождался вновь и вновь с вызывающей симпатию варвара жаждой жизни.

В эти трущобы чиновники приходили лишь в пору сбора налогов в сопровождении целой армии до зубов вооруженных солдат, но находили тут немногих — попробуй отыскать блоху в тигриной шкуре. Обитатели Двора научились так ловко прятаться, что сборщикам налогов частенько приходилось возвращаться ни с чем, довольствуясь лишь жалкими грошами, что удавалось выбить у тех, кого они отлавливали чудом.

В годы голода и повальных моров Скотный Двор превращался в настоящее бунтарское гнездо. Именно здесь вспыхивали все знаменитые в Заморе мятежи и восстания, подтачивающие власть правителя.

«Любой владыка Шадизара происходит из пастих, — шутили горожане. — Ведь не было еще среди них такого, кто хотя бы раз не чистил Скотный Двор.»

Пройдя знакомыми переулками, ориентируясь в темноте, словно кошка, киммериец вышел

к пустырю, служившему для всего Шадизара городской свалкой.

Вот и дом горшечника Хазиля, если, конечно, этот ветхий сарай можно было признать пригодным для жилья.

Конан остановился недалеко и внимательно осмотрелся вокруг. Дом был неосвещен.

Озорной ветерок раскачивал над дверью тряпичный треугольный флажок с выцветшим изображением гончарного круга — знаком принадлежности хозяина к гильдии мастеров.

Внешне все было как обычно, и все-таки что-то здесь Конану не понравилось.

Какое-то звериное варварское чутье заставило его насторожиться и настойчиво убеждало поскорее уносить ноги.

Несколько долгих мгновений киммериец яростно боролся с собой, и наконец вышел победителем из этой схватки. Он привык доводить свои дела до конца.

Конан вытащил меч, придавший ему больше уверенности, и крадучись направился к дому.

Шагов через десять он неожиданно наткнулся на мертвеца. Худшие опасения варвара вспыхнули с новой силой.

Человек в темном плаще лежал ничком, уткнувшись лицом прямо в уличную грязь. Конан осторожно перевернул труп на спину. Тело уже окоченело.

Это был мужчина лет сорока с небольшим. Широкоскулое и плоское лицо его с налипшей коркой грязи, иссеченное тонкой паутиной дав-

нишних белесых шрамов, не было лицом заморийца.

«Один из иноземцев,— подумал Конан.— Должно быть, он стоял здесь на страже...»

Смерть застала беднягу врасплох.

Невзирая на бледность и грязь, лицо несчастного было сплошь испещрено синюшными пятнами, остекленевшие, широко распахнутые глаза буквально вылезли из орбит, будто бедолага был задушен. Но никаких иных следов насилия или борьбы Конан на теле не нашел.

Все это очень не понравилось киммерийцу. Он оставил незнакомца лежать на улице и осторожно приблизился к дому. Прислушался... Тишина, но не сонная ночная тишина, а такая, что вдруг воцаряется после пронесшейся бури.

Дверь оказалась незаперта. Конан мечом приоткрыл ее и осмотрелся с порога.

Все было на привычных местах — никаких следов погрома или яростной схватки. Впрочем, вспомнив труп человека на улице, киммериец и не ожидал увидеть здесь последствия отчаянной битвы.

Он проскользнул в небольшую прихожую, одновременно служившую хозяевам кухней, и снова замер, настороженно прислушиваясь к пронзительной тишине.

По-прежнему все было тихо. Только мыши шуршали у него под ногами в гнилой соломенной подстилке.

Следующая каморка служила обычно ему местом встреч. Конан, не задумываясь, вошел в

эту комнату, задев плечом дверной косяк, и почувствовал здесь запах смерти.

В комнате царил непроглядная темнота.

Где-то на стене справа должна быть полка: Хазиль всегда держал там свечи про запас.

Конан нашарил рукой совсем крохотный огарок. Еще мгновение ушло на то, чтобы высечь огонь из кресала.

Наконец фитилек занялся, и крохотный язычок пламени заплясал в ладонях киммерийца.

Конан дал огню разгореться поярче, прежде чем поднял свечу повыше и осмотрелся кругом. Невольный стон вырвался из груди варвара.

Посреди комнаты стоял широкий стол, за которым неподвижно сидело трое мертвецов. Двое, одним из которых был Кабал, второго Конан не знал, но судя по одежам, иноземец, склонили головы на стол, будто охмелев от вина. Третьим был Фарзих.

Он откинулся на спинку стула, запрокинув голову, будто смерть застала его в бурном приступе смеха.

Озорная улыбка, что всегда была спутницей воришки при жизни, не рассталась с ним и после смерти. Только знакомые уже иссиня-черные пятна обезобразили его насмешливое лицо.

Конан закусил губу, закипая от приступа гнева. Друзья его были убиты таинственным образом, и, судя по всему, сделка сорвалась.

Он долго стоял неподвижно. Грудь его тяжело вздымалась и опадала, будто гигант боролся с какой-то неведомой силой, терзающей его из

нутри, пока свеча в руках совсем не догорела и гаснущий фитилек не обжег пальцы.

На дворе уже рассвело. Восходящее солнце бесстыдно лезло в дом сквозь прорехи просевшей крыши и щели стен. Конан очнулся от оцепенения и, пройдя через комнату, распахнул небольшое окошко под самым потолком.

Сперва киммериец тщательно осмотрел и обыскал убитых, но кто-то это уже сделал до него, поэтому он не нашел ничего — ни изумруда, ни золота. Конан опустился на корточки и внимательно изучил следы на глиняном полу, оставленные грязными подошвами дюжиной ног.

Помимо отпечатков сапог убитых и шаркающих следов сандалий стариков-хозяев, до Конана здесь побывал лишь один человек. Он был обут в добротные туфли из дорогой туранской кожи и, судя по отпечаткам, был очень старым человеком. То, что он действовал в одиночку, свидетельствовало о его абсолютной уверенности в собственных силах и безнаказанности в содеянном. Но более всего непонятным оставался избранный убийцей способ умерщвления своих жертв. Киммериец припомнил, что где-то уже раньше слышал о воинах-тенях, избравших убийство своим ремеслом. В их арсенале, по слухам, был какой-то порошок, вызывающий у жертв столбняк. Получалось похоже, но все же многое здесь оставалось неясным. Жаль, что ближайшего друга Конана, бродяги Ши Шелама сейчас не было в городе, он мог бы дать ему мудрый совет. А так все придется решать самому.

Закончив осмотр этой комнаты, Конан заглянул в соседнюю, служившую хозяевам спальней, отгороженную простой тростниковой ширмой. Он был готов встретить там ту же ужасающую картину, но увиденное в спальне потрясло варвара еще больше.

Хазиль и его старуха — Конан даже не знал ее имени — как сломанные куклы, валялись на полу, убитые тем же способом. Невысокое, сколоченное из неотесанных досок ложе было сдвинуто с места, как будто неизвестный что-то искал под ним. Постель и солому, устилавшую пол, перетряхнули вверх дном.

Злодей застал стариков в постели и не убил их сразу. По-видимому, они еще не спали... Вот здесь он стоял, где солома примята.

Стоял и хладнокровно размышлял, как ему поступить, пока старики валялись у него в ногах, умоляя о пощаде. Несмотря на мольбы, он решил свидетелей не оставлять и безжалостно расправился с обоими. Конан ясно представил себе эту сцену и заскрежетал зубами от бессильной ярости.

Но вот что он мог здесь искать, кроме мышинного помета, да и нашел ли?

Киммериец опустился на пол и рукой смахнул солому с того места, где стоял ночной убийца.

Открылась трещина в глине и круглое отверстие крохотной мышьиной норки. Конан нагнулся пониже и одним глазом заглянул в нору. Там что-то застряло, какая-то безделушка, блеснув-

шая благородным серебром под вопросительным взглядом киммерийца.

Конан вставил в трещину острие меча и слегка приналег. Глина отскочила, как битая скорлупа. Еще немного, и в руках варвара оказался миниатюрный ореховый сундучок, обитый серебром.

Он приоткрыл крышечку и почувствовал приятный, щекочущий ноздри запах благовоний.

Так вот что искал убийца — никчемную безделицу. Наверное, он слишком спешил или не особо дорожил этой вещью. Как бы там ни было, теперь ею владел киммериец, и многое из ночных происшествий ему стало ясно.

Он знал эту вещь и видел ее уже несколько раз, да не позднее, чем вчера, Басилис крутил ее у себя перед носом.

— Ну, подлая крыса, ты ответишь за все! — процедил киммериец сквозь зубы и бросился бегом из дома.

Солнце появилось над горизонтом, все еще скрываясь за высокими домами, а в городе уже чувствовалась духота. Но то ли еще будет к полудню.

Город медленно пробуждался. Где-то поблизости задорно горланили петухи, передразнивая унылые песнопения жрецов на крышах храмов. Хлопали ставни и двери. В соседнем доме надрывался оголодавший за ночь осел, слышалась неразборчивая ругань хозяина несчастного животного и плач разбуженного младенца. Какая-то женщина в одной длиннополой рубашке выгля-

нула на двор и выплеснула на улицу содержимое ночного горшка.

У тела чужеземца в переулке уже копалась целая свора облезлых псов.

Конан лишь краешком глаза успел заметить все эти детали, бегом направляясь к Пустыньке. Собаки испуганно шарахнулись в стороны, поджимая хвосты, когда киммериец вихрем промчался мимо. Сейчас варвар был похож на беспощадного демона мщения. Внутри его бушевала ярость и гнев.

Басилис обокрал его! Убил друзей и беззащитных стариков и должен был сполна расплатиться за это. Конан не знал еще, что будет делать, но и не слишком утруждал себя этой мыслью. Его меч при нем — смерть всякому, кто только посмеет встать у него на пути.

Он бежал, петляя по замызганным улочкам, не обращая внимания на липнущую к сапогам грязь, пугая своим видом одиноких прохожих, вжимавшихся в стены и провожающих его тревожными взглядами.

Притон, где заправлял одноглазый Басилис, был киммерийцу хорошо известен и находился там же в Воровском квартале, недалеко от постылого двора, где обосновался сам Конан. Он был там не раз... — как гость. Варвар, как умел, старался ладить с воровской братией — сам в чужие дела не лез, но и свои не поверял никому, тяжелым кулаком отбивая на то охоту у всякого выскочки. По его понятиям — жили мирно... До этого случая...

Сейчас Конан был полон решимости проучить негодяя-стигийца, посмевшего перебежать ему дорогу.

И пусть при этом прольются реки крови, их чистота вполне удовлетворит его задетую честь.

К тому же предательская смерть товарищей взывала к благородному мщению. Он вернет Басилису этот долг и вытрясет из стигийца золото, которое принадлежит ему по праву.

Вот замелькали знакомые дома Пустыньки — бесконечная череда постоялых дворов, питейных заведений и притонов с яркими, кричащими вывесками, для того только и существующих, чтобы люди могли оставлять здесь свои деньги.

Конан остановился напротив двухэтажной таверны, обшарпанного, давно вызывающего о ремонте здания с вычурной надписью «Золотой Мул». Здесь жил Басилис и его громилы. За этими стенами хитрый стигиец замышлял свои подлые дела, гремевшие на весь Шадизар. Не переходя улицы, киммериец быстро осмотрелся по сторонам.

На углу соседнего дома маячила одинокая фигура какого-то бродяги, изображающего побитую нищету, но Конан знал, что это один из людей Одноглазого.

Таких соглядатаев у него полно в городе. Бродяга заметил киммерийца, узнал, и приветливо помахал рукой, будто старому приятелю.

Конан, все еще пламенея от гнева, наморщил лоб — либо этот пройдоха слишком мелкая рыбешка и ничего не знает о делах своего господи-

на, либо киммерийца тут ждали, и за дверью таверны прячется вооруженная шайка Басилиса.

«Сейчас пойду туда и все узнаю», — призвал себя к действию Конан и уверенным шагом направился к дверям «Золотого Мула».

Перешагнув порог, киммериец оказался в просторном зале. На кухне уже суежилась прислуга, гремела посуда — готовился завтрак для постояльцев. Зал был пуст, не считая двух дюжих молодцов — верзилы заморийца и неуклюжего толстого офирца, удобно расположившихся за угренным кувшином вина, недалеко от лестницы, ведущей на второй этаж, где находились апартаменты Басилиса.

Как по команде, две пары глаз вопросительно обратились к киммерийцу, рука одного так и застыла, не донеся до рта стакан с вином. Конан раньше их не встречал, но на всякий случай дружески кивнул громилам и уверенным шагом направился напрямик к лестнице.

— Эй, киммериец! Если ты к Басилису, то тебе придется подождать, — окрикнул его заморийец со свернутым набок носом, поднимаясь из-за стола. — Хозяин вчера слегка перебрал и будет дрыхнуть до полудня. — Долговязый изобразил на лице подобие дружеской улыбки.

— У меня слишком срочное дело, чтобы ждать до полудня, — бросил Конан через плечо, не сбавляя шага.

Верзила оказался на удивление проворным. В два шага он пересек расстояние, отделявшее его от лестницы, заступив дорогу варвару.

— Нет, так нельзя. Тебе придется уступить, ким...— завел было он свою песню сначала, но не успел договорить — железный кулак Конана загнал слова обратно в глотку вместе с передними зубами, и долговязый со стоном осел на ступени.

Приятель его вскрикнул от удивления, выхватил туранский меч и смело бросился на киммерийца.

Ему бы, дураку, сперва на помощь кого позвать

Конан присел, уходя от удара, нацеленного ему в голову, и, схватив разбойника руками за пояс, легко оторвал от пола. В следующий миг он с кривой усмешкой на лице наблюдал за красивым полетом незадачливого офирца.

На шум борьбы из кухни высыпала целая толпа повзоров и служек, вооруженных чем придется.

Конан окинул их презрительным взглядом и, обнажив свой двуручный клинок, с угрожающим видом двинулся вперед.

Угроза тут же возымела действие. Прислуга, бросая свое нехитрое оружие, с готовностью бросилась бежать, гомоня, как крикливая стая ворон.

Конан слегка пожалел, что драки не вышло, повернулся спиной к беглецам и пошел вверх по ступеням.

На середине лестничного марша он столкнулся с тремя громилами, видимо, только что покинувшими свои постели. Помятые лица со следами вчерашней пирушки, позеленели от ужаса

при виде могучей фигуры стремительно надвигающегося на них киммерийца.

Движения их были вялы и неточны, в то время как Конан двигался с быстротой дикой кошки.

Пролилась первая кровь. Двое рухнули на ступени и покатились вниз. Последнему удалось бежать, вопя так, словно за ним гналась стая бешенных псов. Конан позволил ему скрыться.

Широкими шагами он шел по длинному коридору, куда с обеих сторон выходили двери жилых покоев.

Комнаты Басилиса находились в самом конце, там, где коридор поворачивал направо.

На ходу киммериец заметил, что одна из дверей рядом с ним приоткрылась и, не задумываясь, вернул ее на место тяжелым ударом ноги. Из-за двери послышался сдавленный стон, перешедший в жалобное поскуливание.

Поворот коридора...

Конан едва успел отпрыгнуть, чудом избежав коварного удара, отступив перед человеком заступившим ему дорогу. Маленький человек, едва достававший до груди киммерийца, хрупкий, даже женственный с виду, но воин в движениях и поступках, беззлобно взирал на варвара снизу вверх. Широкий аквилонский меч был опущен к полу и казался совершенно безопасным в слабых руках этого коротышки.

Но Конан знал, что впечатление это обманчиво; многие, кто так считал, теперь горько о том сожалели, если вообще были живы.

Звали его Малик — правая рука самого Басилиса. Он, как и хозяин, был родом из Стигии, и весь Шадизар знал стигийца как непревзойденного мечника и человека, тонко разбирающегося в вопросах женской красоты.

— Рад, что не задел тебя, киммериец,— миролюбиво заговорил Малик.— Было бы жаль убивать такого бойца.

— Не думаю, что в этом есть твоя заслуга,— не слишком приветливо откликнулся Конан.— Уйди с дороги, Малик, мне надо поговорить с Басилисом.

— Решительно невозможно,— стигиец картинно всплеснул руками.— Счастлив был бы тебе помочь, но, к сожалению, хозяин спит и приказал никого к себе не пускать. Если хочешь, можешь поговорить со мной. Когда Басилис проснется, я передам ему твое дело, а уж он потом сам решит, стоит ли встречаться с тобой. Или, если желаешь, у нас есть другой вариант...— стигиец демонстративно повел мечом и лукаво улыбнулся.

— Мое дело не терпит отлагательств,— спокойно ответил Конан.— Ты не оставил мне выбора, Малик. Защищайся!

Конан, словно вихрь, набросился на коротышку, обрушив на него ураган сокрушительных ударов. Под яростным напором киммерийца улыбка мигом слетела с лица Малика, и маленький стигиец отступил, прижимаясь спиной к стене. Он ловко отводил удары, но атака Конана была так стремительна, что перейти от обороны

к решительным действиям Малик не имел ни малейшей возможности. Однако и Конан, по праву считавшийся в воровском мире одним из самых умелых бойцов, столкнулся с непреодолимым препятствием.

Мечи мелькали в пляске смерти, и бисеринки пота в изобилии осыпали лица воинов. Оба обладали отменной реакцией и не уступали друг другу в искусстве битвы.

Но киммериец оказался намного сильнее и выносливее своего противника. Скоро Малик стал заметно уставать. Каждый направленный на него выпад он отражал с болезненной гримасой на лице. Наконец аквилонский клинок со звоном вылетел из его ослабевших, влажных от пота рук. Конан, тяжело дыша, горой возвышался над поникшим стигийцем.

— Ты победил, киммериец,— прохрипел Малик.— Избавь же меня от позора, прикончи скорее.

— Твой позор — ерунда, по сравнению с подлостью твоего господина. Веди меня к нему,— беззлобно бросил Конан, для убедительности подтолкнув стигийца кончиком меча.

Покорный судьбе Малик неохотно распахнул перед киммерийцем двустворчатую дверь и первым шагнул в спальню Басилиса. Конан не отставал ни на шаг.

Пройдя под тяжелыми шторами зеленого бархата со свисающими гроздьями золотых кистей, Конан вслед за Маликом попал в просторную светлую комнату, в центре которой, занимая

чуть ли не все помещение, располагалось высокое ложе, заваленное белоснежными шелковыми подушками.

У подножия кровати стоял поднос с аппетитными спелыми фруктами и чеканный кувшин с длинным горлом. В глубине постели сладко спал Басилис, обняв рукой обнаженную женщину с длинными вьющимися волосами редкого в Заморе соломенного цвета. Губы стигийца вздрагивали во сне. Еще одна девица, уроженка Хаурана, сидела на постели, кутаясь в покрывало, и испуганными глазами дикой серны следила за киммерийцем. Видимо, шум драки и звон оружия напугал ее, но разбудить своего господина рабыня не решалась.

Конан с нескрываемым удовольствием рассматривал девушек, отдавая должное изысканному вкусу стигийца. Под пристальным взглядом киммерийца вторая девица сладко потянулась во сне и приоткрыла глаза. При виде варвара с обгаренным кровью мечом в руках, томная улыбка тут же исчезла с ее лица, и девушка резко подскочила на месте, прикрывая руками глаза. Кивком головы Конан отдал приказ, и обе женщины с готовностью скользнули прочь из спальни.

Киммериец подошел к постели и рывком сдернул со стигийца простыню. Басилис что-то обиженно пробурчал и перевернулся на другой бок. Протянув руку, Конан сжал пальцы на горле стигийца. Тот сдавленно захрипел и беспомощно замолотил руками по смятой постели.

— Хочешь что-то сказать? — поинтересовался киммериец, слегка ослабив хватку.

— Конан... мы же были друзьями, — еле выдавил одноглазый.

— Правильно, были. Пока ты, жалкий ублюдок, не взял мое золото, — бросил варвар ему в лицо.

— Я не понимаю, о чем ты! — взревел Басилис, предприняв яростную попытку освободиться от захвата.

Он был немислимо силен, и отчаяние придавало ему мужества, так что киммерийцу пришлось потрудиться, чтобы удержать его на месте. Поняв, что сопротивляться бессмысленно, Басилис смирился со своим положением и притих. Конан разжал пальцы, но оставался настороже.

— Я не понимаю, о чем идет речь, — жалобно заскулил стигиец. — Объясни же, что все это значит?!

— Где мое золото? — угрожающе процедил киммериец и в двух словах разъяснил свой вопрос, подкрепив рассказ увесистой оплеухой, отчего одноглазый кубарем полетел с постели.

— Не брал я твое золото! Боги мне будут свидетели! — вопил Басилис, на четвереньках прытко отползая от подступающего к нему киммерийца.

— Врешь, собака! Я нашел там вот это! — Конан достал из-за пояса посеребренную коробочку и сунул под нос стигийцу.

— Это не моя! Клянусь! — визгливо заорал Басилис. — Я тебе докажу, докажу!

Он бросился к своему халату, валявшемуся скомканным на полу и стал яростно перетряхивать содержимое карманов.

— Я докажу, докажу...— приговаривал он.— О, Сет, где же она?! А, вот! Смотри, вот моя!

Басилис бросился к киммерийцу, с торжествующим видом протягивая на раскрытой ладони ореховую безделушку, точное подобие той, что держал в руках Конан.

— Ну что, убедил я тебя! Говорил же тебе, не брал я твое золото! — возбужденно подпрыгивая, вопил Басилис.

Конан молча сравнивал две вещицы, не обращая на него внимания. Наконец он произнес:

— Они очень похожи.

— Еще бы, кхитайцы продают их сотнями.

— Возможно, я ошибся, Басилис. Кажется, я убил двух твоих людей и вышиб зубы еще одному. Скажи, сколько это будет стоить, и я заплачу тебе вдвое,— миролюбиво предложил киммериец.

— А, пустяки... Две сотни монет меня вполне устроят. Малик, пусть принесут нам вина,— Басилис запахнувшись в халат и, успокоившись, присел на краешек просторного ложа.— А много золота пропало?

Конан назвал сумму. Стигиец аж подпрыгнул на месте и потрясенно зацокал языком.

— Теперь я тебя понимаю и не могу ни в чем винить. Да... за такие деньги жизнь отдать не жалко! — Басилис вздохнул еще раз, порадовавшись, что Конан в приступе гнева сразу не свер-

нул ему шею, что сам он на его месте сделал бы не задумываясь.

Вошел слуга, принес вино, разлил его по кубкам и передал в руки Конана и стигийца.

— Что же ты теперь собираешься делать? — с живым участием поинтересовался одноглазый.

— Еще не знаю... Буду искать похитителей,— отрешенно откликнулся варвар и залпом осушил свой кубок.

Басилис помолчал, задумчиво почесывая подбородок, затем лицо его прояснилось, и он, порывисто обернулся к киммерийцу.

— Послушай, Конан. В знак нашей дружбы, позволь мне дать тебе совет,— все еще с трудом веря в свое чудесное спасение, воскликнул Басилис.

Конан вопросительно взглянул на стигийца.

— На улице Ткачей живет один кудесник, его зовут Газим. Сходи к нему с этой коробкой, и он за пару золотых узнает с помощью заклятий, кто ее хозяин,— сияя от гордости за удачную идею, доверительно сообщил одноглазый.

Конан взвесил его слова и решительно направился к двери. На пороге он задержался и на мгновение обернулся.

— Спасибо за совет, Басилис. Когда я верну свое золото, то клянусь, не забуду тебя,— бросил варвар и с этими словами вышел из спальни.

Очутившись на улице, Конан даже зажмурился от нестерпимо яркого света. Солнце уже высоко висело над городом, и тучи мух кружились над мостовой, привлеченные запахом разлагаю-

щихся помоев. Степенные горожане неторопливо брели по своим делам. Мимо киммерийца четверо чернокожих рабов пронесли паланкин, и варвар успел поймать мимолетный взгляд женских глаз, блеснувших за кружевной занавеской. Двое стражников проволокли на веревке какого-то несчастного бродягу. Громко вопили лотошники, продавая орехи и сласти. С неприступным видом верхом на осле проехал толстый жрец, возвращаясь в свой храм после визита к ночным красавицам. Шадизар пробуждался от сна.

Улица Ткачей находилась на окраине Пустыньки рядом с Висельной площадью. Там селились зажиточные горожане, не те богачи, что предпочитали спокойную жизнь в центре города, а ремесленники и мастера, кто сумел сколотить состояние, денно и ночью надрываясь за работой. Конан спросил у пробежавшего мимо мальчишки дом чародея Газима, и тот за медную монетку с готовностью проводил его до самого порога.

Киммериец постучал бронзовым молоточком в тесовую дверь и долго ждал, пока она, наконец, не открылась. Старая сморщенная старуха бесцветными глазами уставилась на него.

— Мне нужен маг Газим, он дома?

— Дома. Где же ему еще быть. Входите, господин.— Старуха посторонилась, пропуская Конана вперед.— В последней комнате его и найдете.

Киммериец прошел вглубь дома и после недолгих блужданий по многочисленным коридо-

рам нашел наконец мага в его мастерской, занятого какой-то работой.

Кудесник — совсем еще юноша, наверняка из недавно посвященных, сразу не понравился Конану. Он был уже лыс с острым шишковатым черепом. Жадные бегающие глазки так и шарили по карманам киммерийца.

Маг суетливо рассказывал по комнате, пока варвар излагал ему суть дела, и от нетерпения потирал руки.

— Вот эта коробка... Сколько ты возьмешь за работу? — закончил Конан рассказ.

— Всего двенадцать золотых, мой господин,— с заискивающей улыбкой торопливо откликнулся Газим и заплясал вокруг табурета, на котором сидел киммериец.

— Двенадцать?! — Конан вскинул бровь.— Но Басилис говорил мне о двух.

— Тяжелые времена, господин,— залебезил, испугавшись потерять клиента, чародей.— На все поднялись цены, но я готов уступить тебе две монеты.

— Ладно. Держи свои деньги и назови мне имя человека, владельца этой проклятой коробки.

Конан даже не успел заметить, как золото исчезло в складках туники мага. Лицо Газима просияло от счастья.

— Не так все просто, господин. Здесь нужны особые приготовления. Оставь мне вещь, зайди за ней завтра с утра, и я скажу тебе имя ее прежнего владельца.

— А нельзя ли побыстрее,— досадливо скривился киммериец, уже жалея, что связался с этим проходимцем. Ему-то казалось, что дело тут совсем пустяковое.

Но маг заверил, что сделать эту работу быстрее будет решительно невозможно, и пустился в долгие рассуждения по поводу сложности задачи. Конан ничего не понял из его объяснений, но поверил кудеснику на слово.

Покинув дом Газима, он бесцельно побродил по городу и вернулся на постоянный двор. Заказал себе в комнату вина и мяса, ушел наверх и там взаперти провел весь день и ночь, в ожидании утра.

Чуть только рассвело, он был уже у дома Газима. На долгий требовательный стук ему никто не ответил. Конан осторожно потянул за железное кольцо, и неожиданно легко дверь открылась. Из глубины дома потянуло запахом гари. Что ж, пожары — дело обычное, и киммериец не нашел в этом повода для беспокойства, но все же непонятная тревога навалилась на варвара.

Конан негромко окликнул хозяина, но не получил никого ответа. Тогда он прошел внутрь дома и побрел чередой коридоров, ориентируясь на источник запаха. Чем дальше шел киммериец, тем тверже убеждался, что пожар случился как раз в рабочих комнатах Газима. Дверь в мастерскую мага куда-то исчезла вместе с косяком. Сам кабинет, почерневший от гари и копоти, являл собой настоящее поле боя, как будто здесь пронеслась орда диких пиктов. Все, что могло

гореть, исчезло в пламени пожара, многочисленные плошки, кувшины и горшки устилали пол сплошным ковром из глиняных черепков. Не уцелело ничего. Киммериец не сразу заметил Газима. Маг так ужасно обгорел, что превратился в черную головешку. Одежда его истлела, и все тело покрывали страшные ожоги. Он сидел на полу, бессильно прислонясь спиной к стене, и если бы он не открыл глаза, загоревшиеся на обожженном лице двумя белыми пятнами, то Конан его бы и не нашел.

Газим с укором посмотрел на киммерийца и слабо пошевелил потрескавшимися, кровоточащими губами. Конан приблизился и присел рядом, силясь разобрать хотя бы слово. Но понять мага было невозможно.

Газим совсем обессилел и обезумел от боли. Жить ему оставалось недолго, и Конан стал действовать быстро и решительно.

Отправившись на кухню, он перерыл всю кладовку и там, среди кувшинов с оливковым маслом нашел запечатанную баклагу превосходного аквилонского вина. С этой находкой вернулся к умирающему, отбил горлышко фляги и осторожно влил несколько капель в приоткрытый рот чародея. Газим не сразу почувствовал вкус вина, ожоги его были так глубоки, что превратили небо и язык в сплошную кровоточащую язву.

Конан терпеливо вливал ему в рот каплю за каплей, пока баклага не опустела на четверть. Наконец вино добралось до неповрежденных тканей и возымело свое действие.

Газим открыл глаза и встретился с напряженным взглядом киммерийца.

— Из-за тебя... — прошелестели его полумертвые губы.

— Кто здесь был? — беспощадно спросил Конан, приблизив ухо к самым устами чародея.

— Огненный демон... — выдавил Газим и надолго замолчал, только тяжелое прерывистое дыхание говорило о том, что он все еще жив.

— Ты узнал имя человека? — Конан был непреклонен.

— Амалес... демон — его работа. Он нашел меня... Почувствовал заклинание. Я справился... Это нечестно... всего десять золотых... Вот, возьми...

Конан проследил за взглядом Газима. Маг, не в силах пошевелить рукой, разжал пальцы — его ладонь сжимала злополучную ореховую безделушку.

Конан спрятал ее в карман и поднялся на ноги.

— Ты честный человек, Газим, хоть и маг. Если это тебя утешит, то, клянусь жезлом Митры, смерть твоя не сойдет с рук Амалесу... — Киммериец хотел еще что-то добавить, но заметил, что маг его больше не слышит — душа несчастного отошла в небесные чертоги Бога Света.

Конан покинул дом Газима и медленно побрел по улице.

Итак, Амалес. Имя этого чародея было на устах всей Заморы. Звезда его внезапно появилась на небосводе и вспыхнула с такой неисто-

вой силой, что свет ее был замечен даже в самых глухих трущобах Скотного Двора. Новый придворный маг был фигурой деятельной и выдающейся. Его боялись все: от нищих побирушек до старших военачальников и верховных жрецов.

Он жаждал славы и власти, и в короткий срок получил то и другое, став главным советником и доверенным лицом правителя во всех делах государства. И хотя многим это пришлось не по душе, но никто не хотел связываться с придворным чародеем, ибо всем было хорошо известно, как расправлялся тот со своими завистниками и недоброжелателями. Теперь все вставало на свои места — разумеется, бойня в доме Хазиля была делом рук искушенного мага. Такая куча золота распалила бы алчность любого человека, будь то разбойник или чародей — в этом Конан не сомневался. Но как Амалес узнал о сделке, киммериец понять не мог, однако собрался выяснить в ближайшее время.

Незаметно для себя самого, ноги привели киммерийца в центральную часть города. Сюда не проникал тяжелый дух окраин. Улицы были чисты и опрятны, в каналах спокойно текла прозрачная, хрустальная вода. Умиротворенно журчали фонтаны в ореолах радужных брызг. Дворцы и роскошные дома за высокими неприступными стенами прятались в густой зелени садов и парков. Многочисленные стражники на улицах бдительно следили, чтобы взоры благородных господ не оскорблял вид нищих и бродяг и древками длинных копий гнали отсюда попрошайек.

По мостовым ходили важные вельможи в богатых одеждах и золоте, брели серые вереницы паломников.

Конан уже ловил на себе настороженные недовольные взгляды стражников, но не обращал на них особого внимания. Он знал, что его ищут, но ищут в другой части города. Шпионам правителя и в голову не могло прийти, что у варвара хватит дерзости явиться сюда и спокойно разгуливать по центральным улицам. Одежда Конана, хоть и лишенная лоска, была добротной и чистой, отнюдь не походила на нищенские лохмотья. Гораздо больше беспокоил охранников длинный меч киммерийца — оружие в руках такого гиганта могло лишить покоя кого угодно, и стражникам становилось неуютно при виде праздно слонявшегося у них перед носом варвара. Мирный внешний вид киммерийца их не мог обмануть — ведь никогда не угадаешь заранее, что может выкинуть дикарь.

Улица привела Конана к дому Амалеса — небольшого, скромного на вид особняку, спрятавшегося в глубине тенистого фруктового сада. Известная всем скупость правителя была излюбленной темой для шуток заморийцев. Неудивительно, что маг решил поправить свои дела с помощью золота Конана.

Глухая кирпичная стена окружала сад со всех сторон, но ее Конан как бы не замечал. А вот присутствие двух гвардейцев возле чугунных ворот для себя отметил. Интересно, сколько их еще скрывается за стеной? К тому же Амалес

наверняка окружил свое жилище какими-нибудь магическими ловушками, куда бы угодил любой несведущий человек.

Киммериец обошел дом вокруг и убедился, что смог бы в любом месте перелезть через стену. Но именно эта доступность и настораживала. Конан страшно хотел отомстить и вернуть свое золото, но вовсе не желал рисковать головой.

Скорее всего, в своем доме Амалес чувствует себя, словно в крепости. Здесь не следовало спешить, и киммериец не торопился.

Конан вернулся к воротам, удобно расположился в тени фонтана на противоположной стороне улицы, где толпилось немало народа, и стал, не привлекая к себе внимания, осторожно наблюдать за домом.

Солнце уже высоко поднялось над Шадизором, а в доме Амалеса так ничего и не происходило, будто хозяева его вымерли.

В полдень сменилась стража у входа, а сквозь ворота прошел отряд в двенадцать человек. Конан терпеливо ждал, наслаждаясь прохладой, в то время как весь город изнывал от жары.

И вот в середине дня его терпение было вознаграждено.

В воротах открылась небольшая дверца, и на улицу вышел сам Амалес в сопровождении слуги-шемита в длиннополом халате и чернокожего невольника, несшего огромную корзину на голове. Отдав какие-то распоряжения страже, вся троица неторопливо проследовала вверх по улице, направляясь к базарной площади. Конан по-

кинул свое укрытие и пошел вслед за ними, держа на почтительном расстоянии.

Впереди бежал суетливый шемит, расталкивая зазевавшихся прохожих, следом с неприступным, надменным видом шествовал придворный маг, за спиной которого, словно его тень, маячила высокая чернокожая фигура раба. Амалес был глубоким стариком с выцветшими седыми космами и куцей бородашкой, но на удивление твердой походкой и юношеским блеском черных глаз. Чем ближе они подходили к базару, тем быстрее росла вокруг толпа горожан, и киммериец, оставаясь вне поля зрения чародея, смог приблизиться к нему почти вплотную, так что их разделяло всего пять-шесть шагов.

Базарная площадь, невзирая на жаркий день и непереносимую духоту, гудела от многих сотен голосов. Кричали продавцы, расхваливая свои товары, надсаживая глотки, ругались иноземные купцы и сборщики пошлин, истошно вопили страдающие от зноя ослы.

Встречные потоки людей всякого рода и звания текли меж торговых рядов, постоянно сталкиваясь и задевая друг друга локтями, ругаясь и сквернословя на всех мыслимых языках Хайбории. Ловкие карманники ныряли в толпе, собирая свой урожай. Именно здесь Конан некогда повстречался с Фарзихом, случайно поймав того за руку, когда воришка пытался срезать кошелек киммерийца, но не сдал в лапы стражников, и между киммерийцем и бродягой завязалось подобие дружбы.

Где-то ржали лошади, скрипели огромные колеса, груженных товарами повозок, громко хлопали хлысты погонщиков и работорговцев.

Неистово блеяли овцы в загоне, предчувствуя свой скорый смертный миг. Словно военный корабль, разрезая волны толпы, прошел отряд блюстителей порядка во главе с пожилым командиром, щедрым на зуботычины и пинки.

Человек, попадавший сюда впервые, сразу терялся среди этой суеты, и людская река мотала его, словно щепку по волнам, пока измученного и оглушенного не выплескивала в какую-нибудь тихую гавань, где он тут же становился легкой добычей предсказателей, гадалок и шарлатанов.

Но придворного мага народ обходил стороной. Конечно, его сразу узнали, и по толпе пополз зловещий шепоток. Услужливые торговцы завопили с удвоенной силой, во что бы то ни стало стараясь привлечь внимание столь знатного господина.

Однако Амалес обращал на их вопли внимания ничуть не больше, чем на пыль у себя под ногами. Остановившись перед лавкой с приглянувшимся ему товаром, он кивком головы отдавал приказ, и слуга-шемит тут же летел его выполнять, а уж как умеют торговаться шемиты — известно всем.

Лучшего места для убийства было не найти, и скрыться в толпе не составит труда.

Конан разрывался между жадой отмщения и здравым смыслом, понимая, что так он не вернет себе ни золото, ни изумруд. Пока он раз-

мышлял, Амалес что-то почувствовал и с тревогой закрутил головой по сторонам. Киммериец едва успел спрятаться за крупом стоявшей поблизости лошади.

Маг прочесывал взглядом толпу и все сильнее хмурил брови. Что-то коротко бросив шемиту, он скорым шагом направился к выходу, и только оказавшись за пределами площади, остановился и позволил слугам себя догнать. Потом он отпустил их домой, а сам пешком отправился во дворец. Конан неотступно следовал за ним, став осторожнее в десять раз.

Вблизи дворца слонялось столько солдат, что киммерийцу с трудом удалось проскользнуть незамеченным и при этом не отстать от Амалеса.

Придворный маг совсем недолго пробыл во дворце.

Сегодня правитель Заморы устраивал охоту, и весь двор отправился вместе с ним. Варвар чуть не прозевал Амалеса на обратном пути. Тот воспользовался любезным приглашением государева судьи и вместе с ним в крытой повозке, запряженной парой гнедых жеребцов, поехал к вельможе на ужин.

Уже вечером повозка отвезла чародея домой.

На Шадизар спустилась ночь. Улицы опустели. День ничего не принес киммерийцу, и Конан уже подумывал, в каком месте ему лучше перелезть через стену, как вдруг ворота открылись, и из них появился Амалес верхом на пегом муле.

«Куда бы это он, на ночь глядя?» — задумался киммериец и последовал за магом.

Они прошли улицей Семи Врат, пересекли сады Асира и повернули в сторону городских бань. Амалес вел себя как-то странно, он явно нервничал и с беспокойством оглядывался через плечо, как будто чувствовал, что за ним идет слежка.

Конан, не отставая, шел за ним, держась все время в тени.

Но чем дальше они уходили, тем мрачнее становился варвар. А когда маг остановился и постучал в дверь знакомого дома, сердце Конана заколотилось быстрее, и гнев обуял его с новой силой.

Слишком хорошо киммериец знал этот дом, куда еще в начале лета входил желанным гостем. Свежи были в памяти воспоминания о прекрасной Лии, самой дорогой куртизанке Шадизара.

За ночь, проведенную с нею, знатные мужи города готовы были отдать все сокровища мира, но киммерийцу это счастье доставалось бесплатно.

И все же им суждено было расстаться, однако Конан об этом не жалел. Слишком все у них зашло далеко, и капризная, своенравная Лия решила наложить на него свои нежные, но цепкие руки.

Она хотела, чтобы он принадлежал только ей, но варвар на этот счет был совсем иного мнения. Дело дошло до скандала, который учинила его милая подруга. Конан просто собрался и ушел, не сказав ей ни слова. Говорят, она потом его долго искала, специально наняла людей, но он не пожелал вернуться.

Значит, Амалес тоже посещал этот дом.

Странно, до Конана доходили слухи, что новый Лиин фаворит — Карим, начальник кавалерии. Он молод, богат, знатен родом, сам повелитель к нему благоволил. А этот старый гусь с козлиной бородой, он-то тут что забыл? Вот для чего ему могли понадобиться деньги!

Конан вспомнил те дивные ночи, что провели они с Лией, и понимающе покачал головой. Ее неземная красота была выше любых сокровищ, ею восхищались все состоятельные мужчины Заморы и боготворила неимущая знать.

Слуга открыл Амалесу ворота, взял мула под уздцы и ввел его во двор. Ворота закрылись.

Конан немного подождал, пока луна не скрылась за облаками, и быстро побежал вдоль стены.

Там, где городской парк почти вплотную подступал к дому, стену обвивал старый паук.

Киммериец уже не раз пользовался этой тропой.

Ноги варвара мягко спружинили о землю, и Конан застыл на месте, прислушиваясь к тишине сада. Осторожно, словно гигантская кошка, он двинулся сквозь заросли ухоженных апельсиновых деревьев к восточной стене дома. Окна первого этажа, где находились комнаты слуг и хозяйственные помещения, были затемнены, зато несколько окошек второго этажа — гостиная и спальня — светились мягким золотистым светом, всегда служившим киммерийцу сигналом, что его с нетерпением ждут.

«Сегодня свет горит не для меня, — с легкой грустью подумал Конан. — Амалес уже, наверное, там.»

Дом был сложен из дикого камня, и на углу, по замыслу архитектора, необработанные плиты известняка выступали друг над другом, образуя некое подобие лестницы, которой обычно и пользовался Конан.

Он пересек открытое пространство до стены и уже ухватился руками за импровизированные ступени, как вдруг из-за угла появился человек с пылающим факелом в руке и громадным мохнатым псом на короткой цепи.

Конан резко повернулся лицом к неожиданному противнику, однако меч доставать не спешил.

Собака грозно зарычала и подалась вперед.

— Конан? Ты?! — человек с факелом — громадный замориец, одного с киммерийцем роста и такого же могучего сложения, поднял факел повыше и с растерянным видом смерил варвара пытливым взглядом.

— Здравствуй, Гаджи, — откликнулся Конан с небрежной веселостью в голосе. — Твоя хозяйка дома?

— Да, — машинально ответил слуга.

— Тогда я пошел, поговорим в другой раз. — Киммериец уже был готов возобновить восхождение, но отчаянный окрик Гаджи вернул его на землю.

— погоди! Госпожа не предупреждала о твоём приходе... Она не одна! — В голосе заморийца

смешалась неуверенность и мольба.— Не нужно к ней сейчас ходить.

— А кто у нее? — Конан нахмурил брови и напусти на себя грозный вид.

— Тебя так давно не было,— оживился Гаджи.— Теперь к ней ходят очень важные люди. Я не могу назвать их имена.

— Понимаю... И что же, я должен ждать своей очереди? Какой я буду в списке, второй или десятый? — Конан и в самом деле вскипел от гнева.

— Ну что ты. Для тебя дверь спальни госпожи всегда открыта,— успокоил его Гаджи, не скрывая зависти.— Пойдем, я угощу тебя вином, пока хозяйке не доложат о твоём возвращении. Клянусь сиянием Митры, она будет этому рада.

— Что ж, думаю, ты прав. Пошли пить вино, и, может, я выпытаю из тебя имя человека, занявшего мое место.

— Да, перепить тебя невозможно. Но я буду нем, точно рыба,— рассмеялся Гаджи, чувствуя немалое облегчение.— Идем, Тигр, мы это заслужили,— обратился замориец к собаке, радостно завилявшей хвостом.

Они прошли в небольшую пристройку, служившую конюшней, Гаджи куда-то отвел собаку и вернулся со здоровенным кувшином вина и огромным куском ветчины. Конан вспомнил, что целый день ничего не ел, и искренне обрадовался появлению заморийца.

— Где остальные твои люди? — как бы между прочим поинтересовался он.

— Как всегда, на своих местах,— ответил ничего не подозревающий Гаджи, разливая вино в большие глиняные кружки.— Надо бы высчитать с платы Мансура... Ты перелез со стороны сада?

— Угу...— Конан только и мог утвердительно кивнуть в ответ, энергично уплетая ветчину.

— Хозяйка будет недовольна,— посетовал замориец.— Сегодняшний день полон сюрпризов.

— Ты это о чем?

— Нам было приказано ждать другого, а явился этот... Впрочем, тебе незачем знать. Ты вот тоже точно с неба свалился. Но тебе я рад, рад, как старому другу.

Где-то на улице залаяла собака, и Гаджи поднялся посмотреть, в чем там дело. Конан бесшумно встал следом и, осторожно подкравшись к заморийцу сзади, легонечко ударил его по затылку.

Гаджи без стога рухнул на пол. Киммериец, не теряя времени, быстро связал его по рукам и ногам висевшей тут же на стене конской упряжью, снял с великана пояс и туго замотал ему рот.

Теперь со стороны Гаджи неприятностей можно не ждать, утром его найдут, а пока Конан занялся своими делами.

Он скормил довольному угощением Тигру остатки ветчины, беспрепятственно добрался до угла и в два счета забрался вверх с ловкостью зингарского моряка. Любый мальчишка-киммериец карабкался по деревьям, как кошка, и чувствовал себя в горах, как снежный барс.

Под окнами второго этажа шел небольшой карниз, шириной всего в ладонь, но для Конана он казался не хуже уличной мостовой.

Киммериец прошел вдоль стены пару локтей и осторожно заглянул в ближайшее освещенное окно.

Просторная гостиная, задрапированная шелками и дорогими коврами офирской работы, была пуста. На маленьком столике с ажурно изогнутыми ножками в центре зала стояли два резных рубиновых бокала с недопитым вином, стулья небрежно отставлены в сторону.

Не задерживаясь, Конан проследовал дальше — четвертое по счету окно вело в спальню Лии. Киммериец притаился рядом, прислушался.

— Повторяю, Лия, я лишь хочу получить свои деньги,— раздался раздраженный старческий голос, в котором Конан без труда признал Амалеса.— Ты напрасно стараешься.

— Но, господин мой, умерь свою жадность. Или я недостаточно для тебя хороша? — проворковал чистый девичий голосок, и сердце варвара подпрыгнуло в груди.

Киммериец тихонечко заглянул в окошко и чуть не выругался вслух — плотная занавесь закрывала все окно.

Только в самом низу, край ее зацепился за подоконник, оставив крохотную щелочку. Конан, рискуя упасть в любой момент, присел на карнизе, в душе позавидовав искусству канатоходцев, которых ему довелось видеть в Шадизаре, и так застыл в нелепой и неудобной позе. Сквозь

тоненькую щелочку, он увидел лишь небольшую часть комнаты, край скомканной постели и мужчину в черной до пят тунике, удобно развалившегося в кресле. Вернее даже только его ноги в мягких туфлях из тонкой туранской кожи.

— Ты, кажется, смеешься надо мной? — маг недобро хихикнул.— Госпожа слишком хороша для старика. Умерь же и ты свой страстный пыл, накинь что-нибудь, а то глаза мои начинают слезиться.

Конан не видел Лию, но представил девушку, раскинувшуюся на ложе, и с трудом проглотил комок в горле. А между тем Амалес продолжал:

— Вот так-то лучше... Давай поговорим о деле.

— Чего же ты хочешь, маг? — резко бросила Лия.

Послышалось шуршание шелков.

— Я исполнил все, как мы договорились. Теперь твоя очередь выполнять свою часть уговора,— невозмутимо продолжал старик.

— Ты слишком любишь золото, Амалес,— усмехнулась девица.— Но где же камень, я его не вижу?

— Госпожа моя — неглупая женщина и должна понимать, что ходить по улицам Шадизара с таким сокровищем за пазухой небезопасно.

— Даже такому человеку, как ты? — бросила вызов плутовка.

Чародей проглотил ее шпильку и заговорил, потеряв терпение:

— Камень надежно спрятан в моем доме. Отдай мои деньги, и пусть завтра за ним придет

Карим. Надеюсь, он в курсе твоих дел. Больше я не могу никому доверять.

— Чего ты боишься, кудесник? Ты не солгал мне, Конан мертв? — с нажимом приступила к магу Лия.

— Ты смеешь сомневаться в моих словах, бесстыдница?! — взвился старик, подскочив в кресле. — Мертв твой Конан и вся его шайка, не будь я Амалес Кнесс, великий маг Заморы.

— Что с тобой, мой господин, на тебе нет лица. Вот, выпей вина... Конечно я верю... просто жаль киммерийца.

— Чего теперь жалеть, ведь это был твой план... Он был настоящий дикарь, — сварливо отозвался маг.

— Ты никогда не знал любви, старик, — девушка притворно всхлипнула. — Да, это мой план, моя месть ему за измену. Этот варвар посмел оскорбить меня. Но теперь я люблю Карима. Глаз Митры будет моим ему подарком. Он вернет украденное сокровище правителю и завоеует высшее расположение владыки. И все-таки киммерийца жаль...

— Твоя любовь скоротечна, как жизнь мотылька, госпожа, — с ухмылкой заметил маг. — Но лучше ты не заговаривай мне зубы. Где деньги? Или я немедленно уйду.

Послышались легкие шаги и скрип отпираемой двери.

— Вот, забирай свои грязные деньги... Возьми, они твои! — Туго набитые мешочки один за другим падали на кровать.

— Золото хозяина не выбирает... — буркнул Амалес, резво вскакивая с кресла. — Единственное, что я в толк не возьму, это как ты узнала о камне и где разбойники назначат встречу?

— Вендиец сам мне об этом сказал, уж поверь, я знаю, как заставить разговориться мужчину, — обошительным голосом пропела плутовка. — Я рекомендовала ему Конана, но взяла слово держать дело в тайне. Честность и свела его в могилу. К сожалению, пришлось пожертвовать этим вендийским царьком, а ведь он был так мил...

Конан уже не раз порывался ворваться в комнату и решить все на свой манер.

Осознание чудовищного предательства любимой женщины потрясло душу варвара. Уши его слышали, но разум отказывался верить. И маг, этот ловкий плут, исхитрился получить вдвое больше за камень! Когда в воздухе замелькали пузатые мешочки с золотом, Конан понял, что сейчас самое время поставить точку во всей этой истории.

Как отпущенная пружина, он с мечом в руках влетел в спальню, сорвав занавеску, и схватил мага за горло. Киммериец дал волю своей ярости. Шея старика слабо хрустнула, и голова безвольно запрокинулась набок. Конан отбросил прочь бесчувственное тело Амалеса и, пылая от гнева, повернулся к Лии.

Девушка в белоснежном халате стояла, прижавшись к стене, и расширившимися от страха глазами смотрела на меч киммерийца. Прекрасное лицо с точеными чертами стало пепельного

цвета. Полуоткрытый рот так и не смог издать ни вскрика. Сейчас эти трепетные нежные губы, миндалевидные зеленые глаза и тонкие руки, которые он еще недавно так любил целовать, казались Конану омерзительными. Если бы она закричала, он зарубил бы ее на месте и не испытывал бы ни тени сомнения, но девушка молчала, не в силах справиться с собой.

— Сколько жизней ты погубила, Лия? — стараясь говорить спокойно, спросил киммериец, хотя это далось ему с громадным трудом.

— Конан... — одними губами прошептала красавица и еще несколько раз повторила его имя.

— Да, это я. Ты не рада меня видеть?

— Ты пришел забрать мою душу на Серые Равнины? — с ужасом спросила она.

— Приди в себя, женщина. По-моему, я похож на мертвеца?

— Значит, этот негодяй мне соврал — Лия неприязненно покосилась на коченеющее тело Амалеса, и тут ее прорвало. Горячие слезы брызнули из вспыхнувших глаз, ноги подкосились, и девушка упала на постель, причитая:

— Ты, ты сам во всем виноват! Я любила тебя... я отдала тебе все! А что мне досталось взамен?

— Ты торговала моей жизнью. Разве этого мало? Ты предала меня, Лия. На тебе кровь.

Конан сделал к ней шаг.

— Я любила тебя, любила!

На улице послышался конский храп и дробное цоканье копыт по мостовой.

Женщина, словно ящерица, быстро отползла и забилась в угол, с надеждой прислушиваясь к звукам со двора.

Отряд верховых, не меньше двадцати человек, спешился у порога дома.

— Ждешь своего Карима? — Конан презрительно ухмыльнулся. — Ну, я, пожалуй, подожду с тобой.

— Ты не убьешь меня? Нет? — немного осмелев, спросила она.

Конан не ответил, он не спеша собирал мешки с золотом в холщовую дорожную сумку, что благоразумно принес с собой старый Амалес.

Молчание варвара пугало девушку больше, чем блеск стали в его руках. Она взывала к нему, ломая руки, именами всех небожителей.

Киммериец собрал мешочки и только тогда посмотрел на нее.

На лестнице уже слышались приближающиеся шаги. Дверь в спальню настежь распахнулась, и на пороге появился крепкий, рослый юноша, по виду ровесник Конана, с красивым гордым профилем, украсившим бы монету любого достоинства. Он изумленно обвел взглядом комнату и потянулся к мечу в позолоченных ножнах. Но Конан оказался быстрее. Он поймал руку юноши и заставил вернуть клинок на место. Их глаза встретились — Карим испепелял его ненавидящим взглядом, киммериец смотрел насмешливо, с жалостью.

— Кто ты? — бросил юноша вопрос в лицо варвара.

— Конан,— просто ответил тот.

— Конан? Тот самый Конан, что украл Глаз Митры?! — Карим предпринял отчаянную попытку вырваться. С тем же успехом он мог бороться с пещерным медведем.

— Зачем ты пришел в этот дом, негодай? — сдался наконец юноша.

— Предупредить тебя, что ты связался со змеей.— Конан кивнул в сторону Лии.

— Лия?.. Что все это значит? — Он обратился к киммерийцу пылающий гневом взор.

— Спроси у нее сам. Я сказал все и теперь намерен уйти.

Он отпустил руки юноши и метнулся к окну. Еще мгновение, и Конан растворился в темноте, навсегда исчезнув из жизни Карима и красавицы Лии.

* * *

Еще долго гудел от сплетен Шадизар, потрясенный таинственным исчезновением придворного мага Амалеса. Долго осыпал почестями и ласками владыка Заморы своего верного Карима, который сумел вернуть в сокровищницу изумруд, украденный предателем-чародеем. Но короткой оказалась любовь юного военачальника и куртизанки Лии — пути их круто разошлись и больше никогда не пересекались.

Ледовая сага

Злая изжелта-серая лента горной дороги мелькала под копытами лошадей, звеня ночным ледком на многочисленных лужицах.

Заснеженные вершины сиротливо высились за спиной всадника, позади остался последний пройденный перевал на единственном тракте между Бритунией и Гипербореей, пробитый в западных кезанкийских отрогах еще в незапамятные времена.

Огромного роста всадник, с головой закутанный в плащ и шемский бурнус, безжалостно гнал коней, управляя верховой одними пятками и коленями на туранский манер. Тревожный взор горящих голубых глаз его был устремлен к далекому северному горизонту.

Обе лошади: верховая — тонконогий заморийский иноходец и заводная — более тяжеловесный, широкогрудый бритунский рысак,— выглядели смертельно уставшими, словно бежали всю ночь. Густое облако пара в прозрачном морозном

воздухе раннего утра окутало коней, и удивленным стервятникам, терпеливо следовавшим за ними, с высоты своего полета казалось, что по горному серпантину стремительно катится снежный ком. Внезапно облако распалось, и птицы приветствовали эту остановку радостным клекотом, почуяв скорую поживу. Пока они планировали вниз, медленно сужая круги над белеющим телом павшего иноходца, человек успел переседать рысака и, не оглядываясь, погнал коня вперед.

Всадника звали Конан-киммериец. Он выглядел сильно уставшим, с пепельно-бледным лицом и свинцовыми мешками под глазами, будто не спал уже несколько ночей кряду, как это и было на самом деле, Конан утолял голод, не покидая седла.

Неблизкий путь от Шадизара до гиперборейской границы он проделал всего за четырнадцать дней, загнав не менее дюжины лошадей по дороге в Халогу.

Киммериец очень спешил, и на то у него были весьма основательные причины...

Трясаясь в седле, Конан вспоминал ту почти сказочную ночь на самом дорогом постоялом дворе Шадизара. Он с блаженством сытого кота, утопая в шелковых подушках, нежился на мягких перинах и медленно погружался в сон. Теплый ночной ветерок проникал в распахнутые настежь окна и легкими прикосновениями ласкал его могучее тело. Прекрасная Юлдаза — наложница главного визиря — совсем недавно упорх-

нула из его постели, и Конан с улыбкой думал о ней.

И тут он явственно услышал голос, который, казалось, шел из такого невообразимого далекого далека, что неустрашимое сердце варвара затрепетало от одной только мысли о нем. Черная ночь в золотых россыпях звезд заполнила сознание затаившего дыхание киммерийца, и сильный властный голос обратился к нему из вечности, будто само время зывало из бесконечной пустоты мироздания.

Услышав первые слова, металлом зазвеневшие в голове, Конан ни на миг не усомнился, кто же решил с ним заговорить...

«Иди на север Гипербореи, в Тапио, сын! Дети Младших Богов, безымянных отпрысков Игга, собираются в стаю. Ты должен их остановить, пока еще есть время, но его мало, очень мало! На границе лесов и тундр найди старую норну Унну, она поможет тебе. Но торопись — цена задержки слишком велика!»

Голос резко оборвался, будто кто захлопнул дверь в тот неведомый мир. Конан вскочил, обливаясь холодным потом. Случившееся казалось невероятным — сам Кром-Отец разговаривал с ним!

К рассвету киммерийца уже не было в Шадизаре.

...Конан стряхнул наваждение и подхлестнул усталого коня, который, воспользовавшись отрешенным состоянием своего седока, перешел на размеренный, убаюкивающий шаг.

И вот, не щадя ни себя, ни коней и не жалея золота на их замену, Конан преодолел многие сотни лиг из Заморы до гиперборейской Халогии, куда добрался за двадцать дней непрерывной скачки.

В середине последнего дня он въехал в открытые ворота Халогии, гордо выпрямившись в седле низкорослой гиперборейской лошади, которую купил вчера в Похиолле. Суровые, мрачного вида стражники у ворот проводили странно одетого чужака недобрыми, подозрительными взглядами, но остановить его не пытались.

Город ничуть не изменился с тех давних пор, как помнил его киммериец. Те же серые городские стены из дикого камня, узкие, разбитые бесчисленными колесами и конскими копытами немощенные улочки, утопающие в грязи, покосившиеся дома, брехливые собаки и любопытные взгляды зевак. Знакомой дорогой Конан уверенно направил коня к харчевне «Бурый Бык» недалеко от гладиаторских казарм, намереваясь наконец дать себе краткий отдых.

Он сам позаботился о замученной лошадке и только после этого ступил на порог харчевни.

На миг он задержался в дверях, пока глаза не привыкли к полумраку зала, с удовольствием вдыхая сладковатый запах тепла, свежее испеченного хлеба и душистый пивной аромат. Народу в зале было много, преимущественно воинов — разноплеменных наемников со всех сторон Хайбории — громкоголосое, веселое сборище, готовое с одинаковым удовольствием заливать в себя

пиво или звенеть мечами на бранных полях. Конан шумно потянул носом трактирный дух, сразу почувствовав себя в родной стихии, и ни на кого не глядя, направился к пустующему столику в центре зала.

На нового гостя почти никто не обратил внимания, за исключением зорких хозяек заведения, ужасно располневших с годами сестер — Амалофриды и Амалазунты, без устали обслуживающих своих нетерпеливых клиентов.

Старшая толкнула сестрицу в бок, и через несколько мгновений Амалазунта появилась перед киммерийцем с пенной кружкой в руках. В жарко натопленном зале Конан скинул с себя бурнус и теперь с непокорной черной шевелюрой и пронзительным взглядом орлиных глаз, в меховой куртке-безрукавке поверх распахнутой кожаной рубашки, какие обычно носят под панцирем туранские конные латники, уже больше походил на себя самого. Во всяком случае, Амалазунта сразу определили, откуда он родом.

— Привет тебе, киммериец, — любезно обратилась к нему хозяйка, поставив кружку на стол. — Эта за счет заведения, но если хочешь еще — только позови.

— Незачем откладывать, Амалазунта, — ответил Конан. — Все самое лучшее и побольше.

— Я знаю тебя? — женщина пристально посмотрела ему в глаза.

— Разве это имеет значение? — Конан брякнул на стол пару серебряных монет заморийской чеканки и заговорщически подмигнул хозяйке.

Если ты поторопишься, я добавлю к ним еще одну.

Немного обиженная, женщина молча взяла монеты и, не задавая лишних вопросов, ушла на кухню. Вскоре киммериец получил то, чего так давно жаждала его душа и желудок, и с нескрываемым наслаждением впился зубами в сочный бараний бок.

Он ел, с интересом наблюдая за состязанием, которое развернулось за длинным столом прямо напротив него. Какой-то тощий плюгавый хвастунишка, совсем еще желторотый юнец, поспорил с бородатым саженым в плечах асиром, что победит любого на руках. Их разговор услышали соседи, и тут же завертелась карусель. Нашлись свидетели и судьи из числа вояк, всегда охочих до веселых зрелищ и забав, задвигались столы и лавки.

Противники сели друг против друга, сцепив в железной хватке кисти рук. Судья грохнул кружкой по столу, подавая сигнал.

Сразу вздулись жилы на руках борцов, и в воцарившейся могильной тишине заскрежетали зубы побагровевшего асира.

Конан думал, что тут же услышит хруст костей зарвавшегося юнца, но к немалому удивлению, тот, будто играючи, уложил своего соперника под восторженный гомон зрителей.

И тут киммериец случайно поймал взгляд юноши и почувствовал в нем скрытый вызов. Вслед за посрамленным асиром парнишка завалял еще троих. И всякий раз после победы на-

гло смотрел на киммерийца, широко скалясь в сверкающей белозубой улыбке.

Конан уже отставил блюдо с бараниной в сторону, но пока только хмурился и мрачнел. Последняя победа молокососа окончательно вывела его из себя. Он поднялся, широким шагом двинулся к столу и решительно занял пустующую скамью напротив наглого выскочки. Конан закатал рукав и публика взорвалась ликующим ревом, по достоинству оценив стальные мышцы киммерийца. Без разговоров он схватил руку юноши, утонувшую в его кулаке. Кисть парнишки оказалась на удивление мягкой и нежной.

Глаза юноши по-прежнему улыбались, раздражая киммерийца. Раздался сигнал.

Конан с медвежьей силой сдвинул кисть противника, намереваясь проучить его и навсегда отбить охоту к бахвальству. И тут ему показалось, что у парня вообще нет костей. А между тем, юноша приналег и рука киммерийца, дрогнув, качнулась к доскам стола. Ценой невероятных усилий Конан выровнял положение, что само по себе уже можно было считать победой, ибо все претенденты до него сдавались после первого же натиска.

Парнишка больше не улыбался. Конан воспрянул духом и перешел в наступление, но ни на йоту в этом не преуспел. Киммериец тяжело сопел и обливался потом, а его противник внешне совершенно не изменился. Только над переносицей у него залегла тонкая, еле заметная складочка.

Поединок затянулся, а соперники все еще не уступали друг другу.

В конце концов, судьбы объявили ничью к великому облегчению Конана, силы которого уже начали иссякать. Откуда ни возьмись, появилось пиво, воспринятое всеми с немалым воодушевлением. Конан же гордо вернулся к своей остывшей баранине.

— Мир, киммериец!

Конан медленно поднял взгляд. Ухмыляющийся юнец стоял перед ним с кружкой в одной руке, а другую нагло протягивая ему через стол.

Тоший, хрупкий, почти как девчонка, с тонкой линией чувственных губ, глубокими, широко распахнутыми карими глазами дикого олененка и белой полупрозрачной кожей, еще не знавшей прикосновения бритвы.

— А ведь я тебя знаю. Ты — Конан, верно?

В набычившемся было северянине проснулось любопытство, к тому же он с уважением отнесся к силе своего бывшего противника. Но знакомиться со всяким встречным у него просто не было времени.

— Ну, и что с того? — не слишком дружелюбно бросил он в ответ.

— Хочешь помериться силой с отродьями Младших Богов? — небрежно бросил паренек, делая вид, что не замечает, как побелели костяшки пальцев киммерийца, намертво вцепившегося в столешницу.

Первой мыслью Конана было зарубить наглеца на месте. Но он подавил это жгучее желание,

решив сперва расспросить странного паренька. Убить — дело нехитрое.

Нарочито небрежно он пожал протянутую руку и кивком головы указал на место напротив себя.

Молча преломил свой хлеб и предложил половину юноше в знак примирения и доверия.

— Благодарю, — улыбнулся тот, принимая краюху.

— Откуда тебе известно о детях Младших Богов? — подозрительно спросил киммериец.

— От Игга, конечно, откуда же еще, — беспечно ответил собеседник, пожимая плечами. — Ты пустился в этот путь по слову Крома. У меня то же, что и у тебя, дело, только поручил мне его Игг. Видишь, я откровенен с тобой.

— И чего же ты хочешь от меня, юноша, не называющий своего имени? — Конан потянулся за своей кружкой.

— О, прости! Я был неучтив. — В первый раз за этот вечер киммериец заметил тревогу, мелькнувшую на лице своего собеседника. — Мое имя Дуна.

— Откуда же ты, Дуна? Ты не ванир, и на асира не очень похож. Выговор у тебя странный, не гиперборейский, — заметил киммериец.

— Что правда, то правда, я родом из Тапио, как вы называете наши края, если, конечно, вообще о них слышали.

Конан поперхнулся пивом, услышав ответ. Откашлявшись, он повторил свой первый вопрос. Подозрительность его только возросла:

— И что же тебе нужно от меня?

— У нас одно с тобой дело, Конан. И оба мы избранники богов. Так почему бы нам не объединить усилия. Тебе нужна прорицательница Унна — едем вместе, я покажу дорогу, — без колебаний предложил юноша.

— А почему я должен тебе верить? Ты сам сказал, твой бог Игг. Безымянные — его порождения, а те, против кого иду я — дети их... Кром, запутаешься в этом родстве! Зачем же Иггу губить своих внуков?

— Ты не понимаешь, Конан, какое это страшное зло. Дети младших богов перестали чтить своих отцов и открыто выступили против них. Между ними была страшная битва. И к нашему общему горю, Младшие ее проиграли. Высшие боги не могут открыто вмешиваться в людские дела. Но мы еще можем остановить демонов... Поверь мне, Конан, я твой друг! — горячо заговорил юноша.

Киммериец надолго задумался.

Уж больно складно все выходит. И откуда этому мальчишке известно так много о делах богов, да и о нем самом тоже? Может, и правда Игг нашептал?..

С другой стороны — он говорит, что родом из Тапио. О тех местах Конан кое-что слышал, но ничего толком не знал, и честно себе признавался, что понятия не имеет, куда ему идти после Халогии.

Так почему бы и не согласиться? Только нужно будет приглядывать за этим пареньком.

— Хорошо, я согласен, — решил он наконец, и невольная усмешка заиграла на его губах, видя как по-детски наивно просиял в ответ юноша.

Они допоздна засиделись в «Быке» за кружкой доброго пива и разговором о предстоящем походе. А потом вместе пошли спать в дом кожевника Торда, у которого Дуна снимал комнату.

Рано утром они запаслись провизией на несколько дней и выехали из Халогии через северные ворота. Конан собирался купить себе запасную лошадь, но Дуна, одевшийся по-походному практично и просто, с коротким мечом на поясе и длинным луком за спиной, уговорил его не делать этого.

— Там, куда лежит наша дорога, лошади не понадобятся. Тапио — это дремучие леса и непроходимые болота. Очень скоро и этих-то придется продать, — уговаривал он.

Три дня они ехали по дикой, почти безлюдной местности, где вековые смешанные леса, преимущественно из берез и сосен, чередовались с холмистыми полями и обширными зелеными луговинами. Дуна прекрасно знал эти места и уверенно вел своего спутника по едва приметным тропам и лесным дорогам. Он знал все броды и переправы на многочисленных речушках и ручьях. И лишь по одному ему известным приметам безошибочно находил дороги в болотах и топях. Люди здесь встречались редко, селясь на небольших хуторах, прячущихся по лесам, и в хорошо укрепленных деревушках за прочными частоколами. На проезжих чужаков они смотре-

ли косо — на киммерийца так и вовсе, как на врага. Неохотно продавали еду, а ночевать под крышей путникам довелось только раз. Да и то в дом их хозяин не пустил, но разрешил воспользоваться сараем — бывшим курятником.

Несмотря на то, что лето стояло в самом разгаре, ночи были холодные, стылые и дождливые. Под утро путники просыпались, стуча от холода зубами. Даже привыкший к походной жизни Конан с каждым днем становился все мрачнее и молчаливее. Он с легкой досадой замечал, что его юный спутник легче переносит все тяготы и трудности пути.

На четвертые сутки под вечер, когда путешественники уже присматривали среди густого ельника удобное место для предстоящего ночлега, вдали послышался одинокий волчий вой, на который откликнулось еще несколько голосов с другой стороны леса. Конан не обратил на них внимания, но Дуна вдруг забеспокоился, тревожно озираясь по сторонам.

— Нам нужно бы поскорее покинуть этот лес, — не скрывая своего волнения, заговорил юноша.

— Волков испугался? — презрительно скринулся киммериец.

— Это не волки, Конан. Так завывают оборотни, сегодня ведь полнолуние! Ты где-нибудь слышал, чтобы волки собирались в стаи летней порой?

Киммериец прикусил язык, мальчишка был прав. Вой прокатился снова, на этот раз став

значительно ближе — долгий, протяжный, тоскливый. Конан невольно содрогнулся.

— За мной! — крикнул Дуна, хлестнув своего скакуна.

Конан галопом припустил за ним. Эту бешеную скачку по темному лесу ему никогда не забыть. Запад еще багровел тонкой кровавой полоской, но в лесу было уже темно. Давно наезженная лесная дорога, вся в кочках и выбоинах, представляла немалую опасность при такой гонке.

Киммериец спиной почувствовал, что их настигают, а потом увидел, как Дуна снял лук и, развернувшись в седле, наложил первую стрелу. Конан оглянулся через плечо, и руки сами потянулись к мечу. Было очень темно, но шагах в ста позади он увидел несколько огромных пар глаз, висящих, казалось, над дорогой. Они горели кровавым пламенем и приближались к ним с каждым мгновением.

Звонко хлопнула лучная тетива.

Неясный шум за спиной — и одним преследователем стало меньше. Лошади, чувствуя у себя на хвосте демоническую погоню, летели вперед, обезумев от ужаса, почти не касаясь копытами земли. Холодная тяжесть клинка в руке успокаивающе подействовала на киммерийца. Он снова оглянулся и выругался. Оборотни их настигали. Прогудела вторая стрела.

Конан резко осадил коня, заставив его подняться на дыбы, и развернулся лицом к преследователям. Как раз вовремя, чтобы прервать

прыжок огромного волчьего тела. Удар отшвырнул зверя в сторону, и раненое чудовище, скулля, покатилося по траве. Лошадь была испугана и не желала слушаться седока. Тогда он с такой силой стиснул коленями ее бока, что бедное животное, дико заржав, рухнуло на колени. Киммериец свесился с седла, почти касаясь земли, и хлестко рубанул наскაკивающего монстра по морде — спасибо вольнице с Запорожки, научивший его этому приему.

Конан откинулся в седле, почти касаясь спиной крупа лошади и, рванув коня за узду, заставил его встать с колен. Дорога казалась пустынной. Он немного проехал вперед, нашел несколько волчьих тел, из потухших глазниц которых торчали концы стрел, застрявших в черепах почти по самое оперение.

— Конан! Эй, киммериец! — раздался позади громкий крик Дуны. — Хвала богам, ты жив!

Конан хмыкнул, пожимая плечами. И тут они снова услышали этот проклятый вой, исторгнутый из нескольких десятков звериных глоток.

— Бежим! Нам не справиться с ними!

Конан зло плюнул в ночной мрак и дал шпоры своему скакуну.

Видно, в тот день сами боги следили за ними с небес и направляли бег их лошадей. Они мчались до самой полуночи и потом еще долго ехали шагом пока не убедились, что их не преследуют, и только тогда остановились на ночлег. Костер решили не разводить — зачем лишний раз к себе внимание привлекать?

— Ты ложись первым, а я посторожу, — предложил Дуна.

— Хорошо. Разбуди меня, когда луна поднимется вон над теми елями, — согласился киммериец и тут же завалился на подстилку из лапника.

Проснулся он на заре — бодрым и отдохнувшим.

— Почему ты не разбудил меня?! — накинулся он на юношу, который, увидев яростное лицо киммерийца, не на шутку перепугался.

— Прости, Конан. Просто мне не спалось, и я решил не тревожить тебя, — удивляясь внезапной вспышке своего товарища, залепетал он, оправдываясь.

Конан лишь заскрежетал зубами и поклялся себе, что больше ни за что не ляжет первым.

К полудню они выехали на вершину невысокого пригорка. На северо-западе, насколько хватало глаз, громоздились холмы и горы, поросшие густыми девственными лесами. У подножия холма, где они стояли, бежала мелкая речушка, на берегу которой раскинулась крохотная деревенька.

— Тапио, — Дуна неопределенно махнул рукой в сторону горизонта. — А здесь мы сможем оставить наших лошадей.

Конан молча кивнул и направил коня вниз по склону.

Прошло еще несколько дней. Конан и Дуна пробирались сквозь лесные чащобы, карабкались через буреломы, лезли по гладким гранитным

скалам, которыми изобиловала эта земля. За все время пути им не встретилась ни одна живая душа, только дикие, никем не пуганные звери.

Чтобы не сбиться с верной дороги в этом безбрежном зеленом океане, Дуна каждый день взбирался на макушки высоких деревьев с проворством и ловкостью белки, поражая даже Конана, считавшего себя мастером в таких делах.

Спустившись раз со своего наблюдательного пункта, довольный собой мальчишка сообщил:

— Сегодня будем спать под крышей.

— Что, рядом есть люди? — скептически поинтересовался киммериец.

— Нет, лучше. Мы совсем недалеко от дома старой Унны.

Конан, казалось, остался равнодушен к этому известию, хотя в душе он был доволен. Болота, комары и буреломы до судорог ему опротивели. Дуна обиделся, надулся и всю дорогу не разговаривал с ним.

«Ну, мальчишка и только», — качал головой киммериец.

Во второй половине дня они выбрались на берег лесного озера. Один край его упирался в болото, другой был высокий, скалистый с золотистыми стволами сосен на плоской вершине.

Ветхая бревенчатая избушка пряталась в непролазных зарослях бузины. Вросшая почти наполовину в болото, словно замшелый пенек, с маленьким оконцем на уровне земли и крышей, покрытой дерном, на которой росли высокие заросли крапивы. Конан дважды обошел вокруг дома,

но только со второй попытки нашел вход, причем дверь оказалась приоткрыта. Изнутри пахло сушеными травами и грибами.

Дуна тихонечко постучал. Не дождавшись ответа, постучал еще раз — сильнее. Осторожно заглянул за порог и обречено покачал головой.

— Нет никого. Не повезло нам.

— Войдем, подождем хозяйку внутри, — предложил Конан.

— Не хорошо как-то, без приглашения, — засомневался юноша.

— К Сету все эти церемонии! Я не собираюсь торчать у порога.

Согнувшись пополам, киммериец решительно шагнул в дом, резко выпрямился и больно ударился головой о притолочную балку.

— Осторожно, а то весь дом мне разломаешь!

— слышался старушечий бесцветный голос из глубины помещения. — Погодите, сейчас огонь разведу.

Конан готов был поклясться, что еще мгновение назад в доме не было никого. В правом углу избушки сухо шелкнуло огниво, водопадом посыпались искры, и игривые язычки пламени заплясали в каменном очаге, слабо осветив крохотную комнату.

Какой мебели в доме не было. По полу громоздились вороха ветоши, корзинки, плетенки и берестяные короба. Все стены были увешены сушеными вениками пахучих трав, гирляндами свисающими с потолка. Что-то живое и мягкое суетливо шмыгало под ногами.

— Ну вот, теперь входите,— закричала старуха-карлица, жестом приглашая их в дом.— Признаться, я вас позднее ждала.

Лица колдуньи Конан не разглядел, вся она была какая-то нескладная, закутанная в рванье неопределенного происхождения, с сучковатой клюкой в руках.

На плече колдуньи совершенно неподвижно сидела огромная жирная ворона.

— Не ты ли будешь Унна, известная норна? — вежливо спросил Конан, но Дуна предупреждая дернул его за рукав.

— Поздорову ли, матушка? — заговорил он.

— Спасибо на добром слове, поздорову, не жалею,— ответила старушонка.

— По делу мы к тебе,— перебил Конан и вновь был одернут своим спутником.

— Можете не рассказывать,— старуха вышла из своего угла, и северянин невольно отшатнулся. Колдунья с любопытством рассматривала их в упор пронзительным единственным глазом.— Все про вас знаю. Ты Конан-киммериец, а ты... Дуна — стрелок из Тапио. Отвечу я на ваши вопросы, но всему свое время. Ты киммериец, поздоровее будешь, сходи-ка дров наруби. А ты, дружок, воды принеси. Я вас ужином угощу — на сытый желудок и разговор легче стелется.

Конан весь закипел, но все-таки пошел, стиснув зубы.

Дуна же, наоборот, был рад такому ходу событий и вприпрыжку побежал к озеру, размахивая на бегу берестяными ведерками. Потом они

долго сидели молча в избушке, пока старуха колдовала над глиняным горшком, весело булькающим на огне.

Грибная похлебка пришлась киммерийцу по вкусу, хотя он и подумывал с тоской о мясе.

— Большое вы задумали дело,— без предисловий завела разговор старуха.— Не просто будет справиться с детьми Младших Богов.

— Так подскажи, норна, как нам их остановить? — задал Конан единственный интересовавший его вопрос.

— Норна?.. Это по-вашему — норна, а по-нашему наречница я, или бродница. Так, о чем это я?.. Ах да, есть много способов дивов извести, мечом и стрелой тоже можно, но не всякое на то железо годится...

— И где же нам такое оружие взять? — нетерпеливо спросил киммериец.

— А и не надо ничего искать — ваше сгодится. Но чтобы дива в бою сразить, клинки ваши сперва должны древней крови испить, что текла в жилах тех, кто обитал на этой земле еще до Старых Богов...

Конан досадливо пожал плечами.

— Чудное ты говоришь, бабушка,— заявил он, нимало не смутившись тем, что Дуна предостерегающе наступил ему на ногу.— Как это я свой меч окуну в кровь того, кто сгинул давным-давно?

— Кто сгинул, а кто нет! — сверкнула глазом наречница.— Дослушай до конца, а уж потом языку волю давай, торопыга!

Конан сердито засопел, но промолчал, сам удивляясь своему долготерпению.

— Так вот, есть один... злыдень, тьфу, иначе и не скажешь! Брагой-великаном зовется. Отсюда семь дней пути до его пещеры. Идти вам на полночь, через леса заповедные, нехоженные. Но под конец дорога легче станет: раньше в тех местах люди жили, пока этот Брага там не объявился. Разорил всю округу, осинок двухголовый! Нелегко будет вам его одолеть!.. Ну, да и тут я вам помогу. Вот, возьмите этот пузырек. В нем настой из трав. Выпейте его перед битвой с великаном, не раньше — почувствуете в себе силу великую.

Старуха вручила Конану маленький глиняный пузырек — ровно на два глотка. Киммериец со смешанным чувством недоверия и презрения повертел его в руках, поморщился и отдал своему спутнику.

— Спасибо, матушка. И еще скажи, где нам после логово дивов найти? — спросил юноша.

— Еще дальше к северу, за Озерный край. Там, среди инеистых лесов стоит в снежных холмах одинокая ледяная гора посередь озера. То и будет их дом. И те места людные были,— вздохнула веденья.— Ну, а чтобы вам не плутать Терес вас проводит.

Старуха хлопала ворона по крылу. Птица, услышав свое имя, завертела головой с длинным, тяжелым клювом, заворочалась на хозяйском плече.

— Куда он полетит, туда и вы ступайте

— Скажи, матушка,— помолчав, спросил Дуна.— Зачем нам все-таки кровь великанья? По дороге к тебе бились мы с волками-оборотнями и многих побили, а они ведь тоже дети Младших Богов.

— Волколаки-то? Вестимо, на этих и обычный топор стодится, а то и слово заветное. Слабы они. Меня вот за три лиги обходят, боятся,— старушонка пакостно захихикала, но тут же снова стала серьезной.— Но есть и другие — и вот с ними-то вам и нужно будет встретиться, имея оружие, отведавшее Древней Крови.

Конан уже откровенно зевал. Колдунья это заметила и сама предложила прилечь, устроив прямо на полу некое подобие ложа. Уговаривать его не пришлось.

Рано утром Дуна растолкал киммерийца, и, перекусив на скорую руку и простившись со старой Унной, приятели продолжили свой путь.

Семь дней пролетели, как один миг. Двое отважных путников упорно пробирались на север, следуя за быстрым на крыло вороном, через заповедные, древние как сам мир, дебри Тапио. Дуна, даже ночью не расстававшийся со своим луком, снабжал отряд свежим мясом, без туда добывая дичь в борах и на болотах.

Терес, надолго исчезающий куда-то в течение дня, демонстрируя людям свою независимость, неизменно возвращался к дележке добычи. Садился на ветку чуть в сторонке и терпеливо ждал подачки, вращая иссиня-черными бусинками глаз. Если птица считала, что доля ее слиш-

ком мала, она спрыгивала на землю и с громким недовольным карканьем принималась скакать вокруг костра.

Привыкший к осторожности Конан невзлюбил ворона, поднимавшего столько шума, что киммерийцу казалось, что вот-вот сюда сбежится вся нечисть, какая только есть в округе. Ему доставляло огромное удовольствие поддразнивать птицу, вертя у нее перед клювом лакомыми кусочками мяса, на что рассерженный ворон отвечал целой бурей негодования. Правда, в долгу он оставался ненадолго, норовя в полете нагадить киммерийцу на голову, и северянину все время приходилось быть начеку.

На пятый день пути лес стал значительно реже, уступив место голому камню, поросшему мхом и лишайником. Идти стало быстрее и легче. О том, чтобы лезть в лоб на скалы, не могло быть и речи, крутые склоны сопок казались неприступны. И тут, если бы не Терес, вряд ли путникам удалось бы выбрать правильную дорогу среди бесчисленных расщелин и каньонов. Теперь ворон все время оставался в поле зрения, свободно паря высоко над землей, лишь ненадолго покидая людей, чтобы совершить небольшую разведку.

По расчетам киммерийца выходило, что логово Браги должно бы уже находиться где-то неподалеку. Он немного задержался, наблюдая за полетом Тереса, когда его резко окликнул ушедший вперед Дуна.

— Эй, Конан, подойди-ка сюда!

Киммериец приблизился к спутнику, вопросительно глядя на него. Юноша кивком головы указал на что-то между громадных валунов, громоздившихся на каменной тропе. Конан опустил взгляд и надолго застыл, прикусив губу.

Это был след — четкий след гигантской человеческой ступни. Не менее пяти футов в длину и трех в ширину, и почти в локоть глубиной.

«При таких размерах,— прикинул в уме северянин,— роста в нем никак не меньше семи-восьми ярдов, а то и больше!..»

Дуна и киммериец молча посмотрели в глаза друг друга. Оба казались спокойными и сосредоточенными, хотя волнение, охватившее обоих, им едва удавалось скрывать.

Удвоив осторожность, приятели двинулись дальше.

Ничто не предвещало беды, как вдруг необычайно разволновался Терес и с громким карканьем закружил над лесом. Друзья притаились среди скал, наблюдая за странным поведением птицы. И тут рядом с вороном, словно сорвавшаяся с исполинской пращи, стремительно пронеслась целая скала, едва не задев, закувыркавшуюся в воздухе птицу. За первой последовала вторая и третья, но птица уже выровняла полет и, сообразив что к чему, благоразумно ретировалась.

Дуна весь как-то осунулся, плечи его поникли. Конан ободряюще сжал руку товарища, хотя ему самому было не по себе.

— Быстрее! — шепнул киммериец.

Пригнувшись, он бросился под прикрытие скал, увлекая за собой юношу. В беспорядочном нагромождении камней, среди густых зарослей низкорослых елей и можжевельника укрыться было легко. Будь у великана хоть десять пар глаз, вряд ли он смог разглядеть двух людей, притаившихся среди скал, несмотря на то, что было еще светло. Летом на севере солнце не спешит уходить с небосвода, будто желая как можно больше напоить эту суровую землю теплом, которого ей так не хватает зимой.

— Лишь бы не учуял,— пробормотал Конан, осторожно выглядывая из-под ветвей разлапистой елки, приютившейся к гранитному боку скалы.

Дуна молча ждал рядом. Лицо парня было белее молока.

Брага шел прямо на них. Распластавшийся на камнях киммериец всем телом ощущал его могучую поступь. Трещали сучья, и гомонили птицы, раскачивались макушки деревьев, отмечая путь великана. Уже за лигу слышалось его тяжелое сопение и невнятное бормотание.

Друзья лежали, прижавшись к земле, среди тенистых елей, над каменной тропой через долину. Поэтому, когда великан вышел из леса, они имели возможность рассмотреть его во всей красе. Дуна из белого стал зеленым. На побледневшем лице Конана старые шрамы казались черными; пальцы киммерийца судорожно сжали ветку несчастной елки с такой силой, что на землю закапал смолистый сок.

Древняя Кровь... В незапамятные времена, о которых говорила наречница, земля, наверное, была больна, если населяющие ее твари были размером сродни великану. В каком-то десятке шагов от друзей стояла сама первозданная мощь — дикая, страшная, непобедимая которую им надо было как-то одолеть.

Брага был не просто огромен, как того ожидал киммериец. Роста в нем было не более пяти ярдов. Мощные короткие ноги с растоптанными плоскими ступнями, каждая чуть ли не в обхват толщиной. Огромное брюхо свешивалось за пояс рваной набедренной повязки, а ширина плеч была просто чудовищной: на них запросто могла уместиться избушка Унны, и еще бы место осталось.

И на этих исполинских плечах сидело две уродливых головы, обе размером с гранитную глыбу, за которой скрывались друзья. Лица были безобразные: толстогубые, широконосые, с узкими неподвижными глазками. Одна из голов — левая, с большой волосатой бородавкой на грязной щеке, показалась киммерийцу особенно отвратительной. В то время как правая голова с отсутствующим видом ковырялась в ноздре заскорузлым пальцем, левая водила носом по сторонам, шумно к чему-то принюхиваясь.

Конан перестал дышать. Дуна ничем не отличался от равнодушного гранита и, наверное, был таким же холодным.

Великан чуть замедлил шаги, но тут правая голова что-то рыкнула, и толстенные ноги быст-

ро протопали дальше. Вскоре Брагу скрыли деревья, но еще долго друзья слышал удаляющийся шум его грузных шагов.

Наконец настала минута, когда о присутствии древнего исполина напомнила только вонь, пропитавшая, казалось, даже камни вокруг. Конан поднялся и облегченно выдохнул. Дуна перевернулся на спину и с тоской устремил взгляд своих карих глаз в посеревшее вечернее небо.

— М-да... — промычал Конан, чтобы как-то прервать затянувшееся молчание.

— Кар-р! — бодро приветствовал их появившийся откуда-то Терес. Птица уселась на вершину скалы и склонила голову набок, насмешливо поглядывая на киммерийца. Конан пожалел, что камни, пущенные великаном, пролетели мимо этого пернатого наглеца.

— Что делать будем? — зло буркнул он.

— Для начала подумаем. — Дуна сел, скрестив ноги. На его щеки понемногу возвращался румянец. — У Браги две головы, но и у нас не меньше. А рук и ног даже больше в два раза. Надо использовать это преимущество.

* * *

Через четыре дня Конан лежал, укрывшись плащом, в высоких зарослях кипрея, который буйно разросся в старом неглубоком карьере. Когда-то отсюда брали камень — серый в прожилках мрамор — для невесть каких нужд. Поверх плаща были накинаны еловые лапы, берзовые ветки и прочий хлам. К тому же предус-

мотрительный Дуна натер его какой-то пахучей травой, от которой у Конана невыносимо разболелась голова. Со стороны он был совершенно невидим.

Киммериец приготовился к схватке. Все четыре дня он изнывал над решением задачи: как убить великана? Кидаться на него с мечом было сущим самоубийством, а ничего хитрого на ум не шло.

Без дела друзья не сидели. Целыми днями они по очереди следили за Брагой и за его пещерой, исползали всю округу в поисках тайных троп, по которым он ходит, и знали их наперечет. В лесу им часто встречались дороги, поросшие совсем еще молоденьким вереском. Несмотря на то, что ими уже не пользовались, они довольно хорошо сохранились, как будто совсем еще недавно по ним громыхали телеги, мчались верховые и топали многочисленные пешеходы. В этих местах, действительно, жили люди, и не какой-нибудь там хутор в три-четыре дома, а целый маленький город в лесу.

Селение — вернее то, что от него осталось, они заметили еще издали: остатки стен и сиротливо торчащие печные трубы виднелись на взгорке, лигах в двух от того места, где Брага соорудил себе берлогу. Картина страшного опустошения увиденная ими в разоренном городище потрясла обоих. Великан погулял здесь на славу, не оставив и камня на камне.

Улицы были завалены превращенными в щепки бревнами, мраморным щебнем фундаментов,

и помятой домашней утварью, и всюду, всюду, куда ни кинь глаз, разбитые человеческие кости и черепа. Мужчины, видимо, пытались защищаться — город напоминал огромное поле битвы, но справиться с великаном им не удалось, а после Брага не пощадил никого: ни стариков, ни женщин, ни детей. Вытоптанные заросшие бурьяном огороды, отвоеванные людьми у леса, разбитые колодезные срубы, уничтоженная городьба, и не преданные земле человеческие останки — все это угнетающе действовало на двух друзей, и в сердцах их закипела благородная жажда мести.

План, который придумал Дуна, Конану сразу не понравился.

Во-первых, с точки зрения киммерийца, он был чересчур ненадежен, а во-вторых, связан с колдовством. Но выбирать было не из чего.

Ворожить собирался, к изумлению варвара, сам Дуна. Варвар даже не пытался скрыть гримасу отвращения, когда узнал, что его товарищ немножко чародей.

Побагровевший, с пунцовыми пятнами на щеках, смущенный юноша, заикаясь, попытался ему объяснить:

— Конан, ты неверно понял меня. Я не чернокнижник и невесть какой маг. Да и не маг я вовсе! Здесь, на севере, в Тапио, многие люди занимаются ведовством. Погоду там предсказать, боль унять, лешего отвести, от зверя спастись... Да мало ли чего! А я ведь родился и вырос тут! Гиперборейцы считают нас чуть ли не дикарями,

и они правы в том смысле, что от наших лесов, озер, болот мы никуда не ушли. Ведь это все — Дуна махнул рукой, — наш родной дом! Это магия самой природы! А сильных колдунов у нас немного, как и в цивилизованном мире, наверное. Старая Унна — одна из самых могущественных. И самых неприветливых, кстати. Ее все знают, но приходят за помощью, когда уж совсем припрет. Побаиваются. Я, честно говоря, чуть со страху не умер, когда ты на нее рычал. Думал, она на тебя ка-ак цыкнет...

— И вовсе я на нее не рычал! — огрызнулся Конан.

— Лес открыл ей все свои тайны. Ей ничего не стоило превратить тебя в жабу... или в мокрицу какую.

— В мокрицу? Меня?! Послушай, Дуна, почему бы этой могучей бабке самой не расправиться со всей этой нечистью?

— Она не может, — с досадой ответил юноша. — И не спрашивай почему.

— Ладно, — недовольно пробурчал Конан. — Давай о нашем...

Суть предложенного юношей плана была такова. Друзья к некоторому удивлению для себя выяснили, что Брага каждый день проводит в карьере какое-то время и там работает — разбивает камни. Видимо, у великанов такое странное понятие о труде. И Брага трудился в поте лица по несколько часов кряду. Круша мрамор и кидая его в воздух, он каждый раз сосредоточенно наблюдал за полетом огромных глыб, и то

радовался будто ребенок, то злился без причины и топал ногами.

В остальное время Брага бесцельно бродил по лесу или занимался своим огородом, где росла исключительно репа. Раз друзья увидели, как великан охотится. Безотказно и просто. Взял камень, швырнул в зазевавшегося лося — и готово. Вечером две головы о чем-то беседовали между собой, а вчера, например, дружно завывали. Дуна сказал — запели. Долго друзья этого пения вынести не смогли и бежали подальше от пещеры великана, но и там они чуть ли не полночи слышали отдаленное завывание, то переходящее в утробное ворчание, то поднимающееся до визга. Душа, а может две души великана, разгулялась не на шутку.

Ночью Брага спал, завалив вход в пещеру огромным валуном.

Теперь, зная точно, как великан проводит день, друзья готовились нанести удар. Утром, в дальнем карьере.

Как-то Конан посетовал: почему бы одному из камней не упасть Браге на голову... лучше на левую. Дуна подумал и сказал, что это вполне возможно. Тут-то и выяснилось, что парень может чародействовать. Но юноша опасался, что не сумеет проникнуть, как он выразился в душу камня.

— Они очень древние, эти скалы,— пояснил он,— чудовищно непостижимо древние. Они родились, когда не было не то что там людей, а даже деревьев и травы. Были только огонь и

камень. Поэтому для заклятия мне нужно будет развести хотя бы маленький костер. Тогда, возможно, камень, вспомнив свое родство со стихией огня, очнется от сна и ответит.

— А если не получится? — спросил его Конан.

— Буду стрелять по глазам,— не задумываясь, ответил юноша.

— Не думаю, что стрела, даже попав в глаз, уложит Брагу,— с сомнением покачал головой киммериец.— Здоров он больно. Зато разъярит — это точно. К тому же у него две головы. А чтобы полностью ослепить великана тебе надо выстрелить четыре раза. Я знаю, ты отличный стрелок, но... Может, наколдуешь чего со своими стрелами?

Дуна вспыхнул — на этот раз от гнева, но тут же остыл.

— Конечно, ты не можешь этого знать, но у нас в Тапио никто не станет заговаривать оружие убийства.

Конан с готовностью согласился.

— Хорошо, я все понял... Что ж, пусть Кром и Игг даруют тебе силу и меткость!

Дуна улыбнулся, но улыбка вышла какая-то жалкая вымученная. «Бойтся мальчишка, нервничает», — заметил Конан и тихо вздохнул про себя.

Киммерийцу отводилась главная роль — убить великана. Трудно было рассчитывать, что каменная глыба прихлопнет Брагу до смерти. Придется добивать, и тут уж Конану представится шанс показать все, на что он способен. Дуна

все же решился дать ему несколько дельных советов:

— Главное даже не убить его. Достаточно, чтобы он кровью истек. Тебе бы только пустить ее — и можно убегать!

— Чего? — грозно сдвигая брови, переспросил Конан.

— Знаешь куда бить в таких случаях? — не обращая внимания на мрачный вид своего собеседника, спросил Дуна. — Вот сюда, — парень неожиданно залился краской. — Между ягодиц, то есть. Можно в печень, если достанешь. Об остальном уже не говорю, высоко... Если, конечно, он с ног не свалится.

— Ты забыл еще об одном месте, — ухмыльнулся киммериец.

— Каком же?

Конан, ни сколько не смущаясь, похлопал себя чуть пониже живота. И снова юноша залился стыдливым румянцем и что-то замямлил в ответ. «Краснеет, точно девка...» — с недоумением подумал варвар, но тут же резко вскочил на ноги и насторожился.

— Тихо!.. Он идет. Давай беги на место и да пребудет с тобой сила богов!

* * *

... И вот Конан лежит кустах кипрея, прислушиваясь к обманчивой тишине. Обнаженный меч прикрыт полкой плаща. Брага уже близко. Ходит великан медленно, тяжело. «Главное кровь пустить», — твердил киммериец напутствие Дуны.

Наконец Брага предстал перед варваром во всей своей безобразной красе и тут же начал заниматься своим излюбленным делом. Глыбы он легко разбивал огромной каменной палицей из цельного куска черного гранита и с самозабвением забрасывал их в небеса. Те, что были поменьше и не годились для дела, он просто крошил, сжимая в кулаке.

Краем глаза Конан заметил над отвалами бесесую струйку дыма.

Последующие события произошли в течение нескольких мгновений, хотя для Конана и Дуны они превратились в один бесконечный кошмар.

Брага подбросил вверх очередную глыбу. Взлетев локтей на тридцать-сорок, она вдруг повисла в воздухе. Задравши головы в небо, великан удивленно хрюкнул, и вдруг стремительно развернулся в сторону дыма. В ту сторону, где на вершине насыпи застыла тоненькая фигурка с воздетыми вверх руками.

Повисшая в воздухе глыба сместилась и снова застыла — уже прямо над Брагой.

Конан вскочил, стряхивая с себя мусор. Меч — Браги бы таким только в зубах ковырять — блеснул в руках варвара. Киммериец видел лицо Дуны — страшно искаженное, посиневшее от напряжения, с полуприкрытыми глазами.

Руки юноши дрожали, а тело непостижимым образом откинулось назад, будто надломанное в пояснице.

Брага приготовился метнуть в него свою палицу.

— Бросай! — заорал Конан, ринувшись к великану.

Глыба, со свистом сорвалась с невидимой нити, поддерживающей ее в небе, и рухнула на левую голову великана.

Треск разлетевшихся каменных осколков и треск костей...

В следующее мгновение на пошатнувшегося Брагу обрушился удар киммерийца. Двуручный меч варвара наискось рубанул его по голени, глубоко погрузившись в плоть великана, но едва задев кости. Конан вложил в удар всю свою силу; таким приемом он разрубал людей пополам, но колоннообразную ногу чудовища перерубить не смог.

Палица все-таки вырвалась из рук великана и ударила в скалу рядом с Дуной. Град каменных осколков со свистом хлестнул по юноше, и тот упал. Конан рванул меч на себя, с огромным трудом вырывая его из раны, и тут же отскочил в сторону.

Брага оглушительно заревел. И в этом неистовом крике слились боль и отчаяние, и дикая первобытная ярость. И еще Конану послышалась в нем страшная, невыразимая, неземная тоска.

Левая голова, бесформенная, залитая кровью, бессильно упала на плечо. Руки великана рванулись к ней, пытаясь, наверное, поддержать... а может обнять?

Правая голова, вся в слезах, с нежностью смотрела на своего близнеца. Нога Браги подломилась, и он упал на одно колено.

Меч Конана вонзился великану в печень. Киммериец с ловкостью тигра сделал прыжок, ударил и в мгновении ока отпрыгнул, оставив в боку врага длинную рану, из которой широкой струей хлынула кровь.

Брага попытался одной рукой схватить киммерийца — вторая все еще поддерживала и ласково гладила левую голову — но не успел. Варвар оказался проворнее, и его меч до середины клинка погрузился во внутреннюю сторону бедра великана.

Струей крови толщиной в руку Конана чуть не сбilo с ног. Отскочив, киммериец вытер лицо и опустил меч.

Дело было сделано. Брага беспомощно возился в луже собственной крови, пытаясь подняться, но было ясно, что эти движения уже бессмысленны.

Жизнь стремительно уходила из тела древнего исполина. Великан уже не кричал, а лишь хрипел, беспомощно вращая глазами.

Конан машинально сорвал траву, собираясь по привычке вытереть клинок, но, вовремя спохватившись, отбросил пук в сторону.

«Дурак,— обругал он себя, глядя на покрывающую меч Древнюю Кровь.— За этим ведь и шли.»

Обернувшись, Конан увидел Дуну, который шел к нему, шатаясь и сильно прихрамывая. На лбу у юноши красовалась огромная лиловая шишка, левая щека была оцарапана.

— Живой?

— Живой,— эхом отозвался Дуна.

— Тогда, доставай стрелы, мочи наконечники, да про меч не забудь.

Конан медленно побрел прочь. Но, сделав три шага, оглянулся.

— Молодец, парень. Здорово у тебя получилось.

— И у тебя... Ты знаешь, я чуть не надорвался! Думал, у меня все внутри лопнет! Честное слово, даже слышал, как кости захрустели...

— Ты молодец,— снова повторил Конан и, повернувшись спиной к Дуне, зашагал к недалекому озеру.

Дуна недоуменно и обиженно смотрел ему вслед.

Юноша обернулся к Браге и встретил застывший взгляд уже ничего не видящих остекленевших глаз великана. Брага умер. На обезображенную левую голову с довольным карканьем опустился Терес.

* * *

Озерный край был озерным краем. Конан доходил до белого каления, когда по десять раз на дню приходилось огибать затерянные в вековых лесах бесчисленные озера с прозрачной, как северное небо, водой.

Глупая птица Терес летела на север по прямой и, обнаружив где-то на середине озера, что люди зачем-то огибают его стороной, начинала возмущенно орать, кружа над головами двух друзей.

Конан поклялся, что свернет ворону шею, как только они доберутся до места.

Беспорядочные нагромождения скал остались далеко позади. Теперь путники шли, утопая по щиколотку в мягком бело-зеленом мху. Высоко над ними шумели кроны золотых, прямых и звонких, как струны, сосен. Пахло хвоей и багульником, дышалось легко и свободно.

Часто попадались невысокие, с пологими склонами, песчаные увалы, с вершин которых взору открывалась величественная картина бескрайнего лесного простора. Киммериец достаточно ходил по свету, повидал и пиктские дебри далеко на западе, и джунгли Кхитая и крайнего юга. Южные леса, полные опасностей, тоже можно было назвать океаном — буйным, свирепым, предательским, но им не хватало этого величественного северного спокойствия и стихийной непредсказуемости. Мудрость, незыблемость и не выставленное на показ, но ясно чувствующееся ощущение своей непоколебимой, неизмеримой мощи. Эта древняя земля дышала доисторической силой. Здесь тоже таились опасности, но источником их был не сам лес. Он просто позволял им быть, пока они держатся в рамках неизвестных никому, кроме Леса, законов.

Иногда путники выходили на старые дороги и несколько раз видели заброшенные хутора.

Однажды поздно вечером, устраиваясь на ночлег на берегу большого живописного озера с двумя островками, они услышали далекий женский смех и обрывки человеческой речи. Здесь жили

люди. Затерянные в безбрежном лесном океане, не одичавшие варвары, как сначала казалось киммерийцу, а освободившиеся от гнета цивилизации и открытые, с мужественными и отважными сердцами.

Дорога вверх-вниз бежала по увалам, в обход озер, часто в заболоченных берегах. Вечерами, перекусив подстреленной Дуной дичиной, сразу заваливались спать, доверяя охрану стоянки Тересу.

Ворон один раз, когда парень заснул во время своего дежурства, поднял дикий гвалт — из-за деревьев высунулась любопытная медвежья морда.

Дуна потом ходил сам не свой, что-то мямлил и чуть не плакал. Конан попытался было неуклюже его успокоить — мол, ладно, все обошлось, но юноша успокаиваться не желал, и киммериец махнул рукой.

В общем, путешествие было даже приятным, несмотря на трудности дороги.

Как-то они остановились передохнуть на берегу очередного — Кром только знает какого по счету — озера с живописными скалистыми берегами. Черный камень почти не отражался в темной воде; озеро казалось огромной лужей дегтя и производило тягостное впечатление, о чем юноша и сообщил киммерийцу.

— Подумаешь! — Конан сплонул в воду и посмотрел на небо, по которому ползли угрюмого вида грозные тучи. — Меня больше волнует, что скоро будет дождь. И холодает к тому же.

— Мы зашли очень далеко на север, — ответил Дуна. — Не удивительно, что здесь так холодно. Тут мало кто бывал из моих земляков.

— Но люди-то здесь живут?

Дуна неопределенно пожал плечами.

— Мне кажется, что люди живут везде. Но кто живет здесь, не знаю. Легенды говорят, что в этих местах жил народ Руг, от него ничего не осталось. Правда, тапийцы считают себя потомками этого легендарного племени, только Игг знает в каком колене.

Дуна долго смотрел на черное зеркало воды, потом поднял голову и встретился взглядом с киммерийцем.

— Скажи, Конан... — он замялся, затем выпалил единым духом. — Скажи, только честно — я не являюсь для тебя обузой?

Не ожидавший такого вопроса, Конан ответил не сразу, но вполне искренне:

— Не дури, парень. — И про себя подумал: да что же это с ним происходит, в конце концов?..

Дуна, если честно, был уже не тот, что в начале пути. Могучий киммериец, словно лось, шел вперед, не обращая внимания ни на погоду, ни на тернистую дорогу, а юношеский пыл Дуны почти иссяк. Он начал сдавать после сражения с великаном, но ни разу не позволил себе даже намек на хныканье. Конан не раз подмечал обильный пот на осунувшемся лице товарища и прерывистое дыхание даже на не слишком трудных подъемах. Невольно он замедлял шаг, позволяя юноше не отставать от него.

— У меня после того карьера будто что-то внутри оборвалось,— взвешивая каждое слово, сказал Дуна.— Ничего мне не хочется. Ноги с трудом заставляю себя переставлять. Прежде чем птицу подстрелить, сто раз подумаю.

— Однако не промахиваешься,— возразил ему Конан.— Надо бы денек отдохнуть, отоспаться. Потерпи до вечера,— решительно заявил он.

— Нам спешить надо,— тихо ответил юноша, не глядя на варвара.— Я чувствую. Здесь даже воздух уже не тот.

— Как это, не тот?

— Что-то изменилось... Словно тень наползает с севера, какое-то зло.

Конан молчал и пристально глядел на своего спутника. Обычно остро чувствующий опасность варвар на этот раз не ощущал ничего. Все как обычно — небо, лес, озеро... Даже ветра не слышно.

И вдруг тишина раскололась, разбилась вдребезги от громового звериного раската. Рев ударился о скалу и рассыпался глумливым эхом на сотню прыгающих от камня к камню звуков.

И вновь все стихло. Конан уже сжимал меч в руке и напряженно всматривался в зеленую стену молодого березняка у подножия невысокого гранитного утеса, острым углом вдававшегося в озеро. Киммерийцу показалось, что рев исходил именно оттуда.

— Сейчас посмотрим, кто это там горло дерет,— процедил Конан и легким охотничьим шагом направился к утесу.

Миг тишины — и пронзительный крик Дуны хлестнул Конана, как бичом.

— Медведь!

Киммериец резко развернулся. От увиденного у него перехватило дыхание.

Эхо сыграло с ним злую шутку. Утес отразил рычание огромного бурого гиганта, и Конан, до сих пор не имеющий причин не доверять своему слуху, обманулся. Будучи в полной уверенности, что враг засел в березняке, он и подумать не мог, что хозяин леса идет к ним с другой стороны — совсем не прячась и предупреждая их грозным ревом о своих намерениях. Какой-то неправильный медведь, необычный.

Мысль об этом только мелькнула у него в голове и тут же исчезла. Бурая громада уже нависала над съезжившимся Дуной, пальцы которого нервно нащупывали рукоять меча.

Времени почти не оставалось. Конан рванулся на помощь, и тут ему опять не повезло — нога запнулась о корень, и киммериец упал. Меч вылетел из руки. Вскочив на ноги, Конан не стал его поднимать, понял, что не успеет. Мышцы варвара сжались в тугой комок, и киммериец мощным прыжком бросил свое тело вперед.

Он успел. Дуна отлетел от его толчка и с громким плеском исчез в водах озера, а в смертельные объятия медведя вместо шуплого юноши угодил гигант-варвар, с перевитыми, огромными и твердыми, как гранит, мускулами.

Лапы медведя опустились на плечи человека, длинные когти рванули туранскую кожаную без-

рукавку. Конан покачнулся, но устоял; сам зарывав, как медведь, он обеими руками вцепился в мохнатую шею зверя.

Вынырнувший на поверхность озера Дуна с ужасом уставился на застывших в напряжении борцов. Юноша подплыл к берегу и, весь дрожа от холода и страха, замер на берегу, не зная как помочь киммерийцу.

Медведь снова зарывал, но на этот раз тяжело, с натугой.

Его налитые кровью маленькие глазки заматались, словно он искал кого-то, кто бы пришел ему на помощь. Конан, стиснув зубы, усилил нажим, и голова зверя помимо его воли пошла влево и вверх, будто медведь хотел посмотреть, что у него за спиной.

Сухой треск, будто ветка под ногой хрустнула, заставил Дуна вздрогнуть. Обмякшая туша осела бесформенной грудой у ног киммерийца. Конан бессильно уронил руки. Он тяжело дышал, лицо блестело от пота. Дуна бросился к другу.

— Не сильно я тебя? — еле ворочая языком, спросил киммериец.

— Н-нет,— пролепетал Дуна.— А... а ты?

— Живой,— усмехнулся Конан. Посмотрел на тушу медведя, покачал головой.— Да, это труднее, чем свернуть шею дикому быку.

— Ты не ранен?

— Нет. Но клянусь Кромом, сейчас бы я с удовольствием выпил чего-нибудь покрепче озерной воды.

* * *

Через два дня путники стали замечать, что лес изменился. Ставшие привычными высоченные сосны и могучие ели почти исчезли, уступив место низкорослым березкам. Чаше приходилось пересекать открытые, поросшие мхом пространства, половина из которых мало чем отличалась от болот.

Здесь, далеко на севере, уже чувствовалось дыхание осени. На березах желтела листва, а по ночам вода покрывалась тонкой корочкой льда. Но днем солнце еще могло согреть эту стылую землю, и при ходьбе становилось невыносимо жарко.

Край был совершенно дикий, нехоженный. Огромные стаи птиц — гусей, уток журавлей — совсем не боялись людей, так что без обеда путники не сидели.

У лосей начинался гон, волки собирались в стаи, и по ночам была слышна их заунывная песня. Зайцы выпрыгивали прямо из-под ног. Лисы, спешащие по своим делам, не обращали на двух приятелей никакого внимания. Несколько раз друзья сталкивались с медведями, но разошлись миром, уступая друг другу дорогу. Жизнь была ключом. Такого изобилия непуганого зверья Конан не видел нигде.

И вдруг, как отрезало. Конан и Дуна словно пересекли невидимую границу, за которую не было хода ничему живому. Лишь изредка со страшным шумом взлетит испуганный глухарь, да в каком-нибудь ручье плеснет хвостом уходя-

шая на глубину выдра. Один раз вдалеке Конан заметил огромную рыже-бурую тушу мамонта, почти незаметную среди желтой листвы.

Киммериец удивился, увидев такое чудо, но как-то мельком, отстраненно, встревоженный неожиданным исчезновением прочих животных. Так что сворачивать с пути, чтобы вблизи полюбоваться этим осколком минувших эпох, не стал.

Своей тревогой киммериец поделился с Дуной.

— А что тут думать? — пожал тот плечами. — Понятно, что сюда заходят Дети Младших Богов. Звери боятся. Дивы хотя и носят звериную личину, но животные все равно чувствуют в них чужаков.

А еще через пару дней они шли уже по совсем мертвой местности.

Казалось, только они вдвоем, да Терес, летящий над их головами — единственные живые существа в этих местах. Даже деревья, даже мох под ногами казались мертвыми: на ошупь будто вырезанными из холодного железа, или нарисованными на серо-зеленом призрачном холсте каким-то бездарным живописцем. Ночью теперь всегда оставляли часового — в помощь Тересу, который из нахальной и упрямой птицы вдруг превратился в ласкового и преданного друга. На стоянках он ни на шаг не отходил от Дуны, пытался фамиллярничать и с Конаном, но киммериец на заискивания не реагировал, а заваливаясь однажды спать, чуть было не придавил ластившегося к нему ворона, после чего долго ру-

гался на помятого Тереса, который нахохлившись сидел на плече у Дуны и даже не пытался возражать.

Ворон был явно напуган. Угроза чувствовалась в самом воздухе, который казалось давил на людей, леденя души и сжимая сердца.

Как-то под вечер, шедший как всегда впереди Конан, вдруг резко остановился. Киммериец закинул голову вверх и замер, пригнувшись.

— Что случилось? — спросил догнавший его Дуна.

Позади был трудный переход через болото, залитое ржавой водой, так что и не разберешь, куда ставить ногу. Каждый раз, когда нога проваливалась по колено, а то и выше, сквозь моховую подушку и погружалась в холодную, дурно пахнущую жижу, у Дуны замирало сердце. Но друзьям везло: за весь долгий день никто из них не угодил в предательские «окна». Однако Дуна устал, как никогда. Промокший и грязный, он выглядел жалко. Тонкая кожа, обветрившаяся за время путешествия, казалась прозрачнее кхитайского шелка.

После того как Конан спас ему жизнь, заняв место Дуны в объятиях косолапого, юноша чувствовал себя в долгу перед киммерийцем. И так от природы довольно застенчивый, паренек почти перестал разговаривать, но зато непременно подсовывал Конану самые жирные куски дичины. Киммериец, которому и в голову не приходило, что эти куски оказываются у него не сами по себе, невозмутимо съедал все до крошки.

Впрочем последние несколько дней им приходилось питаться только сухарями да грибами, чем Конан был весьма недоволен. Отчаявшийся Дуна поклялся себе, что сегодня-то он точно добудет к ужину мяса, только бы встать пораньше на ночлег...

— Я чувствую запах дыма,— сказал Конан.

— Пожар?

— По такой сырости?

— Тогда что?

Голубые глаза киммерийца сузились.

— Деревня,— глухо бросил он.

Дуна с пониманием кивнул, чувствуя, как в животе начинает сжиматься холодный тугой комок.

— Или костер,— бросил он небрежным голосом.

Конан поглядел на него как на убогого.

— Деревня,— повторил он.

На этот раз Дуна промолчал.

Конан постоял, подумал, потом, пожав плечами, двинулся вперед.

— Ясное дело, что недобрые люди живут в таком месте,— на ходу объяснил он юноше.— Наверное, и не люди вовсе. Но взглянуть надо, только тихо...

Местность понемногу повышалась. Болото осталось позади. Друзья осторожно шли по пологому склону, поросшему жесткой, как солома, травой. Вскоре они вошли в густой ельник.

Невысокие деревья были покрыты серым мхом чуть не до самых вершин, будто какой-то

великан укутал лес своей седой бородой. Ни один звук не нарушал тишины — у Дуны даже заложило уши.

Среди молодых елочек попадались и довольно высокие деревья. Возле одного из таких Конан остановился.

— Ну-ка! — кивнул он Дуне.

Юноша тут же сбросил с плеч мешок, снял перевязь с мечом и лук.

— Я мигом!

Взбираться было легко. Вскоре Дуна уже удобно устроился в развилке ветвей почти на самой верхушке дерева. Холодный ветер мигом высушил капли пота, выступившие на лице за время подъема. Юноша поежился, но тут же забыл о холоде. Прищурившись, он глядел на север.

Конан был прав — до деревни было не больше полулиги. Вернее, до хутора — всего-то несколько подворий. Хутор как хутор: крепко рубленые дома с двускатными крышами из корья, плетни, колодец, из труб дымок вьется...

Но хутор этот Дуне не понравился. Конечно, ясно — добрые люди в таких местах жить не будут, тут Конан прав.

Но было и еще кое-что, вернее не было: сколько Дуна не прислушивался, он не услышал ни лая собак, ни мычания коров, ни других обычных для людского жилья звуков. Если бы не дым, хутор казался бы вымершим.

Дуна решил проверить, хотя и так все было понятно. Он закрыл глаза, привычно отрешаясь от зримого мира, и потянулся своими вдаруг нео-

бычайно обострившимися чувствами к недалеким строениям.

Обычно это получалось у него легко — видеть далекое, осязая то, до чего рукой не дотянешься... словом, то, что Конан неприязненно называл колдовством, являлось для Дуны скорее игрой.

Он был способен от природы, да и учителя у него попались хорошие, но никогда он и в мыслях не держал пойти далее по тропе тайного знания, стать кудесником, магом и, как следствие — отшельником. Как Унна, к примеру. Нет уж! Забавляться и дурачиться, как тогда в Халогге, когда он на спор ломал руки дюжим воякам в «Буром быке», чтобы привлечь внимание Конана — вот это сколько уютно!.. Однако ведовство помогло им в схватке с Брагой, и сейчас он пытался применить свое знание для дела, а не баговства...

«Интересно, Игг, явившись именно мне, рассчитывал на мою волшбу или на что-то иное?.. А на что же еще, — сам себе отвечивал Дуна, — хотя, волшебник-то из меня не ахти какой... Но без нее, без волшбы, я бы давным-давно ноги протянул в этих топях. И боюсь я... ох, как боюсь! Игг все-таки мог бы и понадежней кого найти...»

Соппротивление Дуна почувствовал сразу, однако не направленное конкретно против него, а... словом, было такое чувство, будто продаираешься сквозь густой кисель.

Ничего не видно, не слышно, и каждый шаг дается с трудом. И еще было ясное ощущение

угрозы. Опять же не к нему — а угрозы вообще, ко всему живому.

Дуна вздрогнул и открыл глаза. Попытка его была слабой, и хвала Иггу, ее не почувствовали.

«А если бы почувствовали!?»

Дуна содрогнулся. Можно было только гадать, что предприняли бы те, кто скрывался за этой завесой, но им с Конаном точно бы не поздоровилось...

«А ты на что другое рассчитывал? За этим и шли...»

Дуна вдруг почувствовал, что основательно промерз, сидя верхом на ветке. Порывы северного ветра раскачивали высоченную ель, как тростинку. Спуск будет потруднее подъема: когда он лез наверх, такого ветра не было.

Постукивая зубами от холода, Дуна начал спускаться. И не успел он пройти и половины, как снизу послышался неясный шум.

До земли было далеко.

Путаница мохнатых ветвей и сгущающиеся сумерки мешали разглядеть, что происходит внизу. Юноша бесшумно скользил по стволу. Ноги сами собой находили опору — голова была занята совсем другим: «Конан!»

А Конан стоял, прижавшись спиной к шершавому стволу и выставив перед собой меч.

Три волка-оборотня тоже замерли в обманчивой неподвижности в нескольких шагах от киммерийца. Оскаленные пасти с огромными желтыми клыками и горящие жутким багровым огнем глаза не предвещали человеку ничего хорошего.

А рядом с ними — на шаг ближе к Конану — стояла юная девушка, тонкая и хрупкая, как молодая березка, с длинными светлыми волосами до плеч, одетая в зеленое платье, стянутое в талии серебряным пояском.

Большие серые глаза пристально смотрели на киммерийца. В них ясно читалось любопытство... и что-то еще, Конан никак не мог понять, что же именно. Возможно, красный отблеск заката, порой вспыхивающий искрой в девичьих глазах, мешал ему.

Еще один волколак — самый нетерпеливый — валялся в стороне с перебитым хребтом.

— Зачем ты убил Хаму, человек? — голос девушки был глубок и звучен, как у зрелой женщины.

Вопрос не требовал ответа. Конан не сомневался, что перед ним враг — беспощадный, страшный, который ждет малейшего неверного движения, чтобы вцепиться ему в горло. И киммериец понял наконец, что светилося в глазах этой девицы, помимо любопытства.

Желание. Вожделение. Она хотела его. Десятки женщин смотрели на могучего киммерийца, и в их глазах он тоже видел желание, но несколько иного рода. Те женщины видели в нем мужчину, а эта... о, Кром, иного слова, чем «пища» и не подобрать! И огонь в ее узких зрачках отнюдь не отсвет заходящего солнца!

«Как там Дуна? Лучше бы ему посидеть на дереве, пока все не кончится... впрочем, только боги знают, что тут лучше...»

Стоящий рядом с девушкой волк глухо заворчал и подался вперед.

— Стой!

Волк даже присел на задние лапы от этого крика, красный огонь в его глазах погас, и в них появился страх. Слуга ослушался господина!

— Отчего же ты молчишь человек?

— Ты — из Детей Младших Богов? — медленно спросил Конан, хотя и так знал ответ.

«Оборотни — тоже из Детей, да не из тех...» — вспомнились ему слова Унны. А сейчас перед киммерийцем стояла одна из «тех».

— Люди нас так называют? По-моему слишком длинно. Мое имя — Толара. Как зовут тебя, человек?

Она неожиданно приблизилась — Конан и глазом не успел моргнуть — на пару шагов, порыв ветра взметнул ее светлые волосы, и красный огонь, таящийся в глубине ее глаз, стал ярче, будто стремясь вырваться наружу.

И, словно отвечая на этот демонический блеск и на ее улыбку, холодную, как вода северных озер, белым пламенем полыхнул клинок двуручного меча, испившего Древней Крови. Волки-оборотни взвыли и прыгнули назад. Отшатнулась и Толара. От улыбки на ее лице не осталось и следа. Она что-то пронзительно взвизгнула и раскинула в стороны руки.

Конан не был бы самим собой, если бы не попытался воспользоваться растерянностью противника. Варвар прыгнул вперед, занося над головой пламенеющий меч. Тут же один из волков, пре-

зрев опасность, бросился на киммерийца. Удар, предназначенный Толаре, достался ее слуге. Рассеченное пополам серое тело вспыхнуло нестерпимо ярким пламенем. Одновременно облик Толары стал быстро и жутко меняться: очертания девичьего тела словно размылись, вокруг Дочери Младших Богов за клубился багровый туман, и из этого клубящегося «нечто» начало расти невообразимо уродливое членистое, покрытое слизью тело с гигантскими клешнями, способными перекусить пополам корабельную мачту.

И эти клешни потянулись к киммерийцу.

В следующее мгновение послышался хлопок тетивы, и длинная стрела, свистнув в вечернем стынушем воздухе, исчезла в центре полупрозрачной фигуры.

Вспышка яростно взметнувшегося вверх пламени — и на том месте, где стояла Толара, остался лишь обгоревший мох.

Рванувшийся вперед Конан поразил еще одного волколака, а вторая стрела Дуны испепелила последнего оборотня.

Все было кончено. И все только начиналось.

* * *

Они убегали в ночь, стремясь как можно дальше уйти от выжженной поляны и того жуткого безмолвного хутора. Трудно было предполагать, что живущие там поселяне, кем бы они ни были, не заметили сполохов пламени, но друзей никто не преследовал, никто, кроме темного ужаса.

Хриплые испуганные вскрики невидимого в ночи Тереса, летящего где-то над их головами, свист ветра, бьющего в лицо, и вызывающее холодный пот между лопаток чувство незащищенности — вот, что запомнилось Дуне от этого безумного бега.

Конан, бежавший впереди, вдруг резко остановился.

— Клянусь Кромом! — заревел он, оборачиваясь. — Я не позволю гонять себя, как кролика!

Черные волосы варвара стояли дыбом, глаза метали молнии, огромная рука грозила в темноту невидимым врагам, пальцы другой с силой сжимали эфес меча.

Дуна со всхлипом повалился на землю.

— Я больше не могу! — простонал он, задыхаясь.

— Вставай, парень! Сражайся, как подобает воину!

Дуна сжал голову руками. Конан поворачивался то в одну, то в другую сторону, глухо рыча. Где-то истошно вопил Терес.

— Спокойно, спокойно... — шептал Дуна.

В небе мертво скалилась, ущербная луна, и ветер буйствовал в кронах деревьев, то издевательски хохоча, то злобно завывая, как стая голодных волколаков.

— Ну, где же эти твари?! — голос Конана звучал твердо, хотя и вибрировал от ярости.

— Конан, их нет, — прошептал Дуна. — Никого рядом нет! Это магия! Я чувствую чары... Они пытаются одолеть нас страхом!

— Чем? Страхом?

Меч киммерийца опустился. Лезвие тускло светилось, отражая свет звезд, а не пламенело, как если бы рядом были оборотни.

Конан вдруг расхохотался.

— Ну, этим меня им не победить! — смеясь, сказал киммериец. — Напустить туман страха и не спрятать в нем дюжину клинков — как глупо с их стороны! Хотя поначалу мне и вправду казалось, что за нами гонится целая стая, — признался он. — Как ты думаешь, Дуна, они знают, где мы?

— Лучше нам с тобой не рассчитывать, что они потеряли наш след — Юноша медленно поднялся на ноги, все еще дрожа и пугливо озираясь. — К тому же я собираюсь сотворить укрепляющее заклинание, а волшба сразу укажет врагам, где нас искать...

— А зачем тогда нужно твое заклинание? — нахмурившись, спросил Конан.

— Чтобы рассеять страх.

— Вот еще! И тем самым навести на нас оборотней? В своем ли ты уме, парень?

— Я не могу больше! — чуть не плача крикнул Дуна. — Я задыхаюсь от ужаса, я готов кататься по земле и выть, понимаешь — выть?! Я не такой толстокожий, как ты!

— Ты же мужчина! Крепись!

— Да не мужчина я! Не парень! Неужели ты до сих пор не понял?!

Вдруг стало очень тихо. Даже Терес, поперхнувшись, замолк.

Ветер перестал дуть, а луна спряталась за набежавшие тучи. В полной тишине прозвучал напряженный голос киммерийца:

— Не понял...

Он был совсем близко, хотя почти невидим во мраке; она слышала его дыхание. Большой, сильный, уверенный в себе. Девушке захотелось прижаться к этому могучему телу, к широкой, мощной груди. Она вдруг поверила, что Конан может уберечь ее от самой грозной опасности, что обессиливающий страх исчезнет, как только она протянет к нему руки...

Что она и сделала.

— Теперь понятно, — пробурчал киммериец, обнимая прижавшееся к нему юное девичье тело.

* * *

— Кажется, пришли, — сказал Конан, останавливаясь на опушке леса и вглядываясь в даль.

То ли им действительно удалось запутать следы, то ли по какой-то другой причине, но в течение нескольких дней, прошедших после схватки с Толарой и ее слугами, они не встречали Детей Младших Богов. Конан, как всегда подозрительный, был склонен думать, что враги готовят ловушку.

Несколько раз им встречались небольшие поселения, так же, как первое, издалика казавшиеся вымершим. Их они обходили стороной.

Сейчас перед путниками простиралась ледяная гладь замерзшего озера, а вдалеке виднелся остров, на котором высилась одинокая гора.

— Это колдовское место,— сказала Дуна.— Конечно, довольно холодно, но не настолько, чтобы вода могла замерзнуть.

Сразу же после своего признания девушка поняла, что темный ужас, посланный на них злыми силами, больше не властен над нею. Она снова превратилась в того живого и немного взбалмошного спутника, каким была вначале их путешествия.

— На острове, наверное, и растет этот проклятый Ледяной Лес,— задумчиво произнес Конан.

— А гора и есть наша цель,— добавила девушка.— Что мы там найдем?

— Чего гадать? Пойдем да посмотрим.— Конан ступил на лед. Тот выдержал вес его гигантского тела, даже не затрещал. Дуна поспешила за ним, держа наготове лук и стрелы.

Стрел осталось мало: как ни берегла их девушка, все-таки подрастерялись за время долгого пути.

Отойдя на несколько шагов, она оглянулась.

Наохлившись Терес сидел на ветке корявой сосны и глядел им вслед. Сердце девушки невольно защемило. Она поняла, что ворон считает свою задачу выполненной,— и остается. Он довел их до места, оставшуюся лигу или две они пройдут без него.

Помахав птице рукой, Дуна резко отвернулась и поспешила за ушедшим вперед киммерийцем.

— Терес остался на берегу,— сообщила она.

— Хвала Кромю,— буркнул Конан.— Я давно мечтал об этом миге.

Больше они не разговаривали, пока не достигли острова.

Берег представлял собой ледяную ступеньку идеально прямоугольной формы. Его линия тянулась шагов на двести, потом резко исчезала, наверное, тоже под прямым углом. Ясно, что этот «остров» был творением не природы, а человеческих рук. Или магии — последнее более вероятно. И на этом льду рос лес. Ледяной лес.

Издалека деревья даже напоминали живые.

Подойдя поближе, Конан и Дуна увидели, что на их пути растут не деревья, а причудливые ледяные сосульки. Иные действительно напоминали заиндевевшие сосны и ели: та же морщинистая кора, та же хвоя, все в точности походило на настоящее, с одной лишь разницей — они были из чистого льда. Но были здесь и огромные, рвавшиеся ввысь ледяные обелиски, и низкие, напоминающие медвежьи капканы, злобно оскалившие ледяные торосы. А между этими гигантами и карликами — невообразимая мешанина ледяных кружев. Сосульки сплетались самым непостижимым образом, образуя сложную паутину невиданной формы. Казалось, пар от дыхания восьми ветров, столкнувшихся здесь, на этом колдовском острове, застыл, замороженный навеки каким-то неземным, иномировым холодом.

Конан и Дуна осторожно пробирались между сосулками, стараясь не зацепить ледяные ветви. К счастью, они шли по какому-то подобию тропинки, где ледяной лес рос не так густо. Вокруг царило безмолвие, которое все сильнее и сильнее

действовало киммерийцу на нервы. Он чувствовал, знал, что схватки не избежать! И сам стремился к ней! Ноздри варвара раздувались, голубые глаза горели мрачным огнем. Так что когда дорогу им преградил неведь откуда взявшийся медведь, Конан даже обрадовался этой встрече.

С шага он перешел на бег. Выхваченный из ножен меч полыхнул белым пламенем.

Медведь был не простой. Медведь-оборотень, о котором и сказок-то нет, как нет и тех, кто видел его и остался в живых.

— Конан, сзади!

Зазвенела тетива лука, свистнули стрелы.

Киммериец краем глаза заметил, что и с боков стали возникать темные расплывчатые фигуры — до этого момента остававшиеся невидимыми. Но сейчас перед ним был медведь, первый, на свою беду, вылезший под удар не знающего промаха меча.

Конана не смутило, что вставший на задние лапы бурый исполин движется отнюдь не по-звериному: ловко уклоняясь то вправо, то влево, очень быстро... дьявольски быстро! Но киммериец был все же стремительнее: взмах, удар, рев — и вспышка пламени. И звонкие капли мгновенно растаявших ледяных ветвей. Кто-то бросился снова — маленький, серый, — и снова вспышка, жар на лице, и водяные брызги, остудившие опаленную кожу.

— Надо быть осторожнее, — пробурчал киммериец, не переставая вращать мечом. — Как бы самого себя не поджарить!.. Дуна, не отставай!

Но через сотню шагов остановиться все-таки пришлось. Всей мощи киммерийца не хватило, чтобы пробиться через ряды оборотней. Презрев смерть, на них непрерывно лезли волки, рыси, лисы — и люди тоже!

Мужчины и женщины, хотя и немногочисленные, бросались на двух посланников Старших Богов, расталкивая своих собратьев в звериных личинах.

Лица чудовищ в человеческом обличье были искажены дикой злобой и немногим отличались от оскаленных морд хищников.

Разные по виду, но одинаковые по сути, оборотни гибли десятками, так как малейшее прикосновение клинков Конана и Дуны к их телам превращало Детей Младших Богов в кучки пепла. Но оборотней было слишком много.

Хозяева этого края даром времени не теряли. Дав грозно вооруженным врагам свободно подойти к Ледяному Лесу, тут они приготовили им достойную встречу, собрав огромную армию чуть ли не со всей Гипербореи.

Конан и Дуна встали возле высоченного ледяного обелиска — спина к спине.

Девушка отчаянно отмахивалась своим коротким мечом.

— Нам не пробиться! — крикнула она.

— Поколдуй, может получится! — проревел в ответ киммериец и расхохотался. Его дикий хохот, казалось, озадачил нападавших, чем Конан тут же и воспользовался, будто огненной косой пройдясь по первому ряду оборотней.

И, хотя Конан дал свой совет, явно издеваясь, Дуна уцепилась за его слова — другого выхода просто не было.

«Игг, отец мой, помоги, надоумь!»

«Ветер!» — грянуло в ее сознании.

Заклинание было несложным и всплыло в памяти сразу.

Выбросив вперед руку, Дуна выкрикнула прямо в оскаленные морды несколько слов, которые сначала не произвели никого эффекта, но уже через несколько мгновений резкий порыв ветра стегнул, будто плетью, по разъяренной стае.

Конан и Дуна оказались в центре гигантского смерча, который сбивал с ног визжащих чудовищ, тащил их по гладкому льду, где не было никакой возможности зацепиться за что-либо.

Беснующийся ветер с хрустом и звоном ломал ледяные ветки, и острые осколки, летя по воздуху с огромной скоростью, вонзались в мохнатые тела, раня, калеча, убивая...

— Бежим! — крикнула Дуна, хватая Конана за руку. — Ветер долго не продержится, заклинание слишком слабое!

— Я бы так не сказал! — удовлетворенно прорычал Конан, озираясь по сторонам.

Они понеслись к теперь уже недалекой, вздымающейся над лесом горе. Там их ожидали. Ветер, долетев до подножия ледяной громады, внезапно стих.

За спиной еще бушевал ураган, оттуда, из леса, доносились вопли и взвизги разметанной стаи, а здесь царил тишина, словно ветер, выз-

ванный Дуной, разбился о мрачную неподвижность стоявших у горы фигур.

— Дивы! — прошептала побледневшая девушка.

Их было немного, десятка полтора, может — два. Порождения ледяного тумана и недомыслия Старших Богов, пасынки природы и родители ужаса. Враги всех, кто не походил на них, кто не умел надевать личину птицы, зверя, чудовища...

Они ждали — молча, неподвижно. Людям некуда было бежать. Громадные и приземистые, вооруженные клешнями, рогами, копытами, жалами... Два десятка тел — иные в костяной броне, иные сочащиеся слизью — преградили вход в пещеру — черный провал в грязно-сером теле горы.

Конан и Дуна остановились, не зная толком, что делать.

«Слушай, сын мой! — в голове киммерийца вновь прогремел голос, который он уже слышал однажды, в далеком душном Шадизаре, и, повинаясь которому, он пришел сюда, на край света. — Есть еще один вход в пещеру. Узкий лаз, справа от главного входа.»

— Дуна, лук!

— У меня всего одна стрела!

— Бей в крайнего справа — и бегом! Так, как никогда еще не бегала!

Свистнула стрела, и монстр, чем-то напоминавший паука с десятью мохнатыми лапами и огромными жвалами на жутком, почти человеческом лице, исчез в вспышке белого пламени.

— Бежим скорее! — заорал киммериец, броса-
ясь вдоль склона. Но твари оказались слишком
быстры. Конан, возможно, и проскочил бы, но
Дуна отстала. Киммериец был вынужден остано-
виться и встретить грудью атаку чудовищ. А из
леса к врагам уже спешила подмога — толпа ос-
вободившихся от чар оборотней.

— Беги! — рявкнул варвар. — Там есть лаз...

Девушка промчалась мимо него, а Конан от-
разил удар ледяного копья — огромной сосуль-
ки, что попытался всадить ему в живот первый
из нападавших: гигант с двумя человеческими
руками и двумя щупальцами, которые тянулись
к киммерийцу.

Он увернулся и отскочил, одновременно ру-
банув мечом. Монстр отдернул щупальца, и Ко-
нан, развернувшись, помчался вслед за Дуной.

Девушка уже стояла возле расселины и под-
прыгивала от нетерпения, поджидая его.

Расселина была так узка, что Конан еле в нее
протиснулся.

— Хвала Крому! — прорычал он. — Этим чу-
дищам ни за что здесь не пробраться!

— Они могут пройти в главный ход! — возра-
зила девушка. — Поспешим!

Ход был извилистым, он то расширялся, то
сужался. Обнаженные мечи здесь, внутри чрева
горы, снова засветились, освещая дорогу, так что
люди бежали, не рискуя расшибиться в этой ле-
дяной кишке.

В пещеру они ворвались неожиданно. Потолок
вдруг резко взметнулся вверх и исчез в полумра-

ке, который не мог рассеять даже блеск их клин-
ков, а стены раздались в стороны и вспыхнули
тысячью искр, отражая призрачный свет мечей.

— О, Кром! — прохрипел Конан. — И что нам
тут делать?

Дуна замерла на мгновение — тонкая, вытя-
нутая во весь рост, высоко подняв над голо-
вой руку с мечом.

Откуда-то слышалась тяжелая поступь и пых-
тение погони, а со стороны узкого лаза, которым
только что прошли Конан и Дуна — крики и то-
пот.

— Они разделились! — крикнул киммериец. —
Будем драться! Ты у расселины, а я встречу их
у главного входа!

«Нет! — слышали они одновременно. — Раз-
бейте зеркала!»

— Зеркала? — пробормотал Конан, озираясь.

Стены пещеры были сложены из льда. Глад-
кого, как зеркало, только черного. Черные ледя-
ные зеркала... Сотни, тысячи зеркал!

«Дуна, заклинание разрушения!» — раздался
крик Игга.

Они поняли и взглянули друг другу в глаза.

— Торопись, — буркнул киммериец. — Одному
мне долго не устоять.

Дуна опустила на колени и закрыла глаза,
сосредотачиваясь на заклинании, которое долж-
но было сорваться с ее губ и уничтожить силу
Детей Младших Богов. Сейчас для нее не суще-
ствовало ничего и никого: ни чудовищ, стремя-
щихся покончить с ними, ни Конана, ни даже

Игга. Она начала произносить заветные слова и, когда упало последнее, стены пещеры вздрогнули.

Яростный крик дивов эхом заплесал под ледяными сводами. Черные зеркала выгнулись, будто под напором изнутри, но устояли. Девушка не чувствуя пота, ручьями льющегося по лицу, начала читать заклинание снова. И тут же ощутила сильное противодействие, знакомое ей еще по встрече с Толарой, «кисель», через который она не могла пробиться.

Сквозь плотно сжатые веки пробился сполох огненной вспышки, а в уши ударил рев: Конан вступил в бой.

В отчаянье Дуна стиснула кулаки и застонала.

«Склянка! Пузырек, что дала Унна!» — напомнил ей Игг.

Рука девушки скользнула за пазуху.

Тяжелое дыхание, свист меча и новая вспышка...

Настойка оказалась горькой и противной.

Непроходимая преграда вдруг исчезла, будто ее и не было. Невыразимая легкость наполнила все существо девушки. И вместе с ней пришло сознание своей силы — своей, а не данной извне, не выпитой из склянки Унны. И сила эта была громадна. Дуна чувствовала, что могла бы и саму гору разнести на камешки, не только эти проклятые зеркала.

Сила опиралась на знание. Знание было связано с силой пониманием. В один короткий миг

Дуна поняла, почему Игг выбрал именно ее для этого опасного похода.

Резкая боль в плече — и наслаждение собственной мощью исчезло без следа.

Теперь ее глаза были открыты, но не видели яростной, страшной битвы, которую вел Конан — один, против тьмы монстров и обезумевших оборотней. Киммериец изнемогал под их натиском и дрался из последних сил, не подпуская чудовищ к стоящей на коленях девушке. Один кривой коготь уже смог дотянуться до ее тела, а таких когтей оставалось еще много... А оборотни, скинувшие звериные личины и превратившиеся в людей, очень ловко орудовали ножами и палками...

Первое слово заклинания упало тяжелым молотом, и теперь-то уже было ясно, что зеркала не устоят, если только удастся произнести заклинание до конца.

Вой, в котором смешались страх и ярость, едва достиг сознания Дуны.

Она продолжала читать заклинание и чувствовала, как ширится, растет, ломая все и вся на пути необоримая мощь, многократно усиленная древними, заветными словами.

Меч Конана обломился у самой рукояти, и киммериец голыми руками вцепился в горло ближайшего монстра. Остальные, уже не обращая на варвара никакого внимания, ринулись к девушке.

И тут будто судорогой свело ледяное чрево горы. Своды пещеры закачались. Зеркала снова

выгнулись, и на этот раз не выдержав, брызнули во все стороны мириадами ледяных осколков. Страшный крик рванулся к невидимому в темноте потолку и увяз там, утонув в нарастающем грохоте.

Гора рушилась. Конан, отбросив бездыханного противника, метнулся к девушке, перепрыгивая через корчившиеся на полу тела. Дуна медленно завалилась на бок. Киммериец подхватил ее на руки и бросился к выходу из пещеры. Пол уходил из-под ног, стены тряслись, обрушиваясь огромными каменными глыбами. Гигантскими прыжками Конан с Дуной на руках неся к смутно белеющему вдалеке пятну. Там — выход, там — спасение...

Но, выбежав из недр горы, Конан понял, что, избежав гибели от камнепада, они угодили в другую беду: остров стремительно таял, прямо на глазах. Ледяной Лес исчезал — оседал, съеживался, исходя потоками талой воды.

Киммериец стремительно бежал по разваливающемуся острову, когда страшный грохот возвестил о том, что проклятая гора рухнула, рассыпалась, исчезла.

Конан даже не оглянулся. Спрыгнув на лед озера, он побежал дальше к чернеющему вдалеке настоящему лесу — такому родному, такому желанному, где сидит на ветке дурак Терес, где можно, наконец, упасть на мягкий мох и перевести дух...

Лед трещал, повсюду змеились трещины. Возле самого берега Конан ухнул таки в воду, не

удержался на ногах, окунулся с головой, хотя глубина-то была всего по пояс.

Тяжело дыша, он выволок Дуну на берег и сам упал рядом с ней.

Он долго не мог отдышаться. Потом медленно приподнялся и сел, оглянувшись через плечо на простирившуюся позади ровную, незамутненную гладь озера — сколько он таких озер повидал! И принялся приводить Дуну в чувство.

* * *

Проснувшись наутро, Конан увидел Дуну, сидящую возле костра и отрешенно смотревшую на огонь.

Киммериец легко поднялся и, с наслаждением потянувшись, сел рядом с ней на поваленное дерево.

Девушка была очень бледна. Ее лицо осунулось, губы запеклись. На Конана она даже не посмотрела.

— Как плечо? — спросил киммериец.

— Ничего, — тихо ответила она. — Конан... Ты... ты на юг? В Халогу?

— Конечно. Там дальше посмотрим. А ты что, на север собралась? — засмеялся киммериец.

— Да.

Смех оборвался. Конан внимательно посмотрел на Дуну, помолчал, потом спросил коротко и резко:

— Зачем?

— У меня свой путь. Иной, чем у тебя... у других.

Конан пожал плечами. Лицо его было бесстрастным, но голубые глаза потемнели.

— Тебя проводить?

— Нет, Конан, ты помнишь ту склянку, которую нам дала Унна? Я выпила из нее... и мне открылось... сначала как озарение, а потом ночью... я не спала... и вот... поняла.

Девушка подняла на него глаза, и Конан поспешно отвел взгляд — он терпеть не мог женских слез.

— Поняла, почему Игг обратился ко мне. Видишь ли... я... я тоже из них. Из Детей Младших Богов. Ну, не совсем из них... То есть — все это так сложно...

— Кром! — в сердцах выкрикнул выведенный из терпения Конан. — Может, все-таки объяснишь толком?!

— Помнишь, я рассказывала тебе о том, что многие жители Тапио владеют началами магии? И я была обычной девчонкой... ну, может только чуточку более сведущей в ведовстве, оно мне легко давалось. А вчера я поняла, что сила во мне огромна, и что она не должна лежать под спудом. Игг и выбрал меня из-за нее. А силу мне дала кровь моих предков, тех, кто когда-то были больше, чем люди, и которые пожелали стать просто людьми. А те, кто не пожелал, остались Детями Младших Богов.

Повисло молчание. Конан жевал травинку и смотрел на подернутые золой уголья.

— И что ты будешь делать на севере? — наконец спросил он.

— Искать и учиться, — коротко ответила девушка. — Потом вернусь. Может быть мы еще встретимся, Конан из Киммерии!

* * *

Оставшись один, Конан долго сидел у догоревшего костра. Потом встал, запахнул плащ и, закинув за плечи дорожный мешок, обернулся к Тересу:

— Слушай, приятель, мне-то нянька не нужна, а вот ей... — он кивнул головой в ту сторону, куда ушла Дуна. — Успеешь еще к своей старухе. Проследи пока лучше за девчонкой. Да и ей с тобой веселей будет. А если ты сейчас же не полетишь, то, клянусь Кромом, на голодный желудок мне и старый ворон покажется дичью!..

СОДЕРЖАНИЕ

Олаф Локнит ТИГРЫ ХАЙБОРИИ

Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	25
Глава четвертая	33
Глава пятая	45
Глава шестая	55
Глава седьмая	67
Глава восьмая	77
Глава девятая	81
Глава десятая	85
Глава одиннадцатая	93
Глава двенадцатая	103
Глава тринадцатая	111
Глава четырнадцатая	119
Глава пятнадцатая	129
Глава шестнадцатая	133
Глава семнадцатая	147
Глава восемнадцатая	163
Глава девятнадцатая	169

Джей Болтон. Охотник	185
Цена любви	273
Ледовая сага	321

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** — романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсерии Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра — А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова, приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** — серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** — произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смоуп, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Кортпенд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** — циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** — "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Все обо всем", "Я познаю мир", "Все обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** — "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** — книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав **БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ**

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Приглашаем вас посетить московские магазины издательской группы "АСТ":

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.	Арбат, д.12. Тел. 291-6101.
Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.	Татарская, д.14. Тел. 959-2095.
Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.	Луганская, д.7. Тел. 322-2822.
2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.	

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31; проспект Просвещения, д.76. Тел. 591-20-70.

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46. Издательство «Фоллио»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ СЕРИЮ
«ПЕРЕКРЁСТОК МИРОВ»

МНОЖЕСТВО ДОРОГ ВЕДЕТ К
ПЕРЕКРЕСТКУ МИРОВ

ЛЕГЕНДЫ И МИФЫ,
МИСТИКА И ФАНТАЗИЯ,
РОЖДЕННЫЕ
ВООБРАЖЕНИЕМ
ТАКИХ
АВТОРОВ КАК

А. ДАШКОВ,
М. и С. ДЯЧЕНКО,
А. ЗОРИЧ,
Д. СКИРЮК

УВЛЕКУТ ВАС В
НЕВЕДОМЫЕ ДАЛИ...

И КОГДА ВЫ ОГЛЯНЕТЕСЬ НА СВОЙ ПРИВЫЧНЫЙ МИР-

ВЫ НЕ УЗНАЕТЕ ЕГО!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастическую эпопею

Константина Бояндина

РАДНОЧ

читайте первые книги цикла:

Осень прежнего мира
Пригоршня вечности
Ветхая ткань бытия
Смутные тени судьбы

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

Дмитрий Скирюк

**ОСЕННИЙ
ЛИС**

**СУМЕРКИ
МЕЧА**

Причудливый и противоречивый мир.
Здесь Лес говорит с человеком. Здесь
Гаммельнский крысолов под звуки дудочки
заманивает детей-колдунов.
Здесь радушный граф Дракула встречает
гостей в своем замке.
Здесь все переставлено с ног на голову - или
с головы на ноги? Кто знает...
Все может случиться в мире, где под осенней
луной танцуют рыжие лисы...

КНИГИ
ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

**ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ
«АСТ»**

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел. (095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ПЕРЕКРЕСТОК
МИРОВ

Издательство
«Северо-Запад Пресс»
представляет
фантастический роман

Андрея Дашкова

ДВЕРИ ПАРАНОЙИ

ПЕРЕКРЕСТОК
МИРОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ПРЕДСТАВЛЯЕТ

**Марина и Сергей
Дяченко**

СКИТАЛЬЦЫ

Впервые знаменитая эпопея фэнтези
публикуется в полностью!
Наконец вы сможете прочитать
долгожданный роман

"Авантюрист"

завершающий блистательную
трилогию:

"Привратник"

"Шрам"

"Преемник"

ФЭН-КЛУБ
«КОНАН»
В ИНТЕРНЕТЕ !

Новинки серии
Анонсы будущих книг
Библиография «Саги о Конане»
Неизвестное об авторах
Путеводитель по Хайбории
Коллекция линков
Гостевая книга

<http://barbarian.agava.ru>

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

Литературно-художественное издание

Болтон Джей
Локнит Олаф

Конан и Тигры Хайборни

Руководитель проекта Д. Ивахнов
Составитель Н. Баулина
Художественный редактор И. Богданов
Верстка: И. Федорова
Технический редактор В. Успенский
Корректор С. Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 17.07.00.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Палатино». Печать
высокая с ФПФ. Бумага типографская. Усл. печ. л. 21,00.
Тираж 10 000 экз. Заказ 1497.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999
Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А
Для писем:
197022, Санкт-Петербург, а/я 125
sz-press@peterlink.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32
от 27.08.97. 220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35-305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300

Республиканское унитарное предприятие
«Полиграфический комбинат имени Я. Коласа».
220005, Минск, ул. Красная, 23.